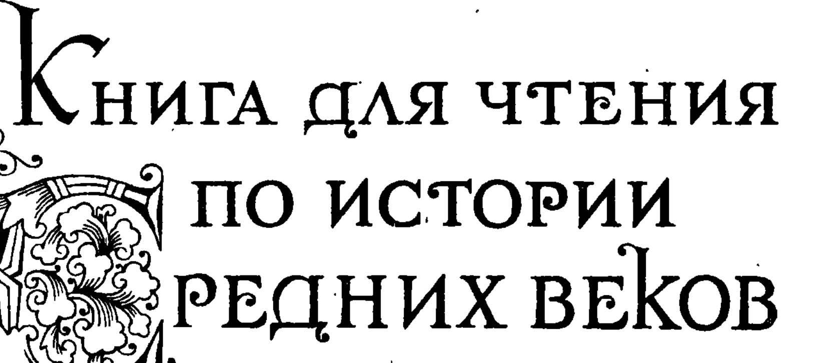
Книга для чтения по истории средних веков

УЧПЕДГИЗ 1940

Книга для чтения по истории средних веков

под редакцией проф. С. Д. Сказкина

Часть первая

Раннее средневековье

Издание второе

Государственное
учебно-педагогическое издательство
министерства просвещения РСФСР
Москва · 1948

Утверждена
Министерством просвещения РСФСР
к переизданию 25 июля 1947 г., протокол № 278.

«Книга для чтения по истории средних веков» (часть I) под редакцией проф. С. Д. Сказкина охватывает раннее средневековье (VI—XI вв.) и предназначена для учащихся VI—X классов средней школы. Книга для чтения содержит 15 отдельных очерков, описывающих в популярном изложении политические события, быт и культуру раннего средневековья. Книга может служить как для самостоятельного чтения учащихся, так и для кружковых занятий. Книга снабжена 51 рисунком.

ОТ РЕДАКТОРА.

При составлении этой книги нашей задачей было дать учащимся живой и интересный материал для самостоятельного чтения и кружковых занятий по истории средних веков. Первый выпуск этой книги посвящён раннему периоду средневековья.

Бо́льшая часть статей данной книги написана аспирантами исторического факультета Московского государственного университета, подрастающим поколением молодых учёных, либо работавших, либо и сейчас продолжающих работать в средней школе. Один из редакторов этой книги, доцент А. Д. Эпштейн, руководитель исторического кружка Московского дома пионеров, обсуждал бо́льшую часть статей в кружке, и дети, принимавшие участие в этом обсуждении, дали ряд интересных рецензий, замечаний и пожеланий, для нас тем более важных, что они шли из круга наших будущих юных читателей. Мы, однако, не сделали из этих пожеланий того вывода, что книга для чтения по истории в целях наибольшей занимательности должна превратиться в ряд исторических повестей и рассказов, в которых фантазия автора законодательствует над материалом. В основе каждой статьи нашей лежит прежде всего исторический источник, задачей каждой статьи была прежде всего историческая правда, ибо только она одна воспитывает в учащихся историческое мировоззрение, лежащее в основе марксистско-ленинского понимания прошлого и настоящего.

В данную книгу вошли 15 очерков по истории средних веков. Некоторые из них по характеру изложения приближаются к исторической беллетристике (например «Суд во времена Салической правды» — Л. С. Чиколини), другие же — ближе к историческому учебнику (например очерк «Завоевания арабов» — Ю. А. Бэра).

При составлении «Книги для чтения» мы стремились возможно полнее изобразить культуру раннего средневековья («Арабская культура» — Ю. А. Бэра, «Алкуин и школа при Карле Великом» — А. А. Фортунатова, «Как обучались в средневековых университетах» — Кублановой и др.). К сожалению, сравнительно небольшой объем книги не позволил нам

представить культуру раннего средневековья в более полном объёме.

Мы не касались также здесь сюжетов, имеющих отношение к истории СССР, так как имеется достаточное количество хрестоматий и книг для чтения, трактующих эту часть истории средних веков.

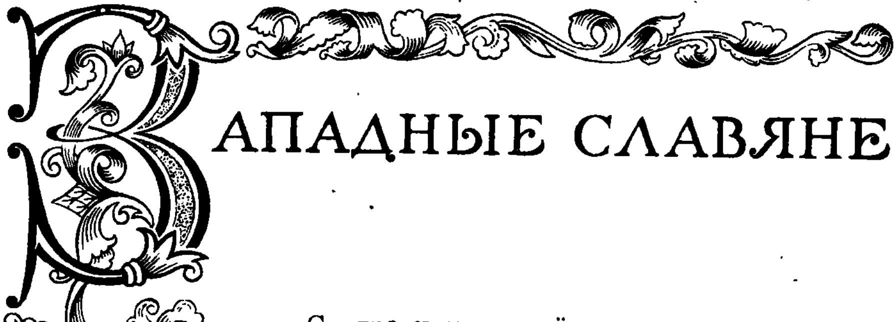
Значительное место мы отвели крестовым походам («Первый крестовый поход» — М. А. Зиновьева, «Крестоносцы в Византии» — А. Д. Эпштейна, «Четвёртый крестовый поход и Венецианская республика» — А. Д. Эпштейна).

В дальнейшем выйдут вторая и третья «Книги для чтения по истории средних веков», охватывающие историю XI—XVII вв включительно.

В редактировании книги участвовали, кроме меня, доцент, кандидат исторических наук А. Д. Эпштейн и кандидат педагогических наук М. А. Зиновьев.

Иллюстрации подобраны кандидатом исторических наук С. З. Левиовой.

Проф. С. Д. Сказкин.

ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ

С древних времён славянские народы жили в Европе. Самые ранние сведения о славянах, сообщаемые римскими писателями, относятся к первому веку н. э.

Историк VI столетия Иордан рассказывает: «К Дунаю прилегает Дакия, как венцом ограждённая горами, по левой стороне которых и от верховьев реки Вислы на неизмеримых пространствах обитает великий народ венедов. Хотя имя их и меняется теперь в зависимости от племени и места, — однако главные названия их — склавины и анты».

Данные Иордана говорят об обширных пространствах, занимаемых славянами; они свидетельствуют о существовании многочисленных племён, носивших самые различные названия. Не упоминая отдельных племенных названий, Иордан указывает три главных наименования, под которыми известны были славянские народы: венеды, склавины и анты. Византийский историк VI века Прокопий повествует о том, что «Бесчисленные племена антов занимают дальнейшие края к северу от Понта (Чёрного моря) и Меотийского залива (Азовского моря)». Прокопий говорит, что прежде склавины и анты имели одно общее имя. Очевидно, три наименования свидетельствуют о постепенном размежевании славян, разделившихся на три ветви: славян западных, южных и восточных.

Данные древних авторов подтверждает «наука лопаты» — археология. Результаты раскопок устанавливают, что жилище антов представляло собой группу полуземлянок, связанных между собой подземными ходами. В подобном жилище размещалась большая семейная община. Каждый из взрослых сыновей главы общины занимал со своей семьёй одну из полуземлянок. При раскопках антских городищ найдены зёрна пшеницы, серпы и железные части плугов.

Эти восточные славяне анты и были нашими предками, предками русских, белорусов и украинцев. О них-то, о южных и восточных славянах, вошедших в соприкосновение с древней Византией, мы и знаем раньше и больше всего от византийских писателей.

1. ВИЗАНТИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЮЖНЫХ СЛАВЯНАХ.

Продвигаясь вдоль Дуная, славяне дошли до границ Византии и уже в VI в. стали её беспокойными и опасными соседями. Вскоре славянские набеги, всё учащаясь, стали представлять грозную опасность для Византийской империи.

Уже в 512 г. император Анастасий поспешил защитить свою столицу, построив «Длинную стену», которая серпообразной кривой тянулась от Чёрного моря до Мраморного. Эта стена опоясывала местность, прилегавшую к Константинополю, будучи расположенной на расстоянии одного дня пути от столицы.

При византийском императоре Юстиниане (527—565) на северном рубеже империи, вдоль Дуная, стали возводить крепости, которые должны были создать непроницаемый заслон, барьер, способный приостановить дальнейшее движение славян. Однако все попытки сдержать натиск славян оказались безуспешными.

Несколько раз южнославянские племена неудержимым потоком прорывались в глубь Балканского полуострова. Они прошли этот полуостров из конца в конец в 540, 551 и 559 гг.

Византийские авторы о жизни славян, об их быте и нравах рассказывали мало. Зато очень подробно они повествовали о военных событиях, о военном строе, о тех способах ведения войны, к которым обычно прибегали славяне.

У славян была своя военная тактика, свои приёмы ведения войны, отлично приспособленные к тем природным условиям, в которых жили славянские племена.

Об этой-то своеобразной военной тактике славянских племён рассказывает византийское руководство к изучению военного искусства, которое обычно приписывают императору Маврикию (582—602), прозванному Стратегом.

Караульная башня на дунайской границе. *(Рельеф с колонны Траяна в Риме.)*

«Они любят схватываться с неприятелями в узких, трудно проходимых и утёсистых местах. Они умеют пользоваться засадами, неожиданными нападениями и ловушками, дневными и ночными, не затрудняясь в придумывании всевозможных уловок. Они превзойдут кого угодно в умении переправляться через реки и могут оставаться подолгу в воде. В случае неожиданного вторжения в их страну они погружаются в глубину воды, держа во рту длинные, нарочно для этого сделанные, полые внутри

стволы тростника. Лёжа навзничь, в глубине, они выставляют эти стволы на поверхность воды и через них дышат, так что могут по нескольку часов оставаться в этом положении, не возбуждая никакого подозрения: неопытные, видя тростник, считают его растущим в воде. Но кто знает об этой уловке, может догадаться по виду и положению надрезанных стеблей и проткнуть им рот тростником или вытащить его из воды и этим лишить их возможности скрываться далее под водою. Вооружаются они двумя маленькими дротиками каждый, а некоторые и щитами, хорошо сделанными ... Они употребляют также деревянные луки и маленькие стрелы, намазанные ядом, который действует очень сильно, если не принять противоядия и других средств, известных врачам, и если не перевязать раны, чтобы отрава не просочилась дальше и не заразила всего тела.

Не подчиняясь общей власти и находясь во взаимной вражде, они не умеют сражаться в строю и вблизи, не любят встречаться с неприятелем в открытом и ровном месте. Если же и случится отважиться им на рукопашный бой, они поднимают общий крик и понемногу продвигаются вперёд. Если неприятели начнут отступать перед их криком, они неудержимо устремляются на них. Если же нет, они поворачивают назад, нисколько не спеша изведать силу врагов в рукопашной схватке. Они предпочитают держаться лесов, приобретая там значительный перевес, так как умеют искусно держаться в теснинах. Очень часто, неся с собою добычу, они при малейшей тревоге бросают её и бегут в лес; когда же неприятели столпятся кругом добычи, они с тою же лёгкостью возвращаются и наносят им вред».

Тактика, ярко описанная византийским автором, сложилась сама собой в силу тех условий, в которых приходилось жить древним славянам. Используя леса, засады, неожиданные вылазки, умело применяя знание местности, изворотливость и смётку, славяне должны были создать ту самую тактику, которая во многих чертах напоминает нам тактику древних германцев и других народов, стоявших примерно на такой же ступени развития, что и древние славяне.

В приведенном нами византийском руководстве к изучению военного искусства обращает на себя внимание одно очень характерное суждение. Непривычка славян к согласованным военным действиям, к строю и дисциплине объяснена тем, что славяне «не подчиняются общей власти и находятся во взаимной вражде».

Такое представление о славянах сложилось благодаря тому, что они распадались в те времена на множество племён, нередко враждовавших между собою. Отсутствие единой государственной власти казалось византийским современникам каким-то хаосом, непонятным беспорядком. «Так как, — говорит император Маврикий, — у славян множество царьков и они между собою несогласны, то нелишне некоторых из них, и особенно пограничных, привлечь на свою сторону убеждениями или подарками, а затем

уже нападать на остальных. Иначе, вступив в борьбу сразу со всеми, можно вызвать среди них объединение или монархию». Историк VI в. Прокопий подметил особенности славянского общественного строя, резко отличавшегося от византийских порядков. «Народ этот, — рассказывает Прокопий, — не управляется одним человеком, но исстари живёт в демократии. Поэтому обо всём, что для них полезно или вредно, они рассуждают сообща». Свидетельство Прокопия говорит о роли народных (вечевых) собраний, на которых славяне-соплеменники решали все важнейшие дела своего племени.

2. БАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ.

Среди древних славян особый интерес представляют племена балтийских и полабских славян. Трагическая участь полабских и балтийских славян, беспощадно истреблённых чужеземными завоевателями — немецкими «псами-рыцарями» (Маркс), обязывает нас отнестись с бо̀льшим вниманием к этим племенам и выяснить отличительные черты их общественного строя, быта и культуры. Эти племена поселились к западу от остальных славянских племён, заняв территорию между Вислой и Эльбой. Племена балтийских славян, как показывает их общее имя, осели у берегов Балтийского моря, а полабские славяне получили своё название от реки, которая в римские времена носила название Альбис, германцами была прозвана Эльбой, а от славян получила имя «Лаба».

Все эти племена, некогда сильные и многочисленные, погибли, будучи истреблены немцами. До настоящего времени сохранились лишь незначительные остатки прежнего славянского населения. Так, в западной Пруссии до последнего времени ещё была небольшая горсть славянского племени кашубов — около 140 тысяч.

История кровавого истребления балтийских и полабских славян станет понятной лишь в том случае, если мы выясним черты общественного строя, быта, военные порядки и взаимные отношения исчезнувших племён. Тогда нам станет понятным, почему полабские и балтийские славяне оказались не в состоянии дать сокрушительный отпор немецким поработителям.

Вдоль южного берега Балтийского моря простирается равнина, ограниченная с востока Вислой и с запада Эльбой. Эта равнина, прорезаемая реками, богата плодородными землями, которые чередуются с песками, поросшими мелким кустарником.

На этой-то равнине со II в. новой эры поселились племена балтийских и полабских славян. С востока соседями этих племён являлось литовское племя «пруссы», жившее по берегу моря к востоку от устья Вислы; подальше от морского берега, рядом с пруссами, жили родственные полабским славянам польские племена. На севере соседями славян были датчане, на юге — моравы и чехи, а к западу от Эльбы лежали немецкие земли.

Все эти земли между Эльбой и Вислой, некогда славянские, впоследствии подверглись захвату и немецкой колонизации. Но до сих пор онемеченные названия областей и городов говорят об их славянском происхождении.

Поморская земля, где жили «поморяне», является теперь немецкой провинцией Померанией, нынешний Мекленбург в старину назывался «Микулин бор», нынешний Шверин — славянский Зверин, Лаузиц — Лужица, Мейссенское герцогство — Мышинская земля. Берлин стоит на реке Шпрее, носящей имя славянского племени спревян.

Ещё и до сих пор города Прибалтики своими названиями выдают своё чисто славянское происхождение. Данциг, стоящий в устье Вислы, — это Гданск, Штеттин, расположенный у впадения Одера в море, — славянский Щетин, где когда-то шла бойкая торговля щетиной, Любек, главный из городов немецкой Ганзы, носил имя Любич. Немецкий Висмар прозывался в старину «Весьмир», так как казался современникам огромным.

3. СЛАВЯНСКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ.

Далеко не все славянские племена были мирными племенами земледельцев и скотоводов. Близость к морю, возможность морских набегов и захвата добычи издавна привлекали отдельные племена. На лёгких гребных и парусных судёнышках славяне, подобно норманнам, заплывали далеко в море. Даже в названиях некоторых племён мы видим доказательство их воинственности, отголосок их воинственной жизни: «бодричи» называли себя так, гордясь своей смелостью, готовностью к войне, «лютичи» значит «лютые», т. е. беспощадные, свирепые.

Больше всех других славились своими морскими набегами вагры (бодрицкое племя). Их земля, лежавшая к востоку от полуострова Ютландии, острым углом вдавалась в море. Вагры вели вечную войну с датчанами и немцами.

Вот что рассказывает летописец XII в. Гельмольд.

«Дания, состоя по большей части из островов, окружённая водами, не легко может уберечься от нападения морских разбойников, потому что в изгибах её берегов необыкновенно удобно скрываться славянам; выходя тайком из засады, они наносят ей внезапные удары. Вообще же славяне в войне имеют успех больше всего благодаря своим засадам. И оттого ... они вечно были готовы к морским походам и наездам. ... Едва раздастся клич военной тревоги, они поскорее собирают весь хлеб, прячут его с золотом, серебром и всеми дорогими вещами в ямы; уводят жён и детей в надёжные убежища, в укрепления, а не то в леса, и не остаётся на расхищение неприятелю ничего, кроме изб, о которых они нимало не жалеют. На нападения датчан они обращают мало внимания и даже считают особенным наслаждением с ними биться».

Лютичи с VIII по XI в. предпринимали не раз свои дальние морские экспедиции, их корабли посещали берега Англии. Следы славянских поселений мы находим в Дании, в Англии, в Голландии, в Бретани.

Но чаще всего подвергались набегам саксы за Эльбой и датчане. Заключая свой перечень балтийских племён, летописец Гельмольд говорит: «Всё это народ, преданный служению идолам, всегда буйный и беспокойный, ищущий добычи в морском разбое, вечный враг датчан и саксов».

Морские экспедиции привели славян понемногу к торговым сношениям, и вскоре славянские города стали центрами ранней морской торговли. Меновые сделки всё учащались и вызвали к жизни торговлю. Организаторами этой торговли и были славяне. Современники дивились славянским городам, их оживлённой торговле, богатству и значению славянских купцов. О славянах шла молва как о торговых людях балтийского приморья.

4. ТОРГОВЫЕ ГОРОДА СЛАВЯН.

У впадения Одры (Одера) в море находилось два значительных города. Там, где река Одра разделяется на рукава, стоял Щетин (нынешний Штеттин), а на острове, расположенном против устья реки, находился город Волын, который немецкие летописцы прозывали Юлином. Об этом городе летописец XI в. Адам Бременский рассказывает много интересного.

«У впадения Одры в море находится великолепный город Юлин — знаменитая пристань, где съезжаются окрестные народы, варвары (т. е. славяне — язычники) и греки (т. е. русские — православные).

О величии этого города, про который ходят чрезвычайные и дивные рассказы, надобно сообщить несколько известий, заслуживающих внимания. Юлин — самый большой из всех городов Европы. В нём обитают славяне вместе с другими народами, греками и варварами.

В этом городе, богатом товарами всех северных народов, есть всё, чего ни спросишь дорогого и редкого... Из него кратковременным плаванием сообщаются с одной стороны с Дымином — городом, лежащим недалеко от устья Пены, с другой — с областью Семландией, принадлежащей пруссам.

Расстояние такое, что от Гамбурга или от реки Эльбы на седьмой день достигнешь Юлина, путешествуя сухим путём...

Из Юлина же, пустившись на парусах, на 14-й день выйдешь на берег в Острогарде, в Русской земле, где столица Киев, соперница Константинопольского престола, — краса и слава Греции...»

Сообщение летописца требует некоторых пояснений. «Европой» в то время называли языческую часть материка, которую под этим именем противопоставляли христианским странам Запада. Имя варваров распространялось на всех язычников, к которым

христианские летописцы относились пренебрежительно. Наконец, «греками» здесь названы отнюдь не греки, а русские, которых писатели Запада смешивали с греками, так как русские, подобно грекам, были православными.

Картина большого торгового города, нарисованная Адамом Бременским, полна значения и интереса. Морские пути связывали этот славянский город и с Германией, и с Русью. В славянском Волыне подолгу стояли немецкие и датские корабли, здесь говорили на разных языках, здесь сталкивались чужеземцы запада, севера и востока.

Жители Волына были заинтересованы в расширении своей торговли и привлечении заморских купцов и кораблей. Свидетельство очевидца убедительно говорит о том, что славянский Волын рано становится средоточием балтийской торговли и организатором широкого международного товарообмена, городом, завоевавшим себе заслуженную славу в те времена, когда в Германии ещё не существовало подобных городов, и вовсе не немецкими «гостями» проведены первые нити торговых связей, соединившие Великий Новгород с Балтийским поморьем. Эти первые морские дороги проложены самими славянами — торговыми людьми и мореходами Балтики, примером которых лишь впоследствии воспользовались немцы — жители ганзейских городов.

В начале XII в. первенство перешло от Волына, разгромленного в 1115 г. датчанами, к соседнему Щетину. По словам летописца, в Щетине можно было встретить «много бывалых людей, знавших местоположение и нравы всякого народа». Множество щетинцев ежегодно уплывало за море. Город около 1120 г. насчитывал 900 отцов семейств, не считая женщин и детей.

Ране (жители острова «Руя», немцами прозванного «Рюген») и поморяне раньше своих соседей датчан научились строить военные корабли, пригодные для перевозки коней. Уже в 1112 г. упоминается ранский флот, перевозивший конницу.

Богатые купцы Поморья раскинули свои фактории по берегам Балтийского моря.

Сохранился рассказ о богатом поморском купце Моиславе. У Моислава на положении рабов содержалось несколько заложников-датчан. Среди этих заложников находился юноша — сын датского вельможи. Отец юноши задолжал Моиславу 500 фунтов серебра и вынужден был отдать сына в заложники. Так как датский вельможа не спешил возвратить долг, то Моислав поместил его сына в погреб, заковал его в цепи и забил в колодки, чтобы отец, из сострадания к сыну, поскорее погасил свой долг.

Несмотря на то, что у берегов Балтийского моря появились торговые города с довольно значительным (по тем временам) населением, поддерживавшие оживлённые сношения с соседними землями, — всё же основная масса славян жила в деревнях и подавляющее большинство населения составляли земледельцы.

5. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН.

Славянские деревни были тесно связаны друг с другом. Часто они для своей защиты от коварного врага должны были искать друг у друга помощи и поддержки. Жители соседних деревень ощущали свою кровную, родственную связь. Обычно деревню заселяли близкие родственники, представлявшие как бы одну огромную семью. С годами эта большая семья настолько разрасталась, что для представителей младшего поколения сама собой возникала необходимость выселиться в новое место и создать на этом месте новую деревню. Таким путём невдалеке от старой деревни возникали «дочерние» деревни, соединённые узами родственных и соседских отношений. Несколько близлежащих деревень соединялись в небольшой, но тесный союз, который носил название «жупы». На языке словаков слово «жуп» означает связку соломы, пучок.

Жупы, являвшиеся объединениями деревень, подобно русским «волостям», в свою очередь соединялись в «племя», которое охватывало родственное население целого географического района.

Недаром названия отдельных жуп, племён и племенных союзов указывают на то, что в основе этих соединений лежало родство, кровнородственная связь. Многие названия оканчиваются на «ичи» — гломачи, налетичи, морничи, бодричи. Это окончание говорит о родственной близости, об общих предках данного племени или жупы.

Подобно тому как жупа управлялась выборным жупаном, так и племя выдвигало «воеводу» или «князя», который руководил военными силами всего племени и стоял во главе управления племенем. Этот «князь» или «воевода» обычно выходил из среды наиболее богатых и знатных родов, нередко из числа жупанов. Но даже там, где княжеская власть была прочно закреплена за одной знатной семьёй, князья не могли править полновластно. Их воля ограничивалась народными собраниями племени, на которых решались все важнейшие вопросы.

Вот как описывает народное собрание у лютичей писатель XI в. Титмар Мерзебургский.

«У всех тех, которые обыкновенно называются лютичами, нет никакого особенного властителя. На сходке, общим советом, рассуждая о своих нуждах, они решают дела единогласием. Если же кто из них на сходке противоречит решению, то бывает бит батогами, а если и впоследствии станет явно противиться, то либо от поджогов и беспрестанного разграбления лишится всего своего имущества, либо должен будет перед народом заплатить определённое количество денег, сообразно своему значению...»

Картина народного собрания, нарисованная Титмаром, чрезвычайно интересна. На одобрение народа предлагают решение.

Казалось бы, всякий может подвергнуть критике, осудить, отвергнуть предложенное постановление. Но смельчаки не отыскиваются. Молчаливо принимает народ то, что ему навязывают, узаконяя это своим единогласием.

Формально высшая власть принадлежит всему народу. Но по существу она находится в руках какой-то группы лиц, подготовивших проект решения, держащих всякого участника собрания под угрозой расправы. Кто же эти люди, эти фактические носители власти?

Это те, кто располагают вооружённой силой и богатством, те, кто ради денег готовы к любому вероломству и нарушению мира. Это — родовая знать; она подчинила себе всё племя и своё господство сумела замаскировать под оболочкой всенародного собрания, свои решения обрядить в форму всенародных решений.

Так обстоит дело у отдельного племени. Когда же становится необходимым вынести общее постановление для всех племён, входящих в племенной союз лютичей, тогда в священный город лютичей — Радигощ — съезжаются знатные мужи из отдельных племён и сообща выносят совместное решение, не считаясь с желаниями народных масс.

Родовая знать Лютицкой земли считала подобную политическую систему наиболее удобной и выгодной. Она смертельно боялась установления княжеской власти, так как сильная княжеская власть могла бы положить конец своеволию знати и даже кое в чём ограничить права знати в пользу народа.

Когда польский князь Болеслав Храбрый (992—1025) стал проявлять намерение присоединить к своим владениям землю лютичей, лютицкая знать, боясь утратить свою исключительную роль и свои привилегии, пошла на союз с немцами, которых до того она считала своими заклятыми вековыми врагами.

У соседних с лютичами бодричей также существовали народные собрания, а наряду с ними и княжеская власть.

При этом уже к IX в. заметно усилилось значение бодрицкой знати. В летописях встречаются частые упоминания о «знатных людях бодрицких». Князь и окружавшая его бодрицкая знать ещё в конце VIII в. стали союзниками Карла Великого, помогали ему в войне с саксами, участвовали наравне с франкскими войсками в подавлении тех восстаний, которые происходили к западу от Эльбы, в земле саксов.

Когда в 789 г. Карл Великий повёл свои войска против лютичей, бодрицкий князь Вилчан участвовал в этом походе, помогая императору в борьбе против соседнего славянского народа. Народ бодрицкий тяжко расплатился за эту пагубную для его интересов политику знати. Она поставила бодричей в зависимость от Карла Великого и его преемников. Но знатные люди Бодрицкой земли готовы были раболепно подчиниться чужеземному игу, лишь бы этой ценой добиться своего усиления внутри страны, своего политического господства над народом.

В 828 г. франкский император Людовик Благочестивый получил от нескольких бодричей жалобу на бодрицкого князя Чедрага, на которого возводились всевозможные вины.

Император Людовик вытребовал обвинённого князя к своему двору и, удержав его при себе, отправил послов к бодричам, с тем чтобы те узнали волю бодрицкого народа. Послы, воротясь, доложили, что мнения бодрицкого народа на этот счёт различны, но что «*все лучшие и знатнейшие*» люди единодушно желают Чедрага... Этот ответ вполне удовлетворил императора, и князь Чедраг был утверждён в своём княжеском звании. Итак, князя утверждает чужеземный император, а не бодрицкий народ. Воля всего народа при этом совсем не принимается во внимание. Император решает вопрос о том, кому княжить над бодричами, считаясь лишь с мнением тех, кто назван летописцем «*лучшими и знатнейшими людьми*». Знать покорна франкскому императору, а император благосклонен к знати, и за этот тесный дружеский союз высокую цену платит весь бодрицкий народ, утративший свою независимость, своё право выбирать князя, принявший на себя к тому же тяжёлое бремя дани и военной помощи чужеземцам.

Так, вопреки интересам народа, бодрицкая знать творит свою предательскую политику во имя своего собственного усиления и господства. Эта политика продолжается и позже. В 1010 г. бодрицкий князь Мстивой с тысячью вооружённых всадников идёт, по зову германского императора, в Италию, хотя этот дальний поход заведомо бесполезен для бодрицкого народа.

Уже в X в. бодрицкий князь отдаёт немецкому духовенству обширные поместья в каждом округе Бодрицкой земли.

При этом князь и его знатные приспешники не считают нужным спросить о согласии народа, и дело обходится даже без созыва народного собрания. К XI в. народные собрания утрачивают своё былое значение, и власть оказывается в руках знати, которая, выдвигая племенных князей, диктует им свою волю.

Немудрено, что бодрицкие племена, утратившие свою независимость и в течение нескольких столетий усиливавшие врага, сами стали жертвой этого врага и во второй половине XII в. подверглись немецкому завоеванию.

В обширной и богатой Поморской земле знать достигла необычайного значения. Князь не мог приказывать знатным людям. Он должен был посылать свои предложения с поклоном, выражая этим свое уважение к знати.

Вокруг знатного и богатого человека теснилось множество родственников, дружинников, домочадцев. Об одном из таких людей рассказывает летописец: «Некто Домослав, первенствовавший между жителями Щетина качествами тела и души и множеством богатства, а равно и знатностью рода, пользовался такой честью и таким уважением, что и сам князь Поморский Вратислав ничего не делал без его согласия и совета, и от его слова зависели как общественные, так и частные дела. Ибо

Щетин, сей отличный город, был наполнен его родственниками, рабами и друзьями. Да и в других окрестных областях было у него такое множество родни, что нелегко было ему противиться...»

Впрочем, ещё в XII в. продолжали существовать у поморян и народные собрания. Эти собрания происходили обычно в торговые дни. Когда кончалось торговое оживление на рынке, все, и горожане, и деревенские жители, собирались на обширной рыночной площади. В Щетине посреди площади был сооружён высокий деревянный помост, и с этого возвышения старшины и глашатаи обращались к народу. У каждого из собравшихся было при себе копьё. Это копьё служило доказательством свободы и права участия в народном собрании. Но не на этих шумных и многолюдных собраниях вершились все дела. Задолго до собрания важнейшие вопросы решались в узком кругу знатных и стариков. В Щетине рядом с храмом бога Триглава находились просторные бревенчатые здания. Здесь вдоль длинных дубовых столов стояли скамьи. Тут за чашей мёда или браги проводили свои вечера знатнейшие и старейшие люди города. Здесь сговаривались о будущих законах, о предстоящих действиях, заранее предрешались постановления народных собраний. И трудно, почти невозможно было оспаривать на народном собрании то, что предлагали знатнейшие и старейшие мужи города.

При подобном засилье знати князь сохранял лишь тень власти. Помимо его воли отдельные поморские города начинали войны, заключали мир, вели сношения с иноземцами. Знати Щетина, Волына, Дымина или другого города выгодно было сохранять своё господство над небольшим обособленным округом и поддерживать, вопреки народным интересам, политическую обособленность отдельных частей Поморской земли. Торговый город Волын соперничал со своим соседом Щетином, и стоявшая у власти знать противилась объединению этих городов.

Разрозненные поморские славянские земли, не знавшие прочной государственной связи, оказались не в состоянии дать отпор германским завоевателям, сумевшим использовать и бессилие княжеской власти, и разобщённость поморских земель и городов.

6. БЫТ БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН.

Несмотря на богатство знати и расцвет торговых городов Поморья, основная масса славян продолжала жить в обстановке простого и патриархального быта. Немецкие летописцы описывают славян, как людей мужественных, крепких, выносливых и чрезвычайно непритязательных. Они отмечают способность славян к суровым лишениям и тяготам походов.

Немало изумления вызывало у летописцев X—XI вв. простота быта и честность славян. Летописец, рассказывая о путешествиях

в славянские земли епископа Оттона Бамбергского (1124 и 1128 гг.), поражается необычайной честностью славян и простотой их быта.

«Честность и общительность между ними такова, что они, почти не зная, что такое кража и обман, не запирают своих сундуков и ящиков. Не видать у них нигде замка или ключа, и они весьма удивились, что вьючные ящики и сундуки епископа (Оттона Бамбергского) запирались на замок. Платье, деньги и всякие драгоценности они прячут в короба и сундуки, просто прикрывая их крышкою, и не боятся воровства, потому что его не испытывали».

Все летописцы передают о широком гостеприимстве, которое было свойственно славянам. Свидетельство XII в. гласит: «Удивительное дело, у поморян не снимается со стола кушанье; у каждого хозяина есть отдельная изба, чистая и нарядная, которая служит только для стола и угощения; в ней стоит стол со всякою едою, всегда накрытый, и когда одно блюдо опорожнится, несут другое; от мышей покрывают блюда скатертью самой чистой. И так кушанье всегда готово и ждёт гостей».

Немецкий летописец Гельмольд в 1155 г. посетил страну вагров, о жестокости которых ходила в те времена преувеличенная молва. Гельмольд и спутник его — епископ — встретили весьма радушный приём у князя Прибыслава.

«Прибыслав попросил нас завернуть к себе в дом, несколько в сторону от дороги, по которой мы ехали. Он принял нас с великою заботливостью и радушием и приготовил богатое угощение. Перед нами поместили стол, уставленный двадцатью кушаньями. Тут-то я узнал на опыте, о чём прежде слышал по рассказам, что нет народа приветливее славян. В приглашении гостя все они как бы нарочно соревнуются друг с другом, так что страннику никогда не приходится самому просить у них приёма. Что ни приобретёт славянин своим трудом, хлеб ли, рыбу ли, он всё израсходует на угощение и считает того лучшим человеком, кто щедрее. Случается даже, что эта страсть показаться щедрым ведёт к воровству и грабежам. На эти вины смотрят снисходительно, извиняя их долгом гостеприимства. У славян законом является поговорка: «что ночью украдешь, заутра раздавай гостям». Если же случится (что, впрочем, бывает очень редко), что кто-нибудь отвергнет странника и не примет его, то считают делом правым сжечь его дом и имущество, и все единогласно называют такого человека бесчестным, подлым и стóящим всякого поругания, если только он откажется уделить гостю часть своего достатка».

Последнее утверждение Гельмольда является, вероятно, преувеличением, к которым вообще склонны старинные летописцы.

Узы родства крепко связывали славян. Отцовская власть господствовала над сыновьями, и даже взрослые люди не осмеливались выходить из повиновения отцовской воле. Славяне не допускали, чтобы кто-нибудь впал в нищету и просил подаяния. Если старость или болезнь подрывала силы и делала человека немощ-

ным, родственники окружали его заботой и обеспечивали всем необходимым. И если издалека приходил к славянам нищий чужеземец, его гнали прочь с презрением, как преступника, изгнанного с родины за какие-либо злодеяния. Славяне не допускали и мысли, что ни в чём не повинный человек обречён на нищету и покинут в беде своими родственниками.

7. РЕЛИГИЯ СЛАВЯН.

Славянская религия родилась из представлений об окружающем мире, о грозных и величественных силах природы, поражавших воображение полудикого жителя лесов—славянина. Божество неба казалось славянам верховным божеством, источником жизни. Бог неба Сварог считался поэтому отцом и родоначальником всех остальных богов.

Первоначально у славян не было храмов. Они чтили своих богов там, где проявлялась мощь стихийных сил природы, в местах, которые, как им казалось, боги особенно любили.

Дремучая чаща леса, скалистый береговой утёс считались самым лучшим местом для поклонения богам. Об этом лучше всего говорят древние языческие песни чехов.

«Вскричал Воймир (князь) со скалы голосом, раздавшимся в лесу, из сильного горла, воззвал он к богам: «Не яритесь, боги, на своего слугу за то, что он не сожигает вам жертвы при сегодняшнем солнце». «Жертва — вещь, должная богам! — сказал Честмир.—Итак, мы поспеем теперь на врагов. Садись же ты тотчас на быстрого коня, пролети оленьим скоком туда в дубраву: там от дороги в сторону скала, богами возлюбленная; на её вершине жертвуй богам, своим спасителям, за победу позади, за победу впереди... Прежде чем солнце ступит над вершинами леса, подойдут и воины туда, где от твоей жертвы повеет столбами дыма, и мимоходом всё войско смиренно поклонится». И сел Воймир на быстрого коня, пролетел леса оленьим скоком туда в дубраву, к скале; на вершине скалы он возжёг жертву богам, своим спасителям, за победу позади, за победу впереди. Он им пожертвовал буйную тёлку; рыжая на ней лоснилась шерсть; тёлку эту он купил у пастуха, там в долине, где высокая трава, дав за неё коня и с уздою... Пылала жертва... и приближаются воины один за одним, неся оружие, каждый, обходя вокруг жертвы, возглашает богам славу, и никто, обходя, не медлит стукнуть оружием».

Песня рисует ту простоту, которой отличалось поклонение богам в самый ранний период. Нет ни храмов, ни идолов, ни жрецов; жертвоприношение совершается под открытым небом, посреди дубравы.

С течением времени у отдельных племён развилось поклонение богам-покровителям, появились храмы и жрецы.

Среди славянских богов почётное место занимал Святовит, могущественнейший из богов, посылавший людям успех в войне

и земледельческих трудах. Поклонение Святовиту было особенно развито на острове Руе, в главном городе ранского племени Арконе. В этом священном городе находился великолепный храм Святовита, посреди которого возвышалось огромное изваяние этого бога. На четырёх шеях покоились четыре головы, обращённые в разные стороны (всевидящий бог). В правой руке Святовита находился рог, отделанный металлом. Этот рог наполнялся хмельным напитком, утоляющим жажду и веселящим сердце бога. Подле изваяния находились седло, узда и огромный меч. Рукоять и ножны меча были выложены серебром и поражали своей затейливой, искусной чеканкой.

Седло, узда и меч были необходимы Святовиту, как богу-воину и лихому наезднику. В отдельном помещении храма содержался в чести и холе священный конь Святовита — белый, как снег, с длинной волнистой гривой и хвостом, которых никто не осмеливался стричь. Только жрецу Святовита разрешалось поить снежнобелого коня и кормить его отборным ячменём.

Благочестивые люди, придя поутру в храм, нередко заставали коня, покрытого потом и брызгами грязи. Тогда они догадывались, что ночью сам воинственный бог, незримо для всех, ездил на своём коне.

Перед войной или опасным морским плаванием конь Святовита должен был предсказать исход предприятия. Служители храма втыкали в землю три пары копий, а поперёк каждой пары помещали третье копьё в виде перекладины. Жрец выводил коня, и сотни глаз пристально следили за движениями священного животного. Если конь, переступая через поперечное копьё, поднимал сначала правую ногу, — это служило благоприятным предзнаменованием. В противном же случае задуманное предприятие отменялось.

Перед торжеством сбора урожая всё население острова стекалось к Арконе, ведя к храму жертвенных животных, которых затем закалывали перед предстоящим священным пиром.

Накануне великого дня богослужения жрец Святовита входил во внутреннее святилище храма, куда, кроме него, никто не имел доступа. Он тщательно выметал веником всё святилище, сдерживая при этом дыхание и поминутно подбегая к двери, чтобы перевести дух за чертою святилища и не осквернить своим дыханием смертного помещение, в котором обитает бог. На другой день жрец пред многолюдным сборищем народа вынимал из руки бога рог с напитком и внимательно рассматривал его.

Если напитка убавилось, жрец предсказывал неурожай или голод на предстоящий год и повелевал бережно расходовать запасы хлеба. Если жидкость в роге оставалась в прежнем количестве, жрец предсказывал изобилие и разрешал щедрое расходование запасов. Потом жрец выплёскивал напиток у ног деревянного бога и, наполнив рог свежим напитком, подносил его истукану, предлагая ему пить первому, затем, произнося молитву о ниспослании побед и благоденствия, жрец мгновенно опорожнял рог и, снова

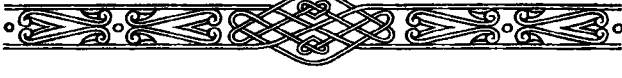
его наполнив, бережно вкладывал в руку бога. Наконец, в храм вносили гигантский пирог в рост человека, из сладкого теста, напоминавший небольшую круглую башню. Пирог ставился посреди храма между народом и жрецом, и жрец, спрятавшись за пирогом, спрашивал у народа, видно ли жреца. Когда народ шумно отвечал, что виден лишь пирог, жрец громогласно произносил пожелание, чтобы и в будущем году его не было видно за пирогом. Этим обрядом, по верованиям, достигались добрая жатва, изобилие и сытость. Богослужение кончалось тем, что жрец наказывал народу и впредь ревностно чтить бога Святовита поклонением и жертвами и обещал в награду за благочестие победы на суше и на море.

День заканчивался пиршеством. Мясо жертвенных животных, мёд и пиво предоставлялись народу, который шумно пировал, веселился, распевая разгульные песни. Умеренность в еде, напитках, в песнях и плясках считалась в этом случае оскорблением богу Святовиту.

Каждое из славянских племён чтило какого-нибудь бога как своего покровителя и заступника, а ведя войну с соседним племенем, сражалось во имя своего племенного бога.

Обилие языческих богов соответствовало множеству независимых славянских племён. Каждое из племён отделяло себя от соседей своим особым культом, особым богом-покровителем, особыми обрядами. Конечно, не религия являлась причиной разобщённости славянских племён. Но религия помогала могущественной знати сохранять и поддерживать обособленность отдельных племён, создавала внешние различия, задерживала объединение братских племён в один народ, в одно цельное и могущественное государство.

Когда над славянами нависла тяжкая угроза завоевания, когда немецкие рыцари стали порабощать славян, языческая религия приобрела новое значение. Немецкие рыцари насильственно обращали славян в христианство. По стопам жестокого рыцаря следовали хитрый епископ и жадный монах. Христианские попы спешили поскорее сломить свободолюбивых славян и навязать им ярмо новой веры, требующей смирения, тупой покорности и выполнения всевозможных феодальных повинностей. Тогда в тех местах, куда проник завоеватель, начинались восстания. С негодованием, в порыве мстительного гнева, славяне разрушали церкви и убивали ненавистных попов — агентов коварного врага. В этой борьбе славяне выступали под знаменем своей старой языческой веры, сражались, призывая на помощь Святовита, Триглава или других славянских богов. В кровавых сечах, в геройских восстаниях, в неравной и трагической борьбе за свою былую независимость славяне воевали за язычество против христианства, и имена языческих богов звучали на полях сражений, как лозунг освобождения от феодальных поработителей.

Древние германцы

(ПО ЮЛИЮ ЦЕЗАРЮ И ТАЦИТУ)

В те далёкие от нас времена, когда на побережье Средиземного моря выросла огромная Римская империя, на безбрежных пространствах северной и восточной Европы жили многочисленные варварские племена: кельты, германцы, славяне, литовцы, финны и др. Старые культурные народы — греки и римляне — называли их варварами, т. е. чужеземцами, но так как эти чужеземцы были ещё дикарями, то слово «варвар» и стало обозначать некультурного, грубого, необразованного человека.

Греки и римляне жили на тёплом и светлом юге, у ласкового Средиземного моря, под горячим солнцем, и природа северной Европы казалась им такой же суровой и неприветливой, как и её обитатели. Да они и мало интересовались всем этим. Но с I века до новой эры варвары, особенно германцы, стали тревожить римлян своими нападениями, и римлянам волей-неволей пришлось познакомиться ближе со своими недругами. Скоро они повстречались с ними лицом к лицу. В 50-х годах I в. до новой эры знаменитый римский полководец Цезарь предпринял завоевание Галлии — так называлась в то время страна, где сейчас находится Франция. Тут-то Цезарь и встретился впервые с германцами. Его интересные наблюдения дошли до нас благодаря тому, что он оставил нам своё сочинение «Записки о Галльской войне».

Германцы жили к востоку от Рейна. Страна эта в то время была ещё дикой и малозаселённой. Дремучие леса и непроходимые болота отделяли друг от друга свободные пространства, на которых можно было пасти скот и засевать овёс и ячмень. Так как германцы ещё очень плохо обрабатывали землю и не умели её удобрять, им часто приходилось забрасывать одни поля и переходить к другим, перебираясь таким образом с места на место. Так как к западу от Рейна, где жили кельты, было меньше лесов и земля была лучше обработана, германцы старались перейти через Рейн на кельтскую сторону и отобрать у кельтов землю. В 50-х годах I века до новой эры сильное германское племя свевов, во главе со своим вождём Ариовистом, перешло через Рейн и попробовало захватить земли в южной Галлии, но Цезарь, воевавший в это время в Галлии, вытеснил их обратно за Рейн. Цезарь непосредственно наблюдал жизнь и обычаи германцев, и вот что он о них рассказывает.

Германцы питаются не столько хлебом, сколько молоком, сыром и мясом. Землю они умеют обрабатывать, но земледелием занимаются не очень усердно. Землю германцы занимают сообща, целым племенем, и затем старейшины племени отводят землю каждому роду, а родичи сообща эту землю обрабатывают.

Таким образом, германцы не только сообща владели землёю, но и сообща её обрабатывали. У них, следовательно, не было частной собственности на землю. Земля была им нужна не только для земледелия, но и для скотоводства. Больше всего они любили охоту. Они, как мы видели, питались главным образом молоком, сыром и мясом, т. е. продуктами скотоводства и охоты. Как и все дикие племена, германцы были воинственны и жестоки. Для охоты нужны большие пространства, и каждое племя, захватив страну, старалось не пускать в неё другие племена. Поэтому между племенами происходили постоянные истребительные войны. «Величайшей славой, — говорит Цезарь, — пользуется у германцев то племя, которое, разорив ряд соседних областей, окружает себя как можно более обширными пустырями». Германцы хвалились тем, что около их племён не осмеливался никто селиться.

Сражались они обыкновенно пешими, хотя имели лошадей и умели на них ездить. Цезарь рассказывает: «Во время конных боёв они часто соскакивают с коней и сражаются пешие; коней же они приучили оставаться в том же месте, а в случае надобности они быстро вновь садятся на них; по их понятиям, нет ничего более постыдного и малодушного, как пользоваться сёдлами. Поэтому они осмеливаются — даже будучи в незначительном количестве — делать нападения на какое угодно число всадников, употребляющих сёдла».

Войну и грабёж они считают благородным занятием. «Этих людей легче убедить вызвать на бой врага и получать раны, чем пахать землю и выжидать урожая; даже больше: они считают леностью и малодушием приобретать пóтом то, что можно добыть кровью», — сказал о германцах несколько позже знаменитый римский историк Тацит. Как и все дикие племена, которым приходилось отстаивать своё существование в ожесточённой борьбе с другими племенами, германцы больше всего ценили военное воспитание. Они считали, что война воспитывает юношество, закаляет его и мешает ему пребывать в праздности и лени. Прежде чем затеять нападение на соседнее племя, они собирались на сходку — вече, выбирали себе вождя и клялись ему храбро следовать за ним и не покидать его ни при каких обстоятельствах. Тот, кто давал такое обещание, а потом отказывался и не шёл за вождём, считался трусом и изменником, и все относились к нему с презрением.

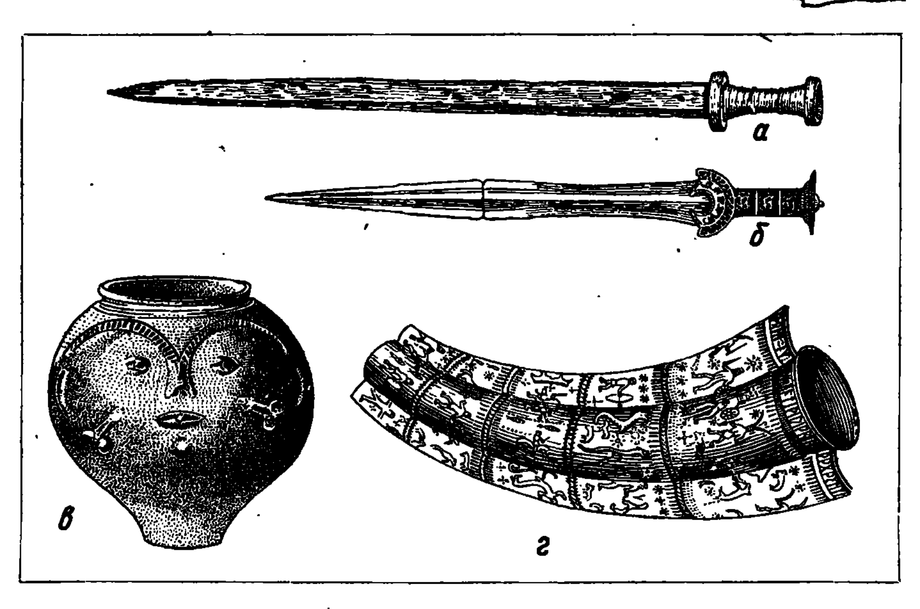
В мирное же время племя управлялось старейшинами, которые собирали племя на сходки — народные собрания — и здесь решали все дела, судили преступников, разбирали споры.

Германцы жили в стране, в которой были дремучие леса. В этих лесах водились дикие звери, и охота на них была важным занятием для германцев.

То, что рассказывает Цезарь о диких зверях их страны, показывает, что в древности там существовали такие породы зверей, каких теперь там нет вовсе. Цезарь, например, рассказывает, что в большом Герцинском лесу у истоков Дуная и Рейна водился бык-единорог, видом похожий на большого оленя. Посредине лба между ушами у него был большой рог. От его верхушки расходились ветви, подобно пальцам ладони. В лесу водилось много лосей.

Цезарь так описывает охоту на лосей. «Для отдыха лоси не ложатся, а если поваленные по какому-либо случаю они упадут, то они уже не могут подняться. Ложе им заменяет дерево: они прислоняются к нему, лишь немного наклонившись, и таким образом отдыхают. И когда охотники заметят по следам, куда они удаляются на отдых, то на этом месте они подкапывают у всех деревьев корни или подрубают ствол, но так, чтобы дерево сохраняло такой вид, как будто оно стоит. И когда лоси прислонятся к такому дереву, то оно падает, а вместе с ним падает и лось. Тут его захватывает охотник»[1].

Водились в Германии того времени и зубры, которые теперь почти вымерли. Цезарь, вероятно, сам никогда не видел зубров.

Вооружение, утварь и орудия из погребений германцев: *а* — обоюдоострый меч; эфес (рукоятка) из желобчатой серебристой жести на деревянной подстилке (найдена в болотах Шлезвига); *б* — меч из бронзы; длина — 54 *см* (найден близ Ретцова в Мекленбурге); *в* — глиняный сосуд из Рейнской области; высота — 30 *см*; *г* — золотой рог с фигурным орнаментом и рунической надписью вокруг широкого отверстия (найден в Шлезвиге).

[1] Всё это, конечно, неверно. Лоси ложатся и встают. Но Цезарь, для которого лось был невиданным зверем, мог поверить подобного рода небылицам.

Совет старейшин германского племени *(рельеф с триумфальной колонны Марка Аврелия).* Одно из последних по порядку изображений; это даёт возможность предположить, что этот совет обсуждает вопрос о подчинении маркоманов Марку Аврелию.

Поэтому он так описывает их внешний вид: «Они по своим размерам немного меньше слонов, а по наружному виду, строению и окраске похожи на быков. Они отличаются большой силой и быстротою. Увидев какого-нибудь человека или животное, они не дают им пощады. Германцы усердно охотятся на этого зверя, ловят его при помощи ям и убивают. Особенно любят эту охоту юноши, так как для них она — хорошее упражнение. И тот, кто убьёт много зубров, показывает всем их рога и этим заслуживает похвалу от своих родичей и соплеменников. Привыкнуть к человеку и сделаться домашними зубры не могут, даже если их ловят маленькими. Рога их по величине и виду своему во многом отличаются от рогов наших быков. Германцы хранят их, отделывают по краям серебром и пользуются ими как чашами на самых роскошных пирах».

Сто пятьдесят лет спустя после походов Цезаря в Галлию о тех же германцах много интересного рассказывал римский историк Тацит. В отличие от Цезаря он не наблюдал германцев непосредственно. Он собирал сведения о них у современных ему географов, расспрашивал купцов, которые вели с германцами торговлю, видел пленных германцев в Риме. Но как учёный и историк Тацит, изображая германцев в своём замечательном сочинении «Германия», считал возможным говорить о них лишь то, что он считал правильным.

За тот полуторавековый промежуток времени, который разделяет «Записки о Галльской войне» Цезаря и «Германию» Тацита, многое изменилось в жизни германцев. Они стали усерднее зани-

маться земледелием, меньше бродили с места на место. Появились у них и постоянные селения — деревни.

Заняв сообща землю, германцы во времена Тацита уже не обрабатывали её совместно, а делили её между семьями. Каждая семья теперь обрабатывала отдельно то поле, которое ей досталось в результате раздела, произведённого с общего согласия и утверждённого на общей сходке.

Земля, таким образом, попрежнему оставалась общим достоянием, принадлежа всей деревне. Частной собственности на землю германцы ещё не знали, но они уже научились пользоваться землёю раздельно, и каждая семья вела своё самостоятельное хозяйство.

Стало исчезать у германцев и равенство. Раньше, при Цезаре, у них выделялись и почитались лишь родовые старейшины, вожди; все остальные были одинаково свободные и равные члены племени. Теперь у них появились богатые люди и люди среднего достатка, люди свободные и даже знатные, с одной стороны, и рабы и полусвободные — с другой. При дележе и переделах земли богатая семья, у которой было много рабов, стала получать больше земли, чем простые свободные члены племени и рода. Война, грабёж и торговля с римлянами обогащали часть племени, и эти более богатые люди становились и более знатными. Их дети, даже когда они были ещё юношами, пользовались часто не меньшим почётом, чем старейшины. Но они попрежнему — варвары, грубые и малокультурные племена, враждующие друг с другом, скотоводы и охотники в бо́льшей степени, чем земледельцы. «Германцы, — говорит Тацит, — любят, чтобы скота было много». Страна их изобильна скотом, но он большей частью малорослый, даже рабочий скот не имеет внушительного вида и не может похвастаться рогами.

Как и все варвары, германцы в своём хозяйстве производят для себя всё нужное сами и лишь в редких случаях продают излишки. Поэтому им не нужны деньги, и пользуются они ими лишь в редких случаях. «В золоте и серебре боги им отказали, — рассказывает Тацит, — не знаю уж, по благосклонности ли к ним, или же потому, что разгневались на них. Впрочем, германцы не одержимы такою страстью к обладанию драгоценными металлами и к пользованию ими, как другие народы. У них можно видеть подарённые их послам и старейшинам серебряные сосуды не в меньшем пренебрежении, чем глиняные. Впрочем, ближайшие к Рейну и Дунаю племена ценят золото и серебро для употребления их при торговле; они ценят некоторые виды наших [т. е. римских] монет и отдают им предпочтение. Живущие же внутри страны пользуются более простой и древней формой торговли, а именно — меновой. Из монет они больше всего одобряют старинные и давно известные мелкие римские монеты. Вообще они больше пользуются серебром, а не золотом, не потому что они любят серебро, а потому что торговля у них мелкая и их товары дёшевы, легче расплачиваться серебром, чем золотом».

Когда Тацит писал свою книгу, ему хотелось показать, что грубые и простые германцы куда лучше, чем изнеженные и развращённые римляне из высшего класса римского общества. Поэтому он всячески старался показать крепкое здоровье, силу и храбрость германцев. Самое воспитание детей закаляет их и делает их здоровыми и могучими.

Вот что Тацит рассказывает о германских детях: «Дети в каждом доме растут голые и грязные и вырастают с теми мощными членами и телосложением, которым мы удивляемся. При этом господин не отличается какой-либо роскошью от раба. Они живут среди того же скота, на той же земле, пока возраст не отделит свободных от рабов...». «Юноши занимаются военными упражнениями. У них один вид забав и на всех собраниях тот же самый: юноши без одежды прыгают между воткнутыми в землю остриём вверх мечами и страшными копьями. Это — большое искусство, похожее на пляску, и оно пользуется любовью у зрителей».

Когда юноша приходит в возраст, ему торжественно вручается оружие (до этого юноша не имеет права носить оружие). Происходит это так. Кто-нибудь из старейшин (или отец, или сородич, если отец уже умер) вручал в народном собрании юноше щит и копьё. Юноша считается после этого совершеннолетним и полноправным членом племени. «До этого, — говорит Тацит, — юноша считался членом семьи, теперь он становился членом государства (т. е. племени)». Если юноша был знатного рода, то он мог стать после посвящения даже вождём, и никто не считал для себя унизительным повиноваться такому молодому вождю.

А вот как германцы одеваются: «Одеждой для всех служит короткий плащ, застёгнутый пряжкой или, за её отсутствием, колючкой. Ничем другим не прикрытые, они проводят целые дни перед огнём у очага». Самые зажиточные отличаются одеждой, которая состоит из рубах и штанов. Остальные носят звериные шкуры, причём Тацит говорит, что те племена, которые живут у северных морей, делают искусно одежду из звериных шкур, расшитых мехами чудовищ, которых производит отдалённый океан и неведомое море. Вероятно, это были меховые одежды наподобие тех, которые употребляются у нас на севере (из шкур оленей, белых медведей и тюленей).

Одежда женщин такая же, как у мужчин, с тою только разницей, что они носят покрывала из холста, который расцвечивают пурпурной краской.

Невесту выкупают у родичей. Тацит, для которого такой обычай был непонятен, говорит, что у германцев «приданое не жена приносит мужу, а муж жене». Грамоты они не знают вовсе.

Вставши от сна, германцы тотчас же умываются, чаще всего тёплой водой, так как зима у них продолжается бóльшую часть года. Умывшись, они принимают пищу, причём каждый сидит отдельно за своим особым столом. Потом они вооружённые идут по своим делам, а нередко и на пирушку. Они много пьют хмельного напитка, сделанного из ячменя (пива!) и, как это бывает между

пьяными, у них часто бывают ссоры, которые иногда кончаются убийствами и нанесением ран. В таком случае германцы, как и все первобытные народы, прибегали к обычаю кровной мести, т. е. мести за убийство своего сородича. Начиналась вражда между родом убитого и родом убийцы, которая иногда тянулась многие годы и сопровождалась в некоторых случаях даже полным истреблением родов. Впрочем, Тацит говорит, что в его время такая вражда иногда прекращалась «выкупом крови»: род убийцы платил роду убитого определённое количество скота или денег, и вражда прекращалась.

Но наиболее интересным является рассказ Тацита о том, как германцы вели свои общественные дела и какое у них было управление.

В то время, когда писал Тацит, германцы часто жили большими племенами, во главе которых стояли выборные из знатных родов князья — конунги. Но наряду с такими князьями чаще всего из среды тех же знатных родов выдвигался вождь — человек, отличавшийся своей храбростью и предприимчивостью. К нему стекались все, кто на войне и грабежом соседей хотел увеличить свой достаток и получить славу. Так вокруг таких вождей создавалась дружина, и весьма возможно, что вождь, окружённый такой дружиной, сам становился князем. Само собой разумеется, что в те времена такой князь или вождь, будучи избираем остальными членами племени, не был настолько силён, чтобы распоряжаться жизнью и смертью своих соплеменников.

«У князей, — говорит Тацит, — нет неограниченной или произвольной власти, и вожди имеют власть потому, что своею храбростью они служат примером; они сражаются всегда впереди всех и этим возбуждают удивление. Однако казнить, заключать в оковы и подвергать телесному наказанию не позволяется никому, кроме жрецов, да и то не в виде наказания по приказу вождя, но как бы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся».

Одежда древних германцев (V—VIII вв.). *(По изображению в библии св. Павла в Риме.)*

И дела все решаются у германцев не князьями и вождями, а старейшинами и народным собранием.

Вот что по этому поводу рассказывает Тацит:

«О менее важных делах совещаются старейшины, о более важных — все, причём те дела, о которых выносит решение народ, предварительно обсуждаются старейшинами». Свои народные собрания — веча — они созывают в определённые дни, в

новолуние и полнолуние, так как германцы верят, что эти дни являются самыми счастливыми для начала дела. «И счёт времени, — добавляет Тацит, — ведут они не по дням, как мы, а по ночам, так как они думают, что ночь ведёт за собою день. Они, следовательно, вместо того чтобы сказать «я вернусь домой через три дня», говорят: «я вернусь домой через три ночи...»

Франкский князь. *(С миниатюры в требнике второй половины IX в., принадлежавшего церкви в Меце.)*

А вот как проходит у них народное собрание. «Они — люди свободные, — рассказывает Тацит, — и из этой свободы вытекает тот недостаток, что они собираются не сразу, а проходит иногда два, три дня, прежде чем соберутся все соплеменники». Говоря о свободе германцев, Тацит хочет сказать, что они плохо дисциплинированы, но медленные сборы объясняются, конечно, и тем, что живут германцы на большом пространстве, дороги плохи, — часто приходилось пробираться через леса и болота к месту собрания. Собравшиеся часто проводят собрание, будучи вооружёнными. Молчание водворяется жрецами, которые во время собрания имеют право наказывать. Затем выслушивается князь или кто-либо из старейшин, сообразно с его возрастом, знатностью, военной славой, красноречием. Слушают этих людей, однако, не потому, что они имеют власть, а потому, что их речь убедительна. Если предложение не нравится, его отвергают шумными возгласами, а если нравится, то потрясают копьями. «Восхвалять оружием является у них самым почётным способом одобрения».

В народном собрании не только решаются важные дела, но и происходит суд. Наказания виновных бывают различны, смотря по преступлению. Предателей и перебежчиков вешают на деревьях, трусов и дезертиров топят в болоте и заваливают сверху хворостом. За более лёгкие проступки уплачиваются штрафы лошадьми или рогатым скотом. Часть штрафа идёт в пользу князя или всего племени, часть же — потерпевшему или его родичам. На этих же собраниях происходят выборы старейшин, которые творят суд по округам и деревням.

Суровая природа лесистой и дикой страны вызывала у древних германцев представление о могучих и грозных божествах, от которых зависело всё: смена дня и ночи, плодородие земли, дожди и ветры, бури и наводнения.

Когда бушевали весенние грозы и вслед за раскатами грома молния прорезала свинцовые тучи, — германцы думали, что это бог Тонар бросает свой каменный молоток, который, прокатившись по небу, снова возвращается в руки бога и снова падает,

вызывая повторный грохот. На громко стучащей колеснице сам бог Тонар разъезжает по небу, и небо сотрясается при этом от грозного гула и грохота. На руках у Тонара железные перчатки, борода его огненнояркая, она мелькает в просвете туч, вызывая вспышку молнии.

Когда через равнины проносится сильный порыв ветра, взметая пыль и опавшую листву, — германцы думали, что это пробудился бог ветра и бури — Вотан.

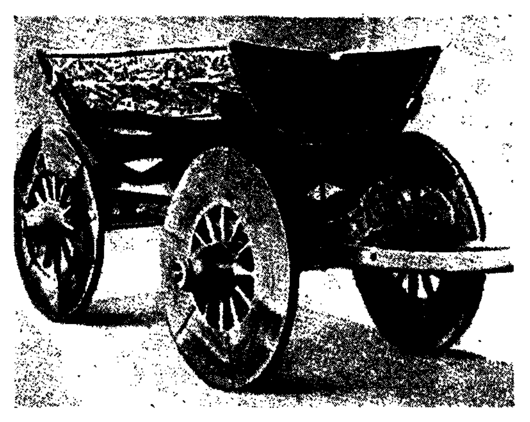
Весною, когда под лучами солнца растают снега и земля оденется покровом цветов и трав, к людям возвращается богиня земли Нертус, которая приносит с собой тепло и плодородие.

Жрецы, чтобы поддержать эту легенду, в весенние дни проводили особый праздник. В деревню въезжала увитая цветами колесница, которую везли молочнобелые тёлки. На этой колеснице стояла красивая девушка в праздничном одеянии, с венком цветов на голове.

Германцы верили, что это сама богиня Нертус удостоила их посещением. Откуда явилась богиня и куда направит она свой путь — оставалось неизвестным. Жрецы окружали появление весеннего божества глубокой тайной. По рассказу Тацита, германцы верили, что обитель богини Нертус находится на одном из морских островов, в роще.

Там, накрытая покрывалом, долгие месяцы стоит колесница богини, пока не наступит весна и колесница не понадобится богине. И когда богиня возвратится в свою таинственную рощу, колесницу омывают в особом озере, скрытом от взоров непосвящённых. После этого рабов, участвовавших в омовении колесницы, поглощают навсегда воды озера. А весною таинственная колесница снова появляется в германских селениях, и тогда наступает праздник весны.

В эти радостные дни всеобщего ликования никто не смеет браться за оружие и нарушением мира омрачить праздник.

Эпоха переселения народов. Повозка из Озебергской могилы. *(Норвегия.)*

Эта легенда о светлой богине Нертус, несущей земле весеннее обновление, напоминает древнегреческий миф о юной богине Персефоне, похищенной богом мрачного подземного мира. Греки объясняли смену времён года, торжество весны тем, что богиня Персефона освобождается от долгого заточения и, покинув подземные чертоги, поднимается на поверхность земли, украшая землю весенним

Разрушение германской деревни римлянами. *(Рельеф с колонны Антонина в Риме.)*

убором. Подобно греческому мифу, древнегерманская легенда о богине Нертус возникла как попытка объяснить загадочную смену времён года. Жрецы поддерживали эту легенду и создали праздничную церемонию торжественного появления богини среди людей.

Находясь перед лицом непонятных и грозных сил природы, древние германцы пытались их объяснить волею таинственных богов и духов.

Они верили в злых великанов-разрушителей — необузданных пьяниц и обжор. Всякий лесной ручей, поток и водопад находился под покровительством нимфы, над каждым деревом властвовала незримая фея, на лугах плясали эльфы, а в горных теснинах жили особые карлики — гномы, ревниво оберегающие сокровенные богатства гор и отвечающие на человеческий голос дразнящим эхо.

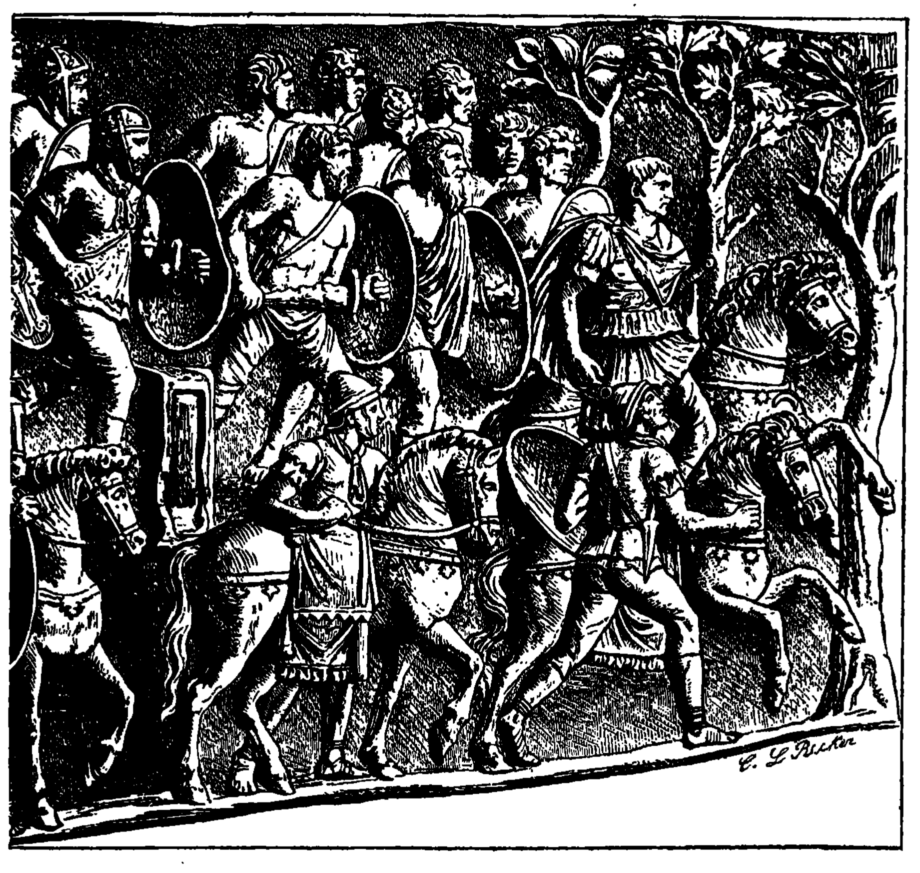
Когда зимою бушевал в лесах снежный ураган и под ударами бури стонали сосны, — германцы говорили, что это грозный Вотан в бешенстве бьёт лесных фей.

Древние германцы почти не знали храмов. Убежищем богов они считали священные рощи. Богам приносились жертвы и иногда в угоду верховным богам обрекали на смерть пленников.

Вот что рассказывает Тацит о гаданиях германцев:

«Гадание по птицам и по особым жеребьёвым палочкам они почитают как никто. Способ гадания по жеребьёвым палочкам

очень прост. Отрубив ветку плодового дерева, они разрезают её на куски, отмечают эти куски какими-то знаками и разбрасывают их по белому покрывалу. Затем жрец племени, если дело идёт об общественных делах, или же сам отец семейства, если гадают о частных делах, помолившись богам и смотря на небо, трижды берёт по одной палочке и на основании сделанных раньше значков даёт толкование. Если выйдет так, что боги не советуют начинать дела, то обычай запрещает ещё раз в тот же день спрашивать богов о том же деле, если же боги разрешают, то требовалось подтверждение этого разрешения гаданием по птицам. Жрец смотрел, откуда и какие птицы появлялись. Особое значение имели вещие птицы, как, например, ворон, сова и др. Гадали и по поступи лошадей. Германцы держали в священных рощах и дубравах посвящённых богам лошадей белой масти и не употребляли их ни для какой работы. Их запрягали в священную колесницу. Вслед за колесницей шли жрец с князем или вождём

Германская гвардия Траяна. *(Рельеф на триумфальной колонне Траяна в Риме.)*

племени и примечали ржание и фырканье этих коней. Этому гаданию германцы придавали особенно большое значение, и не только простой народ, но и знатные, потому что жрецы, считавшие себя служителями богов, считали, что кони посвящены в божественные тайны».

Был и ещё один способ гадания у германцев. Они заставляли своих воинов сражаться с пленными воинами тех племён, с которыми они вели войну. Победу своих воинов они считали за хорошее предзнаменование.

Когда германец умирал, его тело сжигали на костре, причём если это был знатный человек, то при сожжении употреблялись деревья особых пород: дуб, бук, сосна и можжевельник. Но особой пышностью обряд сожжения не отличался. В костёр клали лишь оружие воина, а в некоторых случаях сжигали также коня покойного. «Вопли и слёзы, — добавляет Тацит, — у них быстро прекращаются, скорбь же и печаль остаются надолго». И это потому, что, по их мнению, вопли приличны женщинам, мужчинам же приличествует долгая память.

Таковы были нравы и обычаи германцев в тот период их жизни, когда они стали мало-помалу объединяться в союзы племён и нападать на владения Римской империи.

ГУННЫ И АТТИЛА

В середине IV в. новой эры племена, населявшие безграничные степи Причерноморья, объединились вокруг двух больших союзов. На востоке, между Доном и Днестром, господствовали остроготы, на западе, между Днестром и Дунаем, преобладание принадлежало визиготам[1]. Особенно стал усиливаться остроготский племенной союз. Его предводителю, царю Эрманариху, удалось обложить данью многие племена, жившие к востоку и к северу. На больших ладьях готы пускались в плавание по Чёрному морю, проникали на юг, грабили Балканский полуостров, торговали с Восточной Римской империей (Византией). Дань зависимых племён, добыча воинственных набегов, выгодная торговля доставляли готам большие богатства. Войны Эрманариха прославлялись в песнях, слава его далеко разносилась молвой.

Однако непродолжительным оказалось преобладание остроготов. Старому королю Эрманариху пришлось быть свидетелем поражения его народа. Из-за Дона неожиданно вторглись и обрушились на поселения остроготов дикие племена гуннов (около 370 г.).

О гуннах очень рано стали рассказывать различные легенды.

В середине VI в. учёный гот Иордан написал историю своего народа, в которой уделил много места гуннам и бедствиям, причинённым ими готам и римлянам. Однако Иордан, близкий по времени к моменту наибольшего могущества гуннов, не мог или не захотел сказать ничего достоверного об их происхождении.

Он передаёт такую легенду о начале гуннского племени. Один из остроготских царей узнал, что многие женщины в его народе занялись колдовством и стали ведьмами. Считая их опасными, царь велел изгнать их в пустыню, примыкавшую к Мэотидскому болоту (так называли тогда Азовское море). В пустыне этой жили злые духи. Они женились на изгнанных сюда ведьмах, и от этих-то браков произошли гунны.

В этом рассказе сквозит глубокая вражда и ненависть к гуннам. Эта же ненависть водила пером и всех античных писателей, которым приходилось писать о гуннах. Поэтому мы имеем в античной литературе сильно искажённое изображение гуннов.

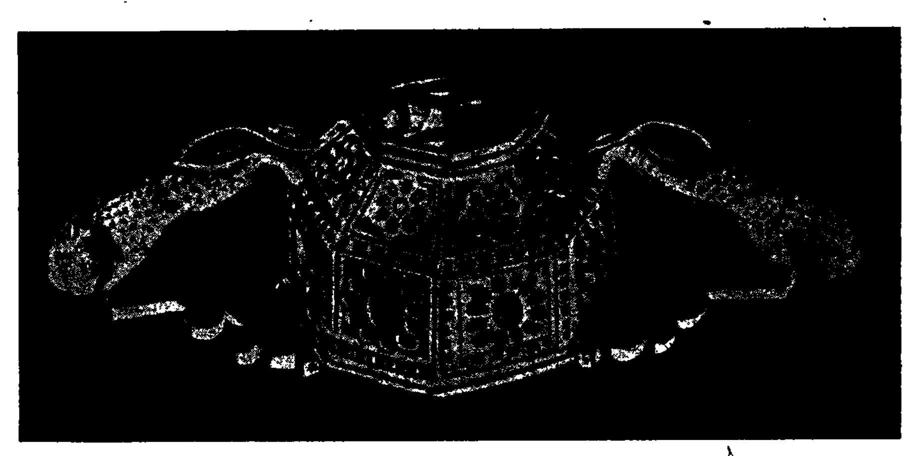
[1] Название «остроготы», впоследствии изменившееся в «остготы», происходит от древнего готского слова «austra» — блестящий; визиготы — впоследствии «вестготы» — значит «добрые», или «хорошие готы». Впоследствии подлинное значение этих племенных названий было забыто, и их стали объяснять как географические: остготы — восточные, вестготы — западные готы.

Из дошедших до нас известий древних историков вырисовывается образ кочевника-гунна, прирождённого степного наездника. С лошадью связана вся жизнь гунна. На лошади проводит он бо́льшую часть своей жизни, всегда верхом, всегда в разъездах. На спине лошади гунн спит, в седле он ест, ест сырое лошадиное мясо, нарезанное ломтями. Для мягкости гунны держат мясо под седлом, чтобы оно сопрело. Так от лошади гунн получает всё. Её мясом он питается, её молоко пьёт, её запрягает в кибитку, в которой проводят свой век гуннские женщины: рождают детей, ведут нехитрое хозяйство, ткут ткани. Детей ещё в младенчестве татуируют, покрывая порезами их лицо, чтобы, выросши, они наводили ужас на врагов своим страшным и свирепым видом.

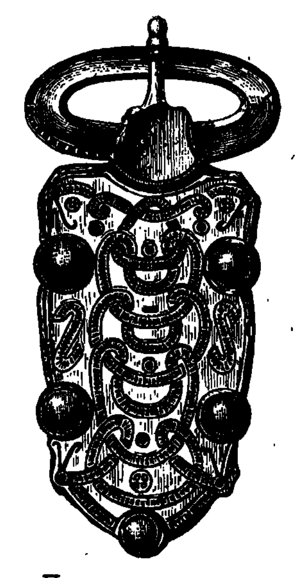
В действительности гунны далеко не были так страшны и так сильны, как казалось перепуганным римским писателям. И происхождение их было менее необычайным, чем повествует об этом Иордан.

Уже за много десятилетий до того, как они напали на готов, гунны жили за Доном среди других кочевых племён, известных под именем аланов. Гунны не представляли единого народа. Под этим именем были известны различные племена, схожие обычаями, внешностью, языком. Два могущественных государства того времени, Иран и Восточная Римская империя, постоянно враждовавшие между собою, часто нанимали гуннские отряды.

«Единственно из страсти к золоту и в надежде на добычу гунны, — говорит греческий историк того времени Агафий, — заключали союзы то с теми, то с этими, то опять с другими, чтобы вновь перейти на противоположную сторону. Ибо уже часто они боролись совместно с римлянами, также часто совместно с персами, когда они вели борьбу между собой, и в короткий промежуток времени гунны примыкали к тем и другим и предлагали им солдатскую службу». И остроготские короли не раз нанимали на военную

Парадный сосуд. *(Из золотого клада в Петроссе, так называемого клада готского короля Атанариха.)*

Пряжка от пояса. *(Из франкских погребений в Дитерсгейме. Майнцский музей.)*

службу гуннские отряды, используя при этом одни гуннские племена против других.

Таким образом, задолго до гуннского нашествия между остроготами и гуннами возникли довольно частые сношения. Поэтому земли за Доном совсем не были для гуннов неожиданно открытой страной, как утверждает следующая легенда.

Однажды гуннские охотники преследовали антилопу. Она привела их на берег пролива, отделявшего Азовское море от Чёрного и считавшегося ранее у гуннов непроходимым. Антилопа бросилась в пролив и поплыла. Увлечённые преследованием охотники последовали за ней и достигли другого берега. Здесь нашли они обширную и богатую страну и поспешили вернуться, чтобы сообщить соплеменникам о своём открытии. По указанному ими пути гунны пошли на запад, обрушились на готов и победили их.

В действительности не таинственная антилопа (вдобавок, антилопы никогда не водились у Азовского моря), а сами остроготские короли, приглашавшие гуннов к себе на службу, показали им путь в свою землю.

Повидимому, в походе на остроготов участвовали не большие гуннские племена, а только «стремившиеся постоянно к чужому добру» отдельные дружины гуннов, во главе которых стоял предводитель Баламбер. К ним присоединились искавшие случая повоевать и пограбить отряды из других племён.

Момент для нападения был выбран удачно. Волновались недовольные игом остроготов подчинённые им племена. Среди самих остроготов не было согласия. От короля Эрманариха отпал один из племенных князьков. Из мести Эрманарих велел казнить его жену, привязав её к хвосту лошади. Братья казнённой, мстя Эрманариху, нанесли ему тяжёлые раны. Захирев, король влачил жалкое существование. Его бессилием и воспользовался Баламбер, пошедший со своим войском на остроготов. Эрманарих, которому было больше 100 лет, тяготясь своим бессилием в таких опасных обстоятельствах, наложил на себя руки. Смерть короля дала гуннам преобладание над остроготами. Преемник Эрманариха пал в битве, остроготы были побеждены, перебиты, обращены в рабство, изгнаны из своих владений, ограблены. Оставшихся в живых остроготов гунны заставляли служить в своих войсках, увеличив таким образом свою воинскую силу.

В жажде новой добычи, упоённые успехом, двинулись гунны дальше к западу. Тщетно пытались визиготы устрашённые судьбой своих восточных соседей, оказать гуннам сопротивление.

Визиготы были разбиты и вынуждены искать спасения в бегстве. Они сумели убедить римское правительство отвести им землю на территории империи и переселились за Дунай, причём визиготы обязались поставлять солдат в римское войско.

Только достигнув предгорий Карпат, гунны на время прекратили дальнейшее движение на запад. Теперь их кочевья простирались от Карпат до Дона, но главным образом они расселились на месте прежних поселений остроготов. Гунны попрежнему не были объединены в одно государство, а разделялись на отдельные племена, управлявшиеся своими князьями.

В начале V в. среди князей гуннов стали выделяться более могущественные цари, которым удалось более тесно сплотить под своим предводительством отдельные гуннские племена и от неорганизованных грабительских набегов на римские земли перейти к большим завоевательным предприятиям.

Царь Руа (в первой трети V в.) отнял у римлян придунайские провинции. Таким образом, гунны сделали новый большой шаг на запад, где они приобрели населённые и культурные земли. Однако самым важным было то, что гунны получили на большом протяжении общую границу с римлянами и могли грозить Восточной и Западной римским империям.

Уже Руа понял выгодность своего положения. Тревожа ослабевшую империю постоянными набегами, он добился выгодного договора с восточным и западным римскими императорами.

По обычаю, определявшему тогда отношения римлян с варварами, гунны были признаны «союзниками» (федератами) империи, а Руа — их вождём. Восточный римский император обязался платить Руа 350 фунтов золота в год, а западный римский император признал его права на захваченные придунайские провинции.

«Союз» с римлянами нисколько не мешал гуннам грабить империю, захватывать добычу, уводить в рабство пленных. Гуннские предводители жили за счёт военной добычи и дани от зависимых племён. При дележе этим предводителям доставалась бóльшая и лучшая часть. Их богатства были огромны. Многочисленные рабы стерегли их обширные стада. Дома их, простые деревянные постройки, внутри были настоящими сокровищницами. Пол и стены покрывались дорогими коврами или цветными шерстяными тканями. Обед подавался на золотых и серебряных блюдах. Один из приближённых гуннского царя однажды захватил в плен римского архитектора и велел ему построить великолепную баню, для сооружения которой издалека привезли камень и другие строительные материалы. Пленник усердно взялся за работу, надеясь в награду за свои труды получить свободу. Однако, когда постройка была готова, надежды пленного зодчего оказались напрасными: жестокий гунн сделал его прислужником в построенной им бане.

Когда умер царь Руа (434), власть досталась его племянникам Аттиле и Бледе.

Аттила был неутомимым, грозным и беспощадным воителем. Память о нём вошла в легенду. В легендарных сказаньях германцев, в «Песне о Нибелунгах», рассказывается о могучем короле Этцеле — так изменили германцы слово «Аттила». Впрочем, Аттила — не настоящее имя гуннского короля, а его прозвище («Аттила» по-готски значит «батюшка»).

По описанию современника, гуннский царь был невысок ростом, широк грудью; голова у него была большая, лицо бледное, глазки маленькие, борода редкая. При невзрачной внешности он имел величественную осанку. Среди окружающих его вельмож он выделялся простотою своего костюма. «Даже меч, которым он опоясывался, завязки его варварской обуви и сбруя его коня не были изукрашены золотом или драгоценными каменьями, как у других знатных гуннов. Кушанье ему подавалось на деревянном подносе, пил он из деревянной чаши, а его гости — из золотых».

«Овладев властью, Аттила поставил своею целью сокрушить два могущественнейших народа мира: римлян и вестготов[1]. Это был муж, созданный для того, чтобы потрясти мир, ужас всех стран, неизъяснимым образом повергавший всех в трепет силой одной только страшной молвы, разносившейся повсюду о нем... Он любил войну, но сам держался позади; его сила была в мудрой осторожности». В этих словах Иордана выражено впечатление, произведённое Аттилой на современников.

Аттила с братом продолжали завоевательную политику своего дяди. Они подчинили своей власти ряд новых племён. Область их влияния распространялась от Рейна до Кавказа, где становища гуннов лишь на немного дней пути отстояли от границ Ирана. Поэтому Аттиле приписывали намерение покорить Иран.

Однако центр политической жизни гуннов в V в. находился в придунайских областях. В Паннонии (современная Венгрия) находилась столица Аттилы. Это была большая деревня, обстроенная деревянными домами приближённых царя. Царский дом выделялся среди других своими размерами и был украшен башенками. Но Аттила предпочитал жизни в каком-либо из покорённых городов привольную жизнь в деревне. Сюда съезжались к нему послы от римлян и от зависимых варварских народов, сюда приходили тяжущиеся, и он вершил у крыльца свой суд.

Конечно, связь между отдельными племенами на этом обширном пространстве не была особенно прочной, а власть гуннского царя не была особенно значительной. Покорённые племена продолжали жить по своим обычаям, и во внутренние их дела гунны не вмешивались.

Над некоторыми покорёнными племенами Аттила ставил правителями своих сыновей, у других племён оставались их прежние князья. Зависимые князья должны были оказывать гуннам

[1] Вестготы с 418 г. имели самостоятельное обширное государство, созданное из земель, отнятых у римлян по обе стороны Пиренеев, — в Галлии и в Испании. Столицей вестготского королевства была Тулуза.

военную помощь, поставляя им вспомогательные отряды. Этим и ограничивались их обязанности по отношению к гуннам. Таким образом, расширяя свои завоевания, Аттила увеличивал свои военные силы.

Закончив покорение соседних варварских племён, Аттила окончательно упрочил свою власть, убив своего брата и соправителя Бледу (около 446 г.). Теперь Аттила считал возможным перейти к большим военным предприятиям: от войн с отдельными варварскими племенами к войне с Римской империей.

Аттила искусно использовал раздоры между Восточной и Западной империями, чтобы не дать им объединиться против него. С Западной империей он поддерживал мир, а Восточную всячески унижал и грабил.

Вражда гуннов против Восточной Римской империи усиливалась более близким её соседством с подвластными гуннам племенами. Варварские царьки, недовольные засильем гуннов, искали против них поддержки при константинопольском дворе. Поэтому и Руа, и Аттила старались обессилить Восточную империю.

Но главной целью гуннов была военная добыча. Аттила считал, что римляне обязаны наполнять его казну. В захваченных гуннами городах Аттила всё объявлял своей собственностью. Как далеко шли его притязания, показывает такой случай. Епископ города Сирмия, в ожидании нападения гуннов, вошёл в тайное соглашение с писцом Аттилы Констанцием, родом римлянином. Последний получил от епископа драгоценные кубки с условием, что после взятия города выкупит епископа из плена, а если того убьют, истратит золото на выкуп других сирмитских граждан. Сирмий был взят, но Констанций и не подумал о пленных гражданах. Кубки он припрятал, затем при случае заложил их у одного римского ростовщика, а деньги истратил в своё удовольствие. После смерти Констанция Аттила узнал каким-то путём историю с кубками. Он пришёл в яростный гнев и потребовал от западного римского императора выдачи не только кубков, которые, по его мнению, должны были составить его долю добычи, но и ростовщика, который их принял в заклад. Пришлось отправить специальное посольство, чтобы убедить Аттилу удовольствоваться выкупом и не требовать выдачи ростовщика.

Немаловажным поводом раздора между Восточной империей и гуннами был также вопрос о гуннах-наёмниках в императорском войске. Гунны ещё в начале V в. нередко поступали в римскую армию. Империя, защищавшаяся против одних варваров с помощью других, охотно принимала гуннов на службу. Аттила, желая ослабить войско римлян, стал препятствовать уходу этих военных наёмников в империю. Он объявил их перебежчиками и настойчиво требовал их выдачи, а выданных подвергал жестокой казни. Вопрос о перебежчиках создавал удобные поводы для ссор с империей. Аттила снова и снова требовал выдачи перебежчиков, а из Константинополя отвечали, что выдавать больше некого.

Аттила создавал предлоги для недовольства. От недовольства он переходил к угрозам и вымогательствам, а если угрозы не заставляли императора идти на уступки, гунны начинали военные действия. Кроме того, под видом переговоров о выдаче перебежчиков Аттила отправлял в Константинополь бесчисленные посольства. Каждое из них император должен был щедро одаривать, и эта оживлённая дипломатия стала формой регулярного вымогательства. Если Аттила желал кого-либо обогатить, он посылал его в Константинополь требовать выдачи перебежчиков. Пожив некоторое время в Константинополе за счёт императора, такой посол возвращался обратно хотя и без перебежчиков, но зато обогащённый подарками византийских властей.

Таким путём, посредством угроз и враждебных действий, Аттила держал империю в постоянном страхе и напряжении. Дань, уплачиваемая гуннам, была увеличена. Аттила получил высокий чин «magister militum» — один из высших в империи.

Но жадный и жестокий завоеватель этим не ограничился. Несколько раз вторгался он на Балканский полуостров, проходил на юг, сжигая, истребляя и грабя всё на своём пути. Гунны не раз терпели поражения от римского войска. Однако за Дунаем у них всегда были неисчерпаемые резервы варварских дружин, которые они могли двинуть против Рима. И действительно, отступив после поражения, гунны вскоре предпринимали новое вторжение. Поэтому империя стремилась, независимо от исхода отдельных кампаний, к миру с гуннами во что бы то ни стало. Так, последнее вторжение гуннов в Восточную империю окончилось уплатой им чудовищной единовременной контрибуции в 6 тысяч фунтов золота и обязательством ежегодно уплачивать 2100 фунтов золота, несмотря на тяжёлое поражение, которое гунны понесли в решительном сражении (448).

Когда десятки городов на Балканском полуострове были сожжены и разрушены гуннами, когда императорская казна была опустошена платежами Аттиле и подарками его послам, царь гуннов счёл, что Восток не сулит новой добычи, и решил обратиться против Западной империи.

Аттила прекрасно знал положение Западной империи; не было недостатка в советчиках, которые могли ему разъяснить её слабость. Незадолго до первого похода Аттилы на Запад в его лагере появился бежавший из Галлии вождь восставших крестьян (багаудов) Евдокий. Нет сомнения, что Евдокий мог подробно рассказать царю гуннов, как под гнётом крупных магнатов страдает народ, как безмерно бремя налогов и как беспощадны взимающие их чиновники, под пыткой вымогающие, не утаил ли кто от обложения какой-нибудь источник дохода. Народ, говорил Евдокий, ненавидит своих угнетателей и уже поднимается против них с оружием в руках. Повсюду бродят по Галлии отряды восставших рабов и крестьян. В варварах видят они союзников в борьбе против ненавистной римской власти и готовы примкнуть к ним, чтобы вместе идти на общего врага. Почему могучий Аттила

не может победить римлян, которых уже не раз побеждали вестготы, вандалы и другие смелые завоеватели?[1]

Так должно было сложиться у Аттилы решение обрушить свои орды на Запад. Как раз в этот момент представился очень удобный предлог поссориться с западным императором (Валентинианом III). У этого императора, слабого и ничтожного человека, была сестра Гонория. Император дал ей высокий сан «августы» и предназначал её к монашеской жизни. Однако Гонория питала к монашеству мало склонности: она тайно вышла замуж за управителя своих поместий, Евгения. Когда это обнаружилось, Евгения казнили, а Гонорию подвергли заключению. Желая любым путём вернуть себе свободу, Гонория отправила тайно посла к Аттиле, предлагая ему жениться на ней. В знак обручения она послала гуннскому царю кольцо. Аттила согласился принять Гонорию в свой гарем, предложил римскому правительству прислать к нему его невесту и дать за ней в приданое половину империи. Разумеется, ему было отказано. Повод к войне был найден.

Аттила с сильным войском устремился на Запад. Вдоль Рейна жили подвластные Аттиле германские племена, обязанные поставлять вспомогательные отряды. По мере продвижения к Галлии силы гуннов возрастали, подобно низвергающейся с горы снежной лавине.

В начале 451 г. гунны вторглись в северную Галлию, разрушили многие города, сожгли и разграбили Мец и двинулись к Орлеану. От Орлеана открывался путь на юг, в Италию, или же на юго-запад Франции, в королевство вестготов. Желая использовать взаимную вражду вестготов и римлян, Аттила писал императору, что он идёт на вестготов, а вестготам, что он идёт на Италию. Благодаря этому вестготы не выступили против Аттилы, а стали выжидать, нападёт ли он на них.

Между тем римское правительство находилось в весьма затруднительном положении. Воевать с гуннами было трудно, ибо долголетний союз с ними доставлял Риму лучшие вспомогательные отряды. Сил, которые могли доставить союзные с империей германские племена, было недостаточно. К тому же зима 450/51 г. была особенно тяжёлой. Империя перенесла жестокую голодовку. Всеобщая нищета была так велика, что многие родители продавали детей в рабство. Эти неблагоприятные обстоятельства были усугублены неожиданным нападением гуннов.

Римский главнокомандующий Аэций спешно выступил в Галлию. Ему удалось указанием на общность грозящей опасности побудить вестготов выйти из бездействия и склонить их к союзу. Совместное выступление римлян и вестготов вынудило Аттилу снять осаду с Орлеана и отступить.

---

[1] О королевстве вестготов сказано выше. Северная Африка с 429 г. была захвачена вандалами. В 408 г. римские войска оставили Британию. Таким образом, территория, подвластная западному римскому императору, в первой половине V в. значительно уменьшилась.

Союзники следовали за врагом по пятам. На Каталаунских полях[1] произошла решительная битва.

Накануне кудесники предсказали Аттиле, что в этой битве погибнет предводитель вражеского войска. Отнеся эти слова к ненавистному Аэцию, талантливому и энергичному полководцу римлян, Аттила решил дать сражение.

«Поле битвы представляло равнину, которая, постепенно повышаясь, переходила в горку. Этим местом стремились овладеть оба войска, ибо его благоприятное положение представляло немаловажные выгоды: таким образом, гунны и их союзники заняли левую сторону, римляне и вестготы — правую, а у ещё незанятого гребня горы разгорелась борьба. На правом крыле (противников гуннов) стоял Теодерид[2] с вестготами, на левом — Аэций с римлянами. Сангибана[3]... они поставили в центре, позаботившись, таким образом, с военной предусмотрительностью о том, чтобы разместить тех, на чью верность мало было надежды, среди верных людей. Ибо тот, кому отрезан путь к бегству, легко покоряется необходимости сражаться. Напротив, боевой порядок гуннов был таков, что Аттила со своими воинами стоял в центре. Располагая таким образом войско, царь стремился в особенности к тому, чтобы быть самому в полной безопасности среди отборных войск своего племени»[4].

Аттила не мог пустить в бой лучшие гуннские отряды: их неудача вызвала бы восстание подвластных племён. Поэтому с гуннской стороны в сражение вступили вспомогательные германские отряды, бившиеся без большой охоты. Напротив, вестготы, защищавшие свою страну, и римские войска под начальством Аэция бились с воодушевлением[5]. Им первым удалось овладеть опорной вершиной. Сражение достигло большого напряжения.

«Дошло до рукопашной; ужасная борьба, многообразная, ведшаяся с упорством; о чём-либо равном ни разу не говорится в древней истории, когда излагаются деяния этого рода». Вскоре пал вестготский король Теодерид. Сильным ударом вестготы смяли ряды врагов и заставили их искать спасения в бегстве. Сам Аттила погиб бы, если бы не укрылся за ограду своего лагеря, которую он предусмотрительно укрепил телегами. «Хотя это было непрочное убежище, однако там искали спасения те, против кого незадолго до этого не могли устоять никакие стены».

Наступившая ночь прервала битву. Взошедшее солнце осветило равнину, усеянную трупами. Гунны не предпринимали вылазки. Римляне и вестготы сочли себя победителями. Они стали готовиться к осаде лагеря гуннов, рассчитывая взять их измором. Рассказывали даже, что Аттила в своём укрепле-

---

[1] В современной Шампани (Франция), недалеко от г. Шалона на Марне.
[2] Король вестготский.
[3] Предводитель отрядов аланов, действовавших в Галлии.
[4] В описании битвы мы используем старинных историков.
[5] В их рядах лишь меньшинство составляли насильственно завербованные союзники, вроде аланов.

нии соорудил для себя костёр, предпочитая плену смерть в пламени.

Среди приготовлений к осаде вестготы заметили, наконец, отсутствие своего короля. После долгих поисков его удалось найти в большой груде трупов. Короля похоронили, а преемником ему избрали его сына Торисмунда. Пылая местью против гуннов, Торисмунд спросил у Аэция, как у старшего, умудрённого годами и опытом мужа, что ему предпринять дальше.

«Аэций же боялся, что в случае полного уничтожения гуннов вестготы подчинят себе римское государство, и посоветовал Торисмунду возвратиться на родину и принять на себя оставленную отцом власть, чтобы его братья не захватили отцовские сокровища и не овладели вестготским государством, а ему не пришлось бы бороться со своими».

Торисмунд послушался совета Аэция, проникнутого лицемерной о нём заботой. Таким образом, вражда римлян с вестготами, на которую рассчитывал в начале своего похода Аттила, действительно сослужила службу гуннскому царю, правда, при совсем неожиданных для него обстоятельствах.

Убедившись, что вражеские войска ушли, Аттила вернулся за Рейн и стал готовиться к новому походу. В начале следующего (452) года он выступил против Рима. Через Венецианскую область и долину реки По он вторгся в Италию. Крупный город Аквилея был сравнён с землёю.

Аэций считал Аттилу разбитым и не ожидал его вторжения. Аэций был так уверен в ослаблении гуннов, что даже не выставил заградительных отрядов в Восточных Альпах. Гунны продвигались, не встречая сопротивления.

Теперь настала очередь Аэция думать о спасении. Вместе с императором Валентинианом Аэций стал готовиться к бегству. Тем временем до него дошли слухи о затруднениях, испытываемых Аттилой.

Гунны жестоко опустошили Ломбардию. Города, которые, подобно Милану или Павии, отделались разграблением, считали свою участь лёгкой. Многие из городов разделили судьбу Аквилеи. Это бесцельное и хищническое разрушение богатой страны привело к тому, что вскоре Аттиле негде было добывать продовольствие для своего войска. В его лагере начались голод и эпидемии, производившие бóльшие опустошения, чем любая война. В то же время восточный римский император послал помощь Валентиниану. Аттиле нечего было и думать о походе на Рим. Надо было искать почётный предлог для отступления.

Такой предлог скоро доставили сами жители Рима. Угрозы гуннского царя взять Рим, ещё помнивший ужасы разграбления его вестготами Алариха в 410 г., повергли римлян в страх. Горожане упросили римского епископа (папу) Льва и двух видных чиновников отправиться в лагерь Аттилы и уговорить его отказаться от замыслов против Рима. Такая просьба вполне соответствовала собственным интересам гуннского царя в его затрудни-

тельных обстоятельствах. Он выговорил себе ряд выгодных уступок со стороны римского правительства и возвратился в Паннонию, угрожая вернуться через год, если к нему не пришлют Гонорию.

Аттиле не пришлось выполнить свою угрозу. В следующем (453) году страшный король гуннов внезапно умер. «Столь страшен казался Аттила великим империям, что они сочли известие об его смерти небесным даром».

Пышные похороны устроили гунны своему царю. Посреди большого поля был поставлен шёлковый шатёр, в котором поместили останки Аттилы. Затем устроили поминальные игры. Лучшие наездники скакали по полю и в погребальных песнях прославляли деяния умершего. Оплакав Аттилу таким образом, гунны справили по нём *страву* (тризну). Затем в ночной тиши тело его предали земле.

«Его первый гроб сделали из золота, второй — из серебра, третий — из железа. Этим они хотели показать, что всё это подобало могущественному царю: железо потому, что он покорил народы, золото и серебро потому, что он получил драгоценности от обеих империй. К этому прибавили захваченное оружие убитых врагов, ценную конскую сбрую, украшенную всевозможными ценными камнями, и разнообразные почётные знаки». Чтобы сохранить в тайне место этой гробницы, всех работавших над её сооружением перебили.

* * *

После смерти Аттилы начались раздоры и борьба за власть между его многочисленными сыновьями. Усобицу эту использовали подчинённые гуннам народы.

Началось всеобщее восстание против гуннов. В большой битве погиб старший сын Аттилы. Варварские племена в области Дуная вернули свою независимость. Оставшиеся в живых родичи Аттилы бежали к своим соплеменникам в Причерноморье. Здесь долго ещё кочевали в степях гуннские племена, мало-помалу смешивавшиеся с другими обитателями степей и утратившие постепенно своё племенное имя, с VII в. исчезающее со страниц истории.

ЮСТИНИАН

В конце V в. три молодых крестьянина из Македонии покинули свои родные горы и отправились искать счастья. На них была бедная одежда, и единственное их достояние составлял скудный запас сухарей в мешке за спиной. Но это были сильные, крепкие люди, и они были твёрдо уверены, что сумеют выбиться на дорогу и разбогатеть.

Шли они пешком в Константинополь, в этот «царственный град», «мастерскую вселенной», как величали его современники. С детства слышали наши путники о несравненной красоте столицы, украшенной чудесными площадями, роскошными храмами, портиками и всем, что только способны создать природа и искусство. В самые дальние уголки проникала слава о мировой торговле Константинополя, об искусных его ремесленниках; золотая парча и пурпур, тончайшие изделия из золота, драгоценных камней и слоновой кости вызывали восхищение не только у варваров, но и в культурных странах Китая, Индии и Персии, куда проникали византийские купцы. Нигде не устраивалось таких пышных празднеств, нигде не было таких щедрых раздач городской толпе, как в Константинополе. Нигде не было столько школ, административных и судебных учреждений, как в столице. Недаром окружающему варварскому миру Константинополь казался каким-то манящим городом-сказкой, легендарным городом на берегах Босфора, окружённым, как венком, голубым морем и сияющей красотой рощ, окаймляющих береговые бухты.

Всё это было хорошо известно трём македонским крестьянам. Поэтому они и шли именно в Константинополь, в это «солнце всего царства, сияющее богатством и славою». Они не думали сейчас о том, что в столице наряду с красотой и роскошью были многочисленные узкие и зловонные улицы, тесно застроенные высокими домами с десятками каморок, заселённых городской беднотой. Они не думали о том, что Константинополь был заполнен голодным и нищим людом, не находившим для себя ни постоянного заработка, ни пропитания, что в царственной столице рядом с дворцовой пышностью ютилась вопиющая нищета, — молодые люди ждали от судьбы только радости и удачи. Но самые дерзкие их мечты не могли предугадать того, что одного из них ожидала императорская корона.

По прибытии в столицу приятели поступили в императорскую гвардию. Храбрость и ревностная служба одного из них доставили ему быстрое повышение: он стал офицером, затем генералом и далее сенатором. Когда в 518 г. умер император Анастасий, наш герой был возведён на престол: то был император Юстин I. Этот македонский крестьянин едва умел читать и совсем не умел писать; чтобы он мог подписывать государственные бумаги, пришлось сделать деревянную дощечку с вырезанными буквами его имени; по прорезям дощечки император неуверенно выводил свою подпись.

Как же удалось Юстину достичь императорского престола? Как смог он обеспечить этот престол за собою? Здесь сыграли роль не только настойчивость и воля самого Юстина. Обстановка, сложившаяся в ту пору в Византии, создавала Юстину надёжную опору.

Со второй половины V в. Византия служила убежищем для многих представителей римской аристократии. То было время, когда Западная Римская империя распадалась под напором варваров-завоевателей, под влиянием грозных восстаний, поднятых рабами и зависимыми земледельцами — «колонами». Массы рабов и колонов поднимались против своих вековых угнетателей, стремясь уничтожить ненавистное для них рабовладельческое Римское государство.

Богатые и знатные сенаторы в ужасе бежали из охваченных пламенем восстания западных провинций. Они держали путь на восток, где правил император Анастасий, которого считали другом и заступником аристократии. Этот император щедро одаривал сановных беглецов. Он дарил им обширные земли, вместе с сидевшими на этих землях подневольными людьми. Он старался вознаградить италийских сенаторов-рабовладельцев за всё то, что они утратили на родине.

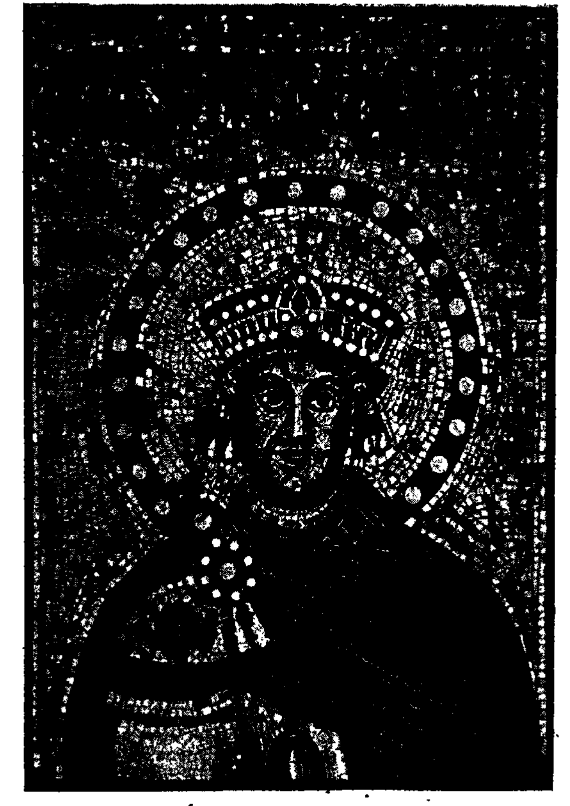
Византийский воин *(рельеф на пластинке из слоновой кости). (Из сокровищ Аахенского собора, VIII в.)*

К концу царствования Анастасия сильно возросло значение знати. Знать увеличилась численно и приобрела новые права. Могущественные сенаторы-землевладельцы допускали насилия над своими беззащитными соседями. Они силой захватывали чужие участки. Они содержали многолюдные отряды — так называемые «ойкии» — и во главе подобных ойкий совершали нападения, держа в страхе окрестное население. Случалось и так, что какой-нибудь землевладелец-сенатор сам распоряжался, сам судил и даже строил собственную тюрьму, куда помещал тех, кого считал врагами. И не только рабы и подневольные колоны стонали под гнётом своевольных аристократов-сенаторов. Средние и мелкие землевладельцы дрожали за

судьбу своих участков и нередко, боясь сенатора-соседа, признавали себя зависящими от него людьми, лишь бы этой ценой спастись от насилий и разграбления.

Царствование Анастасия считалось золотым веком для византийской знати. Император сквозь пальцы смотрел на все насилия и беззакония аристократов, ничем не стесняя произвола своих любимцев.

И когда в 518 г. император-аристократ Анастасий умер, в Византии нашлось немало людей, пожелавших увидеть на императорском престоле человека, не связанного с аристократией своим происхождением, симпатиями и взглядами.

Портрет Юстиниана I. *(Мозаика в церкви св. Аполлинария в Равенне.)*

Грубоватый и энергичный Юстин, сохранивший до конца жизни простоту солдата, казался желанным кандидатом на императорский престол. Аристократы втихомолку высмеивали его неотёсанность, безграмотность, его манеры, зато мелкие и средние землевладельцы, купцы, воины возлагали большие надежды на этого решительного человека, вышедшего из народной среды.

Много врагов оказалось у нового императора в рядах знати, но ещё больше сторонников он нашёл в средних слоях населения. И только труженики — рабы и колоны — отнеслись к появлению нового императора равнодушно. Для них с его приходом к власти ничего не изменилось.

Будучи бездетным, Юстин с ранних пор принял участие в сыне своей сестры, которого звали Юстинианом. Юстин вызвал племянника в Константинополь, усыновил его и позаботился о том, чтобы дать ему блестящее образование. Далее император приобщил Юстиниана к управлению империей, и тот своими дарованиями и дипломатическими талантами оправдал надежды, возлагавшиеся на него дядей. Когда в 527 г. умер

Юстин, императорская корона перешла к его племяннику Юстиниану.

Тридцать восемь лет (527—565) царствовал Юстиниан над Восточной Римской империей, но правление его оставило столь заметный след в истории, что весь VI в. называется веком Юстиниана.

Внешность Юстиниана хорошо передаёт мозаичное изображение императора в церкви св. Аполлинария в Равенне. Всё в этом облике говорит о властном характере и сильных страстях.

Свидетельства современников подтверждают это впечатление. Юстиниан считал себя живым законом, совершенным воплощением неограниченной власти. От высочайшей воли самовластного монарха должно было зависеть всё — государство, религия, закон. «Он не позволял никому на всём пространстве империи принимать малейшее решение по собственному почину», — говорит Прокопий, современник и историк Юстиниана. Юстиниан считал себя продолжателем римских императоров и поэтому стремился окружить своё императорское достоинство всевозможной пышностью и всяческим великолепием.

Усердной помощницей в этом была жена Юстиниана — Феодора. Как и он, Феодора совершила головокружительную карьеру. Дочь сторожа в зверинце, Феодора сначала была цирковой актрисой. Как говорят её биографы, она была красоты несравненной — «такой, что слова и искусство людей не в силах её изобразить». К тому же она обладала умом любознательным и изобретательным на выдумки, отличалась остроумием и весёлостью. Надменные сенаторы, полные высокомерия, никогда не могли забыть происхождения Феодоры, того, что эта женщина перешла с цирковой арены на трон, сменив профессию актрисы на сан императрицы. Прошлое Феодоры давало повод к тайным насмешкам и клевете. Её чернили и всячески порочили те, кто хотел бросить тень на Юстиниана, сделавшего её своей женой.

Став императрицей, Феодора быстро освоилась со своим новым положением. Как истинная выскочка, она старалась увеличить блеск и великолепие своего двора, требовала себе раболепного поклонения. Она установила, чтобы высшие сановники, являясь перед Юстинианом и перед нею, повергались ниц и смиренно лобызали пурпуровый сапожок царственной особы. Феодора требовала, чтобы, разговаривая с нею, её титуловали как можно чаще «ваше величество», и приказывала увольнять как неуча всякого, кто погрешал против малейшей детали церемониала.

Особенной пышностью и торжественностью отличался придворный этикет при приёме иностранных послов. Юстиниан заботился о том, чтобы поразить варваров [1] и закрепить в них глубокое и грозное впечатление византийского могущества; для этого перед послами развёртывали весь блеск роскоши, всю утончён-

[1] Варварами византийцы называли всех, кроме греков и римлян.

ность восточного этикета. В великолепных залах дворца по боковым стенам выстраивались гвардейцы. В руке у каждого был золотой щит, на голове — золотой шлем с развевающимся красным султаном, у бедра — меч, а на плече — обоюдоострая секира; впереди них стояли знаменосцы с гордо поднятыми разноцветными знамёнами. Как гвардейцы, так и знаменосцы подбирались гигантского роста и крепкого телосложения. Между этими двумя рядами людей медленно шли послы, поражённые размерами великолепных и многочисленных зал, через которые они проходили, роскошью костюмов и оружия. Наконец, их останавливали перед дверью, закрытой пурпуровой завесой. После томительного ожидания завеса как бы внезапно отдёргивалась и изумлённым взорам зрителей представал император во всём блеске своего величия: он сидел на троне, над его головой две статуи Победы держали лавровый венок, вокруг трона группировались телохранители в белых туниках с золотыми ожерельями на шеях, а поодаль располагались сенаторы и сановники в пышных одеяниях. Посол и его свита троекратно повергались ниц, ожидая каждый раз приглашения императора подняться; затем, приблизившись, посол лобызал ноги государя и униженно просил его соизволить принять подарки, которые он привёз. Тогда подарки неторопливо расставлялись перед монархом, который уже заблаговременно получил их списки и знал им точную цену; после принятия подарков император несколькими милостивыми словами прекращал аудиенцию и отпускал послов.

Весь этот затейливый и громоздкий церемониал, пышные приёмы послов возникли не по прихоти императора, не из пустого тщеславия Феодоры. Император стремился восстановить былое могущество и величие всемирной Римской империи, подчинить себе все народы, вернуть утерянные земли и затмить своим блеском и силой все известные тогда государства.

Этой идеей и определялась вся деятельность Юстиниана. Пышный придворный церемониал был также составной частью этой политики. Он должен был производить неотразимое впечатление на иностранцев, внушать им мысль о недосягаемом величии и могуществе византийского императора.

Однако Юстиниану осуществление его политики стоило огромных трудов и упорной, непримиримой борьбы с очень сильными врагами: его главным врагом были крупные землевладельцы-сенаторы, которые презирали императора за его низкое происхождение и ещё более ненавидели за то, что он решительно посягал на их могущество.

Сенаторы-землевладельцы, получая большие доходы со своих земель, чувствовали себя и экономически, и политически совершенно самостоятельными и независимыми от центральной власти. Это были как бы маленькие царьки. Они помнили императора Анастасия, исполнявшего всё, что было угодно аристократии. Юстин и особенно Юстиниан повели совершенно иную политику, —

они всячески старались подчинить себе непокорных магнатов. Юстиниан боролся против них всеми мерами, не брезгуя даже подлогом и подкупом; так, иногда он просто отбирал земли у магнатов по ложным доносам; насильно вынуждал дарения; составлял подложные завещания, по которым земля должна была перейти к государству после смерти сановника, и т. д.

Но уничтожая крупное сенаторское землевладение, Юстиниан, ища поддержки у церкви, жаловал ей огромные поместья. Это усиливало церковное землевладение, способствовало росту независимости церкви от государства и, следовательно, ослабляло центральную власть. Получался, таким образом, замкнутый круг, из которого Юстиниан не мог выйти.

Борьба с сенаторской знатью велась в очень острых формах и порой принимала устрашающие размеры. Пробой сил была борьба партий ипподрома — места, где происходили конские состязания.

В истории Византии ипподром играл совершенно исключительную роль. Он представлял собою не только арену спортивных состязаний. Он был в то же время центром всей общественной жизни. Здесь при огромном стечении народа происходили торжественные празднества. Здесь выставлялись напоказ всем праздношатающимся и очень многочисленной в Византии городской бедноте, жившей на случайные заработки и государственные подачки, — военные трофеи после победной войны. В этих случаях толпа, заполнявшая ступени цирка, любовалась грудами драгоценных камней, роскошными колесницами, дорогими вазами, а иногда золотыми тронами. С особенным любопытством рассматривали пленников-иноземцев, следили, как у ложи императора их бросали перед ним ниц, после чего начиналась раздача военной добычи народу. На ипподроме народ приветствовал Юстиниана и Феодору после их коронации. Здесь же происходили и столкновения между императором и населением столицы. Именно на ипподроме государь и народ встречались лицом к лицу, один — со всею пышностью императорского величия, другой — в своём страшном численном могуществе, и не раз всемогущий император принуждён был сдаваться перед ропотом цирка. Юстиниан немало боялся этой шумной, волнующейся и легко воспламеняющейся толпы. Поэтому главной его заботой было кормить, занимать и непрерывно развлекать население столицы, привыкшее жить за счёт императорских щедрот. Поведение столичного населения, его ежечасно готовое вспыхнуть недовольство внушали Юстиниану постоянное беспокойство. Как некогда в Риме, так и в Византии население требовало от своих владык двух вещей: хлеба и зрелищ.

Не меньше, чем хлеба, народ требовал зрелищ, и в угоду плебсу Юстиниан устраивал на ипподроме зрелища, которые обычно длились семь дней. Здесь устраивались поочередно: бег колесниц, охота на животных, борьба людей с дикими зверями, театральные представления, особенно комические и шутов-

ские пантомимы — словом, «всякие увеселения, которые могут усладить ум и глаза». При этом Юстиниан в особом указе отмечал, что зрелища нужно вести так, чтобы не наводить на народ скуки: «То, что видят редко, — писал он, — особенно вызывает восхищение».

О том, какое огромное значение имел ипподром в жизни византийцев, повествует следующий рассказ.

При постройке храма св. Софии один собственник не соглашался уступить свой участок земли, необходимый для будущей постройки. Ему были предложены за участок огромные деньги, — он отказался; тогда его заключили в тюрьму, но он упорно не соглашался. Потом его почти перестали кормить; он страдал от голода, но не жаловался и не уступал. Тогда городскому префекту пришла счастливая мысль, — он попросил императора объявить повсеместно и даже по тюрьмам о предстоящих бегах на ипподроме, и это оказалось сильнее мужества заключённого: при мысли, что он не увидит зрелища, он уступил свой участок за дешёвую цену.

Обычно уже накануне представлений на ипподроме весь город был в волнении. А тем временем цирк приготовлялся к предстоящим зрелищам. Это было огромное здание, около 450 *м* в длину и 75 *м* в ширину; оно вмещало более 30 тысяч зрителей [1]. Весь ипподром был украшен чудесными статуями, вывезенными из Греции и Рима. В то время как над ареной растягивали пурпурные шёлковые шатры для защиты от палящих лучей солнца, рассыпали по земле свежий песок, смешанный с благоухающим кедровым порошком, и проверяли барьеры, за которыми должны были стоять соперники, ожидая сигнала к выезду, — в это время толпы народа спешили занять лучшие места. На состязании всегда присутствовал император, высшие сановники, иностранные гости. Императрица не присутствовала в императорской ложе, так как этикет этого не позволял. Но Феодора всегда бывала на представлениях, хотя и невидимая; со своими придворными дамами она занимала место на верхних галереях в соседней с ипподромом церкви, откуда было видно всё, что делалось в цирке, и когда обозначалось присутствие императрицы за решётчатыми окнами церкви, спектакль мог начинаться.

По цвету плащей, которые носили возничие цирка, всё население Константинополя делилось на партии «синих», «зелёных», «красных» и «белых». В эпоху Юстиниана симпатии византийцев делились между «синими» и «зелёными». «Красными» и «белыми» интересовались мало. Объясняется это тем, что партия «зелёных» объединяла главным образом крупных светских землевладельцев, а вокруг «синих» группировалась преимущественно церковная знать. Естественно, поэтому, что Юстиниан усиленно покровительствовал «синим» и вёл ожесточённую борьбу с «зелёными».

---

[1] Напомним, для сравнения, что московский стадион «Динамо» вмещает более 80 тысяч зрителей.

Но вот император подавал знак. Внизу под императорской ложей открывалось четверо ворот, и из них вылетали четыре колесницы четырёх цветов, запряжённые каждая четвёркой лошадей. «Надо удивляться, — пишет современник, — тому неслыханному возбуждению, которое охватывало при этом зрелище умы присутствующих. Побеждает зелёный возничий, — и одна часть народа в отчаянии; обгоняет синий, — и тотчас половина города в крайнем огорчении. В этот момент забывается всё — родные, друзья, божеские и человеческие законы, и думают только об одном — о победе своей партии».

Теперь нет дела ни до опасностей, грозящих государству, ни до личных забот: чтобы обеспечить победу возничему своей партии, всякий с радостью отдал бы и своё состояние и даже самую жизнь. Склонясь вперёд, задыхаясь от волнения, зрители, принадлежавшие к одной из партий, следили за всеми переменами в ходе бегов с тревожным вниманием, которое ещё более усиливалось при виде соперников. Они торжествовали при неудачах противника и негодующе кричали, когда ликовал противник. Удачи и неудачи зелёных и синих возничих вызывали оскорбительные и издевательские возгласы, которыми обменивались обе соперничавшие партии. При этом обе стороны мерили друг друга взглядами, полными ненависти, и только неустанный надзор блюстителей порядка удерживал противников от рукопашных схваток, которые всё же нередко возникали на улице после представления.

После окончания бегов и провозглашения победителя начиналась вторая часть программы: наступала очередь интермедий, пантомим, представлений с дрессированными животными, акробатических упражнений, клоунад.

Но далеко не всегда посетители ипподрома приходили туда только для того, чтобы наслаждаться захватывающими зрелищами. Народные массы пользовались цирком и для того, чтобы предъявлять здесь свои требования императору. Партия «зелёных» в эпоху Юстиниана особенно активно выражала своё недовольство политикой правительства, так как во главе её стояли крупные землевладельцы, преследуемые Юстинианом. Накоплявшееся недовольство «зелёных» однажды прорвалось и превратилось в грандиозный мятеж, известный в истории под названием «Ника» (т. е. «побеждай»). Прокопий пишет, что этот мятеж «вопреки ожиданию оказался самым большим и завершился большим несчастьем для народа и сената». Предлогом послужило недовольство населения злоупотреблениями императорского чиновника Калоподиоса. Это произошло 11 января 532 г. На ипподроме в этот день происходили бега. Император присутствовал на них с большой торжественностью; на этот раз зрители были сильно возбуждены. На ступенях, где сидели «зелёные», непрерывно шумели и свистели.

Партия «зелёных» по всякому поводу открыто выражала своё дурное настроение. Наконец, выведенный из терпения Юстиниан

приказал своему глашатаю обратиться к народу с запросом, и тогда между уполномоченными «зелёных» и императора начался удивительный диалог, во время которого жалобы, сперва почтительные, вскоре превратились в жестокие обвинения, в которых гнев перемешивался с иронией.

Зелёные. Долгоденствие императору Юстиниану! Да будет он всегда победоносным! Увы, лучший из государей, нам творят всякого рода несправедливости. Богу известно, мы не можем их выносить дальше. Однако мы страшимся назвать нашего притеснителя из страха, что его неистовство усилится ещё более и мы подвергнемся бо́льшим опасностям.

Глашатай. Никто не делает вам зла.

Зелёные. Нас преследует один человек.

Глашатай. Я не знаю, кто этот человек.

Зелёные. Нет, ты хорошо знаешь, трижды августейший, кто теперь наш палач.

Глашатай. Я не знаю, кто вас преследует.

Зелёные. Ну так это, владыка мира, спатар[1] Калоподиос.

Глашатай. Калоподиос не имеет никакого дела с вами.

Зелёные. Что бы там ни было, но он испытает участь Иуды. Бог скоро накажет его за несправедливость.

Глашатай. Вы, очевидно, явились сюда не для того, чтобы смотреть на представление, но чтобы оскорблять правящих!

Зелёные. Да! Кто творит нам зло, того постигнет участь Иуды.

Глашатай. Всякий свободный человек может появляться, где хочет.

Зелёные. Мы сами знаем, что мы свободны, но нам не дают возможности пользоваться свободой. И если какой-нибудь свободный человек заподозревается, что он «зелёный», общественная власть тотчас подвергает его каре.

Глашатай. Вы не боитесь за свои души, висельники!

Зелёные. Пусть запретят цвет, который мы носим, и правосудию нечего будет делать. Ты позволяешь, чтобы нас убивали, и сверх того ты приказываешь, чтобы нас наказывали. Ты — источник жизни, а ты умерщвляешь, кого захочешь. Поистине, человеческая природа не может выносить подобных противоречий. Ах, лучше было бы, если бы по воле небес твой отец вовсе не родился: он не породил бы убийцу.

С этими словами партия «зелёных» толпою вышла из ипподрома, чем наносилось самое тяжкое оскорбление, какое могло быть сделано императорскому величеству.

Начались аресты мятежников. Но вместе с «зелёными» хватали и «синих». Это вызвало возмущение последних, и они примкнули к восставшим. Общественные здания и дома частных лиц предавались огню; три дня огонь, раздуваемый жестоким ветром, продолжал своё опустошительное дело. «Город, — говорит очевидец, — представлял собою кучу чернеющих домов, он был наполнен дымом и золой; всюду распространившийся запах гари делал его необитаемым, и весь вид его внушал зрителю ужас, смешанный с жалостью». На улицах раздавались победные клики мятежников, с провозглашением смерти императору, с требованиями нового государя. «Сама империя казалась накануне гибели», — прибавляет современник.

«На пятый день восстания, к вечеру, Юстиниан велел Ипатию и Помпею, племянникам бывшего императора Анастасия, идти как можно скорее домой — потому ли, что он подозревал их

[1] Спатар — начальник императорской гвардии.

в замыслах против его жизни, или и сама судьба вела их к тому. Они же, боясь, как бы народ не принудил их царствовать (как это и случилось), говорили, что несправедливо поступят, оставив своего царя, когда он подвергается такой опасности. Услышав это, Юстиниан проникся ещё бо́льшим недоверием и настойчиво приказал им немедленно удалиться. Оба они отправились домой и, пока была ночь, оставались там.

На следующий день, с восходом солнца, сделалось известным в народе, что оба они устранены от пребывания во дворце. Поэтому весь народ побежал к ним, провозгласил Ипатия царём и повёл его на площадь, чтобы принять ему на себя ведение дел. Мария, жена Ипатия, женщина очень умная и высоко чтимая за свою добродетель, цеплялась за мужа, не пускала его, вопила изо всех сил и убеждала всех близких, что народ ведёт его на смерть. Толпа пересилила, и Мария против воли выпустила мужа. Народ призвал на царство Ипатия и, возложив ему на голову золотую цепь, за неимением диадемы или чего-нибудь другого (что подобает надевать на царя), провозгласил его царём римлян. ... (Тогда) Ипатий велел двинуться по дороге к ипподрому» (Прокопий Кесарийский).

Юстиниан, обезумевший от страха, заперся в своём дворце. Страх его был так силен, что он собирался даже бежать из столицы. Все приближённые разделяли это желание. Но этому воспрепятствовала Феодора. Возмущённая всеобщим малодушием, она громко заявила: «Если ты, государь, хочешь бежать, — это твоё дело. Что до меня — я остаюсь. Порфира — великолепный саван». Как говорят современники, эти слова подняли энергию императора, и он начал решительную борьбу с мятежниками. Действовал Юстиниан двумя способами: прямым насилием он уничтожал восставших и, кроме того, пытался разделить объединившиеся партии путём подкупа «синих».

На седьмой день масса восставших собралась на ипподроме.

Полководец Юстиниана, Велизарий, среди опасностей, с большими усилиями, через развалины, по остаткам пожарищ доходит до ипподрома. «Решив, что надо напасть на народ, стоявший на ипподроме в бесчисленном количестве и в полном беспорядке, Велизарий, выхватив из ножен меч и приказав прочим сделать то же самое, бегом и с криком бросился на толпу. Народ, стоявший толпой и не в строю, обратился в бегство, увидев, что покрытые латами воины, прославившиеся храбростью и боевым опытом, беспощадно поражают всех мечами. Когда поднялся громкий крик, то Мунд (другой полководец)... тотчас врывается на ипподром через вход, который называется мёртвым. Тогда бунтовщики Ипатия были истребляемы, подвергаясь сильным ударам с обеих сторон» (Прокопий Кесарийский).

В массе, запертой в цирке, началась паника, которая превратилась в смертельный ужас, когда солдаты двинулись через арену, никого не щадя на своём пути. К ночи эта бойня прекратилась. На окровавленной почве ипподрома осталось более 30 тысяч трупов.

Когда Ипатия стащили с трона и вместе с Помпеем привели к царю, они, по словам «Пасхальной хроники», «упали на колени и сказали: «Государь, много труда стоило нам собрать врагов твоей державы на ипподроме». Однако «на следующий день, — сообщает Прокопий, — воины убили обоих и сбросили их тела в море».

Юстиниан считал, что он победил. Действительно, на некоторое время партии ипподрома притихли. Но никакие репрессии Юстиниана не могли приостановить роста крупной земельной собственности, что́ медленно, но верно подтачивало силы единой централизованной империи.

Вскоре после того как в Византии разыгралась эта кровавая драма, Юстиниан решил начать войну с вандалами, чтобы захватить принадлежавшую им часть Африки. Стремясь укрепить мощь своего государства, Юстиниан считал прежде всего необходимым восстановить его в прежних границах, которых оно достигало в эпоху расцвета Римской империи. До начала завоеваний Юстиниана Византийская империя ограничивалась Балканским полуостровом, Малой Азией, Сирией и Египтом. Юстиниан мечтал расширить свои владения вплоть до Пиренейских гор. Для борьбы с вандалами был послан лучший полководец эпохи Юстиниана Велизарий, тот самый, который участвовал в подавлении мятежа «Ника».

Византийская армия была по тому времени превосходно вооружена. Каждый пехотинец был вооружён мечом, пикой, иногда секирой и всегда луком и колчаном для стрел. Кавалеристы были одеты в броню (вместе с лошадью) и, так же как и пехотинцы, имели в числе прочего вооружения колчан со стрелами. Стрельба из лука в то время была присуща именно византийскому солдату. Конница благодаря этому была сильна и на расстоянии, и в атаках. Византийская армия таким образом по вооружению и тактике была превосходна. Но по своему составу она оставляла желать много лучшего: византийская армия состояла преимущественно из наемников. А это означало, что солдаты боролись не за свою родину, а ради военной добычи, для грабежа. Эти не имевшие отечества искатели приключений думали, что «война должна питать войну», поэтому их появление было бичом для той страны, через которую они проходили, — безразлично как друзья или как враги. Если ещё прибавить к этому, что империи постоянно нехватало денег для содержания огромных войск, что солдатам очень часто задерживали уплату жалованья, что снабжение войск провиантом было организовано из рук вон плохо, что в армии процветали хищения и воровство, — то станет понятным, почему византийская армия наемников всегда отличалась страшной распущенностью и полным отсутствием военной дисциплины.

Велизарию, талантливому полководцу Юстиниана, нередко приходилось прибегать к различным уловкам и ухищрениям, чтобы удержать в повиновении своих солдат. С такой-то армией Велизарий начал войну с Вандальским государством в Африке.

Но победа на этот раз далась ему быстро и легко. Объясняется это не столько храбростью византийских солдат и талантливостью Велизария, сколько плохим командованием у вандалов и смутами, которые в то время раздирали их государство. В 534 г. Африка стала провинцией Византии. Страна была разорена войной и грабежами византийских солдат, народ вандалов уничтожался безжалостно. «Сколько народа погибло в Африке, я не умею сказать, — пишет Прокопий, бывший свидетелем этой войны, — но думаю, что погибли мириады мириад»[1].

После захвата Африки, взоры Юстиниана обратились на Италию, где в то время господствовали готы. В 536 г. Велизарий снова снарядил войска и направил свой путь на Апеннинский полуостров. Война с готами длилась девятнадцать лет; она стоила Византийской империи огромных сил и средств. Победа склонялась то в ту, то в другую сторону. Рим пять раз переходил из рук в руки. Готы решились даже предложить Велизарию корону, но тот не согласился. Наконец, в результате огромного напряжения сил, в 555 г. Италия была присоединена к Византии. Покорённая страна разорялась с такой же жестокостью, как и Африка. Население стонало от страшных налогов империи; поэтому, когда через тринадцать лет в Италию вторглись лангобарды, они без труда покорили себе эту византийскую провинцию. В руках империи остались лишь три города: Неаполь, Рим и Равенна.

Гораздо легче обошлось присоединение к Византии южной Испании, где господствовали в то время вестготы. И здесь, как и в Африке, завоевание было облегчено глубоким упадком вестготской Испании, которую раздирали в то время внутренние смуты и религиозные распри. После этой победы Восточная Римская империя стала господствовать почти на всём западном Средиземноморье. Наконец, последней победой царствования Юстиниана был захват южного берега Крыма.

Гораздо хуже обстояли дела Византии на востоке и на севере. Постоянные набеги на Византию совершали персы с востока, гунны и славяне — с севера. Юстиниан ничего не мог с этим поделать силой своего оружия, и ему приходилось поэтому применять всё своё дипломатическое искусство и изворотливость, чтобы обезопасить себя от страшных врагов. Выработалось убеждение, что варваров нельзя покорить в их пустынях, как нельзя исчерпать моря. От персов Юстиниану удавалось откупаться большими денежными суммами, но против беспрестанной опасности варварских вторжений с севера не помогали даже деньги. Юстиниану приходилось идти на многие уступки: варварам жаловали земли, предоставляли им почётные государственные должности, сажали их на границах империи в качестве защитников последней. Но наиболее излюбленным средством Юстиниана была политика натравливания различных варварских племён друг на

---

[1] Это, конечно, преувеличение.

друга, что ослабляло их во взаимной борьбе. Эта политика, известная под именем «divide et impera» («разделяй и властвуй»), которая вела своё начало ещё от древнего Рима, вместе с другими уступками Юстиниана помогала (хотя и не надолго) удерживать варваров от нападений.

Положение завоёванных стран, помимо дурного управления и финансовых вымогательств, отягощалось ещё политикой крайней религиозной нетерпимости, которую неуклонно проводил Юстиниан во всех уголках своей обширной империи. Религиозное состояние Византии в VI в. было чрезвычайно усложнено вследствие разнообразия боровшихся между собой верований. По всей империи были распространены многочисленные ереси; не вполне умерло и язычество. Юстиниан объявил жестокую борьбу всем, кто не исповедовал православия. Его законы устраняли еретиков от всех общественных должностей (гражданских, военных, муниципальных), запрещали им заниматься адвокатурой и быть профессорами, отказывали им в праве наследства. Еретики подвергались ссылкам и даже казням.

Религиозная политика Юстиниана определялась не столько его личным благочестием, сколько тем, что под прикрытием религии император мог бороться со всеми, кто не подчинялся его власти. Единое государство, единая церковь, единый закон — такова была формула, в которую сводились правительственные идеи Юстиниана. Юстиниан считал себя высшим авторитетом во всех религиозных делах, учителем церкви и её господином. «Держись моего мнения, не то я тебя сошлю», — говорил он осмеливавшимся спорить с ним. Юстиниан очень любил всевозможные диспуты на религиозные темы и, конечно, всегда оставался в них победителем, так как в запасе у него постоянно были неоспоримые аргументы: тюрьма, ссылка или даже костёр.

Но идея абсолютной власти монарха, теория императорского деспотизма нигде не была выражена более точно и полно, чем в знаменитом кодексе Юстиниана. Именно здесь идея абсолютной власти имеет законченную юридическую формулировку. «Что угодно государю, то имеет силу закона», — гласит одна статья.

Юстиниан поручил комиссии юристов во главе с Трибонианом составить общий свод гражданского права (Corpus juris civilis), который состоял из четырёх частей. Прежде всего был составлен собственно кодекс Юстиниана, куда были собраны все императорские установления, начиная со II в. После этого Юстиниан поручил собрать воедино учения самых знаменитых юрисконсультов древнего Рима. Эта работа была издана в пятидесяти книгах, под названием «Дигесты» или «Пандекты».

Но «не все могли снести тяжесть такой мудрости», как выразился сам Юстиниан, и поэтому он поручил Трибониану составить учебник права, так называемые «Институции», созданные, как прибавил Юстиниан, чтобы «собрать мутные воды древних источников в прозрачное озеро». Наконец, указы, которые издавал Юстиниан за все годы своего правления (они называются «но-

веллы»), были впоследствии присоединены к кодексу. Юстиниан очень гордился проделанной работой. Он часто любил повторять, что дал всем возможность «с ничтожными издержками приобрести квинтэссенцию мудрости».

Таким образом, по воле Юстиниана была произведена гигантская работа по собиранию и систематизации законодательства, слагавшегося веками. То, что прежде представляло множество отдельных и разрозненных законов, стало теперь единым и стройным целым.

Кодекс Юстиниана служил не только юристам его эпохи. В течение всех последующих столетий к этому кодексу прибегали юристы, его изучали студенты, он и поныне изучается во всех высших юридических школах капиталистических стран.

Но Юстиниан задумал эту внушительную работу не для того, чтобы внести свой вклад в науку. Юстиниан преследовал свои политические цели, которым должен был служить кодекс. Кодекс укрепил, как мы уже видели, авторитет императорской власти. Опираясь на кодекс, Юстиниан мог себя считать не только носителем верховной власти, но и единственным источником права и закона.

В борьбе с непокорными сенаторами-землевладельцами, в борьбе с их беззакониями и самоуправством император использовал оружие права, возводившего императорскую власть на недосягаемую высоту.

Кодекс имел и другое значение. В бурную эпоху великих потрясений, когда волнения угнетённых масс грозили существованию Византии и власти рабовладельцев и землевладельцев, надо было увековечить и раз навсегда узаконить бесправие рабов и подневольное положение колонов. Кодекс Юстиниана развивал во всех деталях сословное деление общества, утверждал господство одних и подчинение других и на языке закона сводил воедино всю систему насилия и угнетения, на которой покоилась эксплоатация рабов и колонов.

Абсолютистский характер правления Юстиниана сказывался и в его административной политике. Реформы Юстиниана, с одной стороны, преследовали задачу усиления центральной власти, с другой — стремились прекратить страшное воровство и хищения, которые процветали в империи. В Византии исстари существовал обычай, с которым постоянно, но безрезультатно боролись, — торговля общественными должностями. Самые высшие лица, не краснея, дорого продавали искателям должностей свою благосклонность и покровительство. Чтобы достать денег для покупки должности губернатора, делались разорительные займы, которые потом с лихвой покрывались непрерывными вымогательствами у подчинённого населения; притеснительное и требовательное финансовое управление, продажная юстиция, запятнанная хищениями и несправедливостью, — вот что помогало покрывать затраты на покупку должности. Чиновники грабили и брали взятки, сколько им было угодно; финансовые агенты набивали

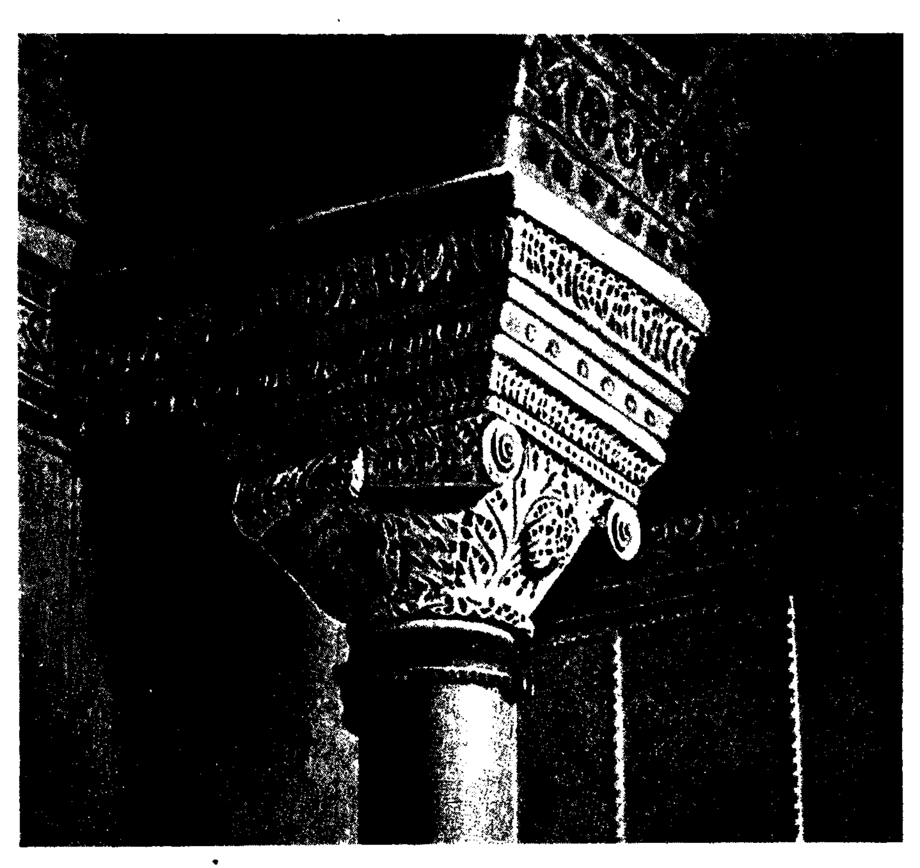
Храм св. Софии в Константинополе (наружный вид).

себе карманы, требуя от налогоплательщиков больше, чем следовало, и придумывали сотни предлогов, чтобы вымогать дополнительные поборы; служащие полиции, обязанные защищать подданных, обременяли последних ещё тяжелее; они были, по выражению Юстиниана, «бóльшими грабителями, чем разбойники». Опустошая дома, отымая земли, они открыто заявляли, что закон существует не для них. Убийство, разбой, презрение к законам казались вполне естественными для всякого, кто был достаточно силен или богат, чтобы быть уверенным в своей безнаказанности. Эти бедствия разоряли города, превращали деревни в пустыни. Со всех сторон в столицу стекались жалобы на ужасные злоупотребления чиновников.

Юстиниан решил положить предел этим беззакониям. Чтобы охранить плательщиков от вымогательств чиновников, он издал закон, которым запрещалась продажа должностей. Но так как казне всегда нехватало денег, то в том же законе стояла такая фраза: «Должностные лица больше всего должны стараться увеличить доходы государственной казны и всячески заботиться о защите её интересов». Это оставляло лазейку для вымогательств. Более того, нужда в деньгах заставляла самого Юстиниана немедленно после издания закона начать снова торговлю должностями. Указ, таким образом, оставался лишь на бумаге.

Для централизации государственного аппарата и для удешевления его Юстиниан уменьшил количество провинций и губернаторов, соединив в их руках гражданскую и военную власть. Далее Юстиниан пытался улучшить правосудие в провинциях, но и это не привело ни к каким результатам: лихоимство попрежнему процветало, законы исполнялись весьма плохо, юстиция оставалась попрежнему медленной, продажной. «Весы правосудия колебались по произволу и склонялись в ту сторону, куда влекла их бóльшая часть золота», — пишет Прокопий Кесарийский.

Денег государству нехватало, несмотря на тяжкое обложение населения и на изворотливость государственных чиновников. Помимо огромных средств, которых требовали война, пышная придворная жизнь, раздачи городской бедноте, — Юстиниан тратил колоссальные суммы на обширное строительство, которое он предпринимал для возвеличения империи и для укрепления её обороноспособности. Одним из постоянных предметов попечения Юстиниана была забота об охране границ им-

Капитель колонны храма св. Софии.

перии. Поэтому все города вдоль границы были укреплены и связаны между собою непрерывной линией постов, прочно построенных, снабжённых водою и съестными припасами и занятых небольшими византийскими гарнизонами. В самых отдалённых захолустьях строились проезжие дороги; в пустынях копали колодцы; через горные реки перебрасывались мосты, в городах проводились водопроводы. Юстиниан отстроил заново более 150 городов. Но особенное внимание он уделял своей столице, украшая её богатыми зданиями, настоящими чудесами архитектуры.

Самым замечательным строением Константинополя была церковь св. Софии, которую считали чудом и славой царствования Юстиниана. Эта церковь положила начало новому, так называемому византийскому стилю в искусстве. Всё здание увенчано колоссальным куполом, и в этом состояло невиданное доселе новшество. Установить его и придать ему чистоту, изящество, смелость линий — это была трудная задача. Но архитекторы (Анфимий и Исидор) справились с ней блестяще. Внутри церковь поражает необыкновенным великолепием и богатством. Она вся разукрашена самыми лучшими сортами мрамора, серебром, золотом, слоновой костью и драгоценными камнями. Гигантские колонны из порфира или зелёного мрамора украшены наверху тонким каменным кружевом капителей; пол и стены, выложенные разноцветными мраморами, напоминают, как говорит современник, ковёр или цветник, усыпанный пурпурными цветами. В верхних частях стен расположены громадные мозаики на яркозолотом или тёмноголубом фоне.

Эти мозаики — чудо византийского искусства. Чрезвычайно тонко и умело они передают величие и строгость изображаемых лиц, которые удивительно гармонируют со всей окружающей обстановкой. Благодаря сорока окнам, проделанным в основании купола и в толщине стен, св. София вся залита светом, который, играя и переливаясь на сверкающем убранстве, создавал замечательные световые эффекты. Современники говорили про св. Софию, что кажется, будто это «удивительное и вместе с тем приводящее в трепет создание лежит не на камнях, а спущено на золотой цепи с высоты небес». Постройка этого храма стоила баснословных сумм — она обошлась государству в 361 миллион рублей.

Откуда же государство доставало средства для покрытия своих огромных расходов? Основными налогоплательщиками были крестьяне и ремесленники. Хотя Юстиниан облагал податями и крупных землевладельцев, но основная тяжесть государственных повинностей ложилась на плечи трудящихся, особенно крестьян.

Самый ничтожный клочок земли, с которого крестьянин едва мог прокормить себя и свою семью, облагался налогом; крестьянин должен был нести натуральные повинности на содержание армии, платить налог хлебом — для прокормления столицы. Он должен

Серебряный щит византийского императора Феодосия с изображениями императора и его сыновей. *(Историческая академия в Мадриде.)*

был заготовлять и поставлять материал для казённых построек, ремонтировать мосты и дороги, безвозмездно содержать у себя государственных чиновников, если они останавливались в его доме. Но особенно тяжёлым было то, что государству принадлежала монополия хлебной торговли; оно устанавливало произвольные цены на хлеб. А так как крестьянам своего хлеба нехватало, то они вынуждены были платить за него огромные деньги. Один старик-крестьянин пришёл в Константинополь просить, чтобы его взяли в солдаты. Его с удивлением спросили, как он в таком возрасте справится с тяжёлой солдатской службой. Старик на это иронически ответил: «К старости я стал много сильнее, чем был прежде: раньше мне нужно было двух ослов, чтобы увезти хлеб, который я покупал за одну золотую монету, а теперь я его легко уношу в своих руках».

Чтобы выплатить всё, что требовало государство, крестьянин должен был обращаться за помощью к крупному землевладельцу — он брал у него взаймы рабочий скот, орудия для обработки земли, деньги. Но отдать долг или отработать его у крестьянина нехватало сил, и он должен был превращаться в «па́рика», т. е. в крепостного. Понятно поэтому, что византийское крестьянство было почти всегда обречено на безысходную нужду. Деревни нередко пустели, крестьяне бросали своё хозяйство и пополняли собою ряды люмпен-пролетариата. Процесс закрепощения и угнетения крестьянства шёл всё возрастая.

Мелкое городское население, так же как и крестьянство, страдало от тяжести государственных налогов. Юстиниан требовал, чтобы мелкие ремесленники и торговцы платили и подушный налог и ряд косвенных налогов.

Империя Юстиниана, столь блестящая и пышная на первый взгляд, была очень слаба в действительности, так как подтачивалась изнутри смутами и разорением широких народных масс. Блестящий двор императора, походы и войны, величественные постройки и сооружения не могли скрыть неизлечимых недугов Византийского государства.

Всё такой же беспросветно тяжёлой оставалась судьба миллионов тружеников — рабов и колонов. Ухудшилось положение крестьян, разоряемых тяжкими налогами и терпевших притес-

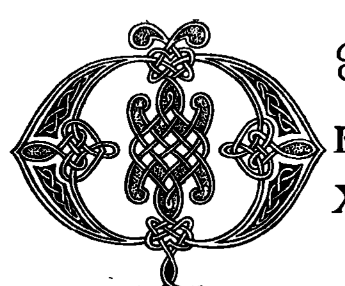
нения от крупных землевладельцев, которые стремились закабалить свободного крестьянина и мелкого землевладельца.

Несмотря на жестокие удары, преследования и конфискации, крупная землевладельческая аристократия сохраняла своё господствующее положение, попрежнему проявляя своеволие, враждебность ко всякому закону и склонность к насилиям.

Усилилась церковь, и под покровительством императора выросло церковное и монастырское землевладение. Огромные пространства церковных земель не приносили государственной казне никаких доходов, и тем тяжелее становилось бремя налогов, ложившихся на плечи среднего люда — мелких землевладельцев, ремесленников, купцов.

А у черты границ росли вражеские силы; всё сильнее ощущала империя могучий напор славян на севере, персов на востоке. Опасной и ненадёжной силой становились, в глазах византийских царедворцев, народные массы, всё более росла боязнь новых внешних и внутренних потрясений и тревога за будущее.

РАНКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ХЛОДВИГА МЕРОВИНГА

Уже в III в. новой эры на нижнем Рейне жили многочисленные племена франков. Они разделялись на две ветви: на салических (т. е. приморских), прозванных так потому, что они жили на самом берегу моря, и на рипуарских, речных франков, живших южнее, вдоль берегов нижнего Рейна. Отсюда франки, начиная с IV в. новой эры, ведя постоянные мелкие войны, начали захватывать северо-восточную часть Галлии, теперешней Франции.

В этих небольших войнах каждое племя возглавлялось своими вождями. Среди таких вождей постепенно выделились смелые предводители из дома Меровингов. Они считались потомками полулегендарного вождя Меровея и в отличие от других родов носили длинные волосы, в которых, по суеверному преданию, заключалась вся их сила. Они мчались с копьём в руке на колесницах, с ниспадающими на плечи длинными волосами, бились в первых рядах, своим примером увлекая всё войско. У этих предводителей появились и свои собственные военные дружины, и с их помощью они могли, в случае нужды, заставить подчиняться своим приказаниям всё племя. В постоянных военных набегах они предавали разгрому земли и имущество побеждённых, приобретая всё бóльшие богатства. Часть захваченной добычи они распределяли среди своих дружинников.

И всё же они ещё не были настоящими королями. Народом франков попрежнему управляли князьки племени, и каждый из них, из поколения в поколение, господствовал в своём округе над своими соплеменниками. И хотя Меровинги успели добиться наиболее почётного положения, их власть ещё не простиралась над всем франкским народом.

В 481 г. во главе одного из племён салических франков, центром которого был город Турнэ, стал пятнадцатилетний Хлодвиг. «Он был сильный человек и храбрый воин», — говорит о нём древний историк франков, Григорий Турский. В распоряжении Хлодвига была смелая дружина.

Молодой Хлодвиг стремился к неограниченному господству над своими соплеменниками. Это был человек, отличавшийся огромным честолюбием, волей и настойчивостью. В нём сочетались мужество и хитрость, отвага и вероломство.

Прежде всего Хлодвиг желал устранить всех своих соперников, низложить соседних князьков и отнятую у них власть сосредоточить в своих собственных руках. Его второй целью являлось завоевание Галлии, богатой страны, которая издавна манила франков своими обширными плодородными равнинами.

Однако никакое упорство, никакие усилия не обеспечили бы успеха Хлодвигу Меровингу, если бы он не нашёл могучей поддержки среди знатных франков.

Много было среди франков воинственных людей, которые стремились в походах и битвах раздобыть для себя богатства — боевых коней, дорогое оружие, скот, невольников. Эти люди составляли дружину Хлодвига, дружины других князьков. Весь этот люд, алчный и неукротимый, стремился к захвату широких пространств, к завоеванию Галлии. Большой поход сулил невиданную добычу, тучные земли, дома и скот, оружие и рабов...

Но для такого похода нужны совместные действия всех франкских племён, соединение всех франкских дружин, общий вождь. И когда стал выдвигаться молодой Хлодвиг, то в этом деятельном, расчётливом и сильном человеке все франкские дружинники увидели желанного вождя. Именно такой человек был им нужен для больших походов и смелых завоеваний.

Хлодвиг постепенно начал сосредоточивать власть в своих руках, жестоко и вероломно уничтожая бывших своих союзников, мелких франкских королей. Прежде всего он подослал своих людей к Хлодериху, сыну Сигеберта, короля рипуарских франков, и велел сказать ему: «Отец твой стар и слаб, да к тому же хром на одну ногу. Если бы он был мёртв, ты владел бы всем его королевством, а моя дружба служила бы тебе защитой». Когда Хлодерих услыхал эти слова, его охватила жажда власти, и он решил убить отца.

Однажды Сигеберт переправился через Рейн для прогулки в прибрежных лесах. Около полудня он утомился и расположился в шатре отдохнуть. И в тот момент, когда утомлённый Сигеберт заснул, в шатёр вошли подосланные Хлодерихом убийцы и умертвили его. Затем Хлодерих послал послов в Хлодвигу и велел сказать ему: «Отец мой умер, все сокровища и богатства его принадлежат мне. Пришли ко мне своих людей, и пусть они возьмут, что ты желаешь из богатств моего отца».

Через некоторое время прибыли к Хлодериху в Кельн послы Хлодвига. Хлодерих повёл их в сокровищницу, чтобы показать доставшиеся ему после смерти отца богатства. Подведя послов к одному мешку, он сказал: «Отец мой ссыпал в этот мешок деньги».—«Всунь туда руку и достань со дна, что найдёшь»,—отвечали послы. Хлодерих низко наклонился над мешком, исполняя их просьбу, и в это время один из послов раскроил ему голову бердышом.

Тем временем в Кельн спешил Хлодвиг. Прибыв туда, он созвал народ и сказал ему:

— В то время, когда я плыл по Шельде, Хлодерих, сын моего двоюродного брата Сигеберта, оговорил меня перед отцом своим,

будто я хочу его умертвить. И вот как-то, когда Сигеберт уснул в лесу, Хлодерих подослал убийц, которые и умертвили его. За такое преступление он и сам был убит неизвестным мне человеком в то время, когда осматривал свои сокровища. Я же неповинен в этом деле: я не мог пролить крови моего родственника, потому что это было бы беззаконно. Но так как это уже случилось, то советую вам обратиться ко мне и стать под мою защиту.

Жители Кельна тут же провозгласили Хлодвига своим королём, и в знак избрания несколько воинов по древнему обычаю подняли его на щит и некоторое время несли, держа на щите, высоко над головами.

Франкский воин в римско-германском одеянии. Реконструировано по находкам во франкских могилах V—VIII вв. *(Центральный музей в Майнце.)*

Вскоре после этого Хлодвиг вероломно уничтожил и другого своего союзника, короля Камбрэ Рагнахара. Он уговорил приближённых Рагнахара выдать его, а за это обещал им богатые подарки. И вот, связанный, Рагнахар предстал перед Хлодвигом.

— Ты унизил наш род, допустив связать себя. Лучше тебе умереть, — сказал ему Хлодвиг и с этими словами убил его. Затем он обратился к брату Рагнахара, Рихару: «Если бы ты помог брату, его бы не связали», — и после этого убил и Рихара. Убит был и третий брат, Ригномар.

Тем же людям, которые выдали Рагнахара, Хлодвиг вместо обещанных драгоценностей дал браслеты из золочёной бронзы, а они, видя обман, возроптали. Тогда Хлодвиг сказал им: «Только такого золота и заслуживают изменники. Радуйтесь, что вы остались в живых».

Потом взят был в плен король Хорарих с сыном. Их сначала заточили в монастырь, а потом убили.

К тому времени, когда Хлодвиг пришёл к власти, Западная Римская империя уже пала; на её территории повсюду образовались так называемые «варварские королевства», подобные франкскому, и сама Италия подчинилась варварам-остготам. В Галлии в это время было три государства: на юго-востоке — бургундское королевство, на юге и западе — вестготское, а в центре — государство римского наместника Сиагрия, представлявшее собою как бы обломок распавшейся империи.

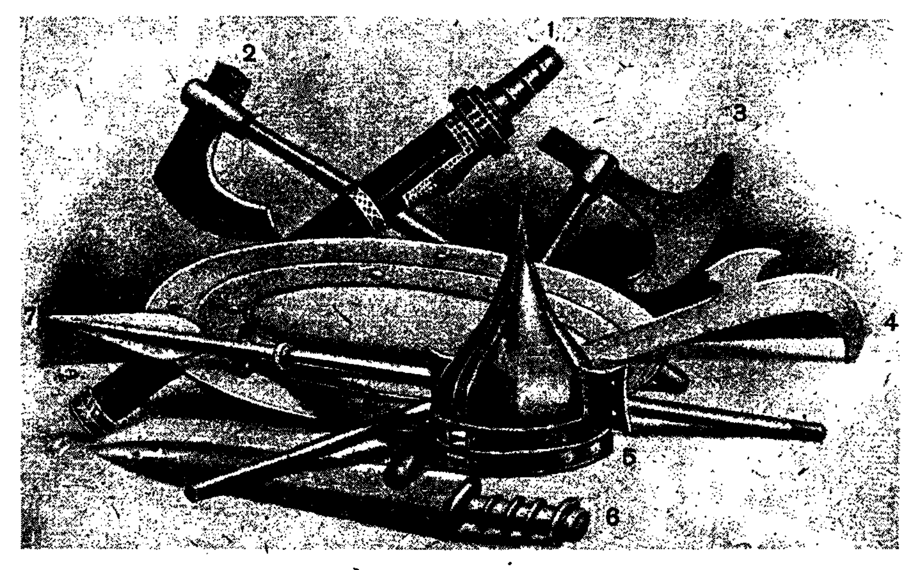
На Сиагрия прежде всего и обрушился Хлодвиг (486). Союзником его в этой борьбе был король другого франкского племени.

Хлодвиг послал Сиагрию вызов, предлагая ему назначить место и время битвы. Вызов был принят. Тотчас же двинулись франкские войска. В цветущих долинах Сены и Луары обильно полилась кровь, запылали пожары. Полудикие воины Хлодвига наводили страх на местное население одним своим видом. На низкорослых, но крепких и выносливых лошадках они рыскали повсюду, предавая города и сёла огню и разрушению. Особенно страдали от них церкви и монастыри, обладавшие громадными богатствами.

Около столицы Сиагрия, Суассона, произошло решительное сражение. Построившись клиньями, франки ринулись в бой. Сначала полетели тучи стрел и копий. Затем, дойдя до неприятельских рядов, франки пустили в ход бердыши — особого рода топоры, которые были устроены так, что их можно было метать. Наконец войска сошлись вплотную, и в ход пошли мечи. С отвагою и яростью дрались франки, нанося удары своими мечами и отражая щитами вражеские удары. Некоторые вожди франков в пылу битвы соскакивали с коней, чтобы показать таким образом, что в случае поражения они не хотят бежать с поля битвы. Этим они возбуждали ещё бóльшую храбрость в своих воинах. Стук щитов, лязг мечей, ржание лошадей смешивались с яростными криками сражающихся франков, напоминая шум морских волн, разбивающихся о прибрежные утёсы. Франки всё более и более теснили войско Сиагрия и, наконец, обратили его в бегство.

Сиагрий бежал в столицу вестготского королевства Тулузу. Но Хлодвиг потребовал у вестготского короля Алариха II выдачи Сиагрия, и тот, боясь войны с франками, выдал Сиагрия. Крепко заковав в цепи, привезли к Хлодвигу гордого римского патриция. Его бросили в темницу, а потом тайно, по приказанию Хлодвига, убили.

Война эта сильно увеличила территорию королевства Хлодвига. Вместе с тем сильно увеличилась и власть Хлодвига над франками. Как велика была теперь его власть, показывает один случай, описанный Григорием Турским. Во время войны с Сиагрием воины Хлодвига похитили в одной из церквей города Суассона драгоценнейшую чашу необыкновенной красоты. Епископ этой церкви послал гонца к Хлодвигу с просьбой вернуть ему этот прекрасный сосуд. Хлодвиг не хотел обидеть епископа отказом, ибо он хорошо понимал, как велико было в то время влияние духовенства в Галлии и как трудно будет ему удержать в своих руках государство Сиагрия, если он восстановит против себя духовенство. Хлодвиг хотел отдать чашу епископу, но по древним обычаям франков военная добыча должна была по жребию распределяться между всеми воинами, и даже сам король не мог получить ничего сверх того, что на его долю доставалось по жребию. Поэтому Хлодвиг так ответил гонцу: «Следуй за мной в Суассон. Там будут делить добычу. Если чаша достанется мне по жребию, я пошлю её епископу».

Оружие франков: *1* — меч, найденный в 1856 г. в могиле короля Хильдерика в Турнэ; *2, 3, 4* — боевые топоры; *5* — шлем; *6* — короткий меч — скрамасакс; *7* — копьё.

Когда все прибыли в Суассон, вся добыча была выставлена напоказ. Здесь были дорогие вазы, блюда, различные предметы церковного обихода, сорванные с икон серебряные и золотые, украшенные драгоценными камнями, ризы, дорогие облачения священников, искусно сделанные галльскими ремесленниками кубки, дорогое оружие, латы, шлемы, богато расшитые сёдла.

— Прошу вас, храбрые соратники, уступить мне, кроме полагающейся на мою долю части, ещё и этот сосуд, — сказал Хлодвиг собравшимся для дележа воинам, указывая на чашу, которую просил епископ.

Никто не возражал.

— Достославный король, всё, на что ты ни взглянешь, твоё, — говорили некоторые из воинов. — Бери, что хочешь, напрасно мы будем сопротивляться твоей власти.

Но один воин выступил вперёд и воскликнул:

— Ничего ты не получишь, кроме того, что достанется тебе по жребию!

С этими словами он ударил бердышом по чаше. Король же, затаив свой гнев, ничего не сказал, ибо на стороне воина был древний обычай, и передал гонцу епископа изуродованную чашу.

Однако через год, когда все франкские воины собрались на «мартовские поля» [1], король вспомнил обиду, нанесённую ему воином.

---

[1] «Мартовские поля» — так при Меровингах у франков называлось всеобщее народное собрание, собиравшееся в марте.

Обходя ряды выстроившихся воинов и осматривая их оружие, Хлодвиг подошёл и к воину, разбившему чашу.

— Ни у кого нет такого старого оружия, как у тебя; ни копьё твоё, ни меч, ни бердыш никуда не годятся! — сказал Хлодвиг и бросил меч воина на землю.

Тот нагнулся, чтобы поднять меч, а Хлодвиг размахнулся своим бердышом и раскроил воину череп. «Так и ты поступил с чашей в Суассоне!» — воскликнул Хлодвиг при этом. После этого Хлодвиг приказал воинам разойтись. Все в страхе разошлись, и никто не осмелился хотя бы одним словом выразить недовольство поступком Хлодвига.

Вскоре после войны с Сиагрием Хлодвиг женился на племяннице бургундского короля Клотильде. Клотильда была христианкой и всячески уговаривала своего мужа креститься. Но он, хотя и понимал политические выгоды крещения по римскому обряду, всё же держался старых языческих верований. Выгоды же для Хлодвига от крещения могли быть очень велики: во всей Галлии громадным политическим влиянием пользовалось католическое духовенство, которое уже издавна враждовало с «арианами» — христианской сектой, которую католики считали еретической. Арианами были и вестготы, и бургунды, образовавшие свои государства на территории Галлии.

Хлодвигу, намеревавшемуся подчинить себе всю Галлию, было выгодно приобрести союзника в лице могущественного римского духовенства. А для этого он должен был сам креститься по римскому обряду. Но пока Хлодвиг не приступал к борьбе с вестготами и бургундами, он этого не делал. Борьба с вестготами и бургундами была ещё впереди. На очереди у него было другое дело. Рейнских, рипуарских франков постоянно теснили племена алеманов. Франкский король Альберт, родственник Хлодвига, просил его помощи, и Хлодвиг отправился в новый поход.

В 496 г. около Тольбиака столкнулись главные силы враждебных войск. Началась кровопролитная битва. Долго длилось сражение, и битва не ослабевала. Всё с прежним упорством и храбростью бились франки. С неменьшим упорством яростно сражались и алеманы. Но вот полчища алеманов начали заметно теснить франков. Ряд за рядом падали сражённые франки. Их силы дрогнули. Воздух уже огласился победными криками алеманов. Франки начали в панике отступать. Франкскому войску грозило полное уничтожение. Тогда, собрав свои последние силы, франки вновь пошли в бой. В новой жестокой схватке перевес перешёл на сторону франков. Король алеманов был убит. По всему полю в ужасе бежали алеманы, погибая от франкских мечей. Знатнейшие из алеманов прибыли к Хлодвигу, прося мира: «Вели прекратить кровопролитие; мы согласны повиноваться тебе».

Далеко от франкских пределов были оттеснены алеманы. Некоторые из них искали убежища у короля остготов Теодориха. Он принял их под свою защиту и просил Хлодвига прекратить уничтожение алеманов, оставшихся ещё в живых.

Меровингский королевский дворец *(реконструкция)*.

Григорий Турский приписывает эту победу франков чуду. Григорий Турский был епископом и хотел показать, что союз франкских королей с церковью и покровительство, оказываемое ими церкви, вознаграждаются самим богом.

Вернувшись из похода, Хлодвиг изъявил желание креститься. Пора для этого настала, так как теперь Хлодвиг намеревался вступить в борьбу с арианами-вестготами. Епископ Ремигий, считавшийся святым, стал наставлять его в христианском вероучении и готовить к крещению. Хлодвиг твёрдо решил креститься и только боялся, как бы не воспротивился этому его народ.

— Я охотно принял бы учение твоё, святой отец, — говорил Хлодвиг Ремигию, — но народ не захочет расстаться с богами отцов своих. Однако пойду и поговорю с ним, согласно с твоими наставлениями.

Народ не возражал, а некоторые изъявили желание креститься вместе с Хлодвигом. Тотчас в городе Реймсе была приготовлена купель для крещения. Улицы были разукрашены цветными покрывалами, на стенах церквей были растянуты белоснежные полотна. В церкви, где должно было происходить крещение, горели многочисленные свечи, отражавшие свой свет в позолоте церковных украшений; повсюду разносилось благоухание фимиама. Всё это удивляло и производило впечатление на грубых и простых франков, никогда не видевших такого великолепия. Хлодвиг крестился. Вместе с ним крестились ещё три тысячи франков. Католическое духовенство всей Галлии торжествовало.

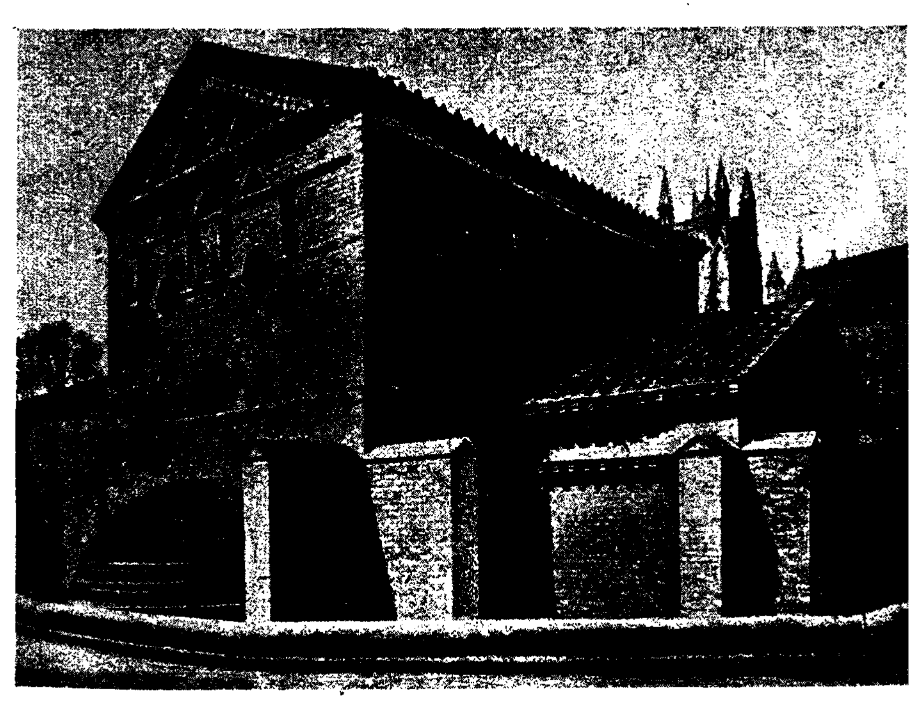
«Ваше присоединение к вере, — говорил Хлодвигу епископ бургундских католиков Авит, — есть наша победа».

Несколько лет спустя после этого события (в 507 г.) Хлодвиг в союзе с бургундским королём и королём рипуарских франков Сигебертом, при всеобщем одобрении католического духовенства, начал войну с вестготами, которые были еретиками-арианами.

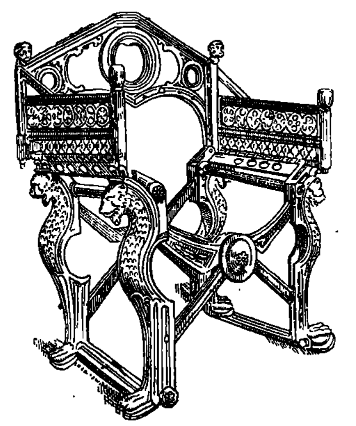
— Мне прискорбно видеть, — говорил Хлодвиг при начале войны, — что ариане ещё владеют такой большой частью Галлии. Пойдём на них, и если с божьей помощью победим еретиков, то поделим их земли между собою.

С самого начала война шла успешно для Хлодвига. Католическое галло-римское население встречало его войска дружелюбно, тем более что он строжайше запретил своим воинам грабить. Попы с радостью ожидали прихода Хлодвига, а некоторые, не дожидаясь его, сами брали в руки меч и, собравши дружины, выступали ему навстречу. Они же сочинили потом множество всяких небылиц об этом походе, пользуясь суеверием грубых и необразованных франков.

Так, дошли франки до реки Вьенны. Но вода в реке вследствие сильных дождей поднялась, и не было никакой возможности перейти её. Всю ночь простояли франки на берегу реки, отыскивая брод. А на следующее утро, рассказывает легенда, франки увидели оленя необыкновенной величины. Олень спустился к воде и

Церковь св. Иоанна в Пуатье *(меровингская архитектура VII в.)*.

Трон франкского короля Дагоберта, из позолоченной бронзы *(Париж)*.

спокойно перешёл через реку. Таким образом он открыл франкам брод. Войдя в глубь вражеских владений около Пуатье, франки, по словам всё тех же легенд, увидели в окнах одной церкви свет и сочли это за знамение будущей победы.

В то время как франки продвигались всё дальше и дальше по землям вестготов, среди последних были разногласия. Шли споры: отступать ли в ожидании помощи, которую им обещал король остготов, или не ждать и дать бой врагам? Решили отступать. Но было уже поздно. Хлодвиг настиг их и принудил к сражению. В бою сошлись оба короля — Хлодвиг и король вестготов Аларих. Хлодвиг убил своего противника. Два вестготских воина бросились на Хлодвига, желая отомстить за смерть своего короля, но удары их копий не смогли пробить прочной брони Хлодвига, а быстрый конь вынес его из боя. Вместе с королём Аларихом погибло много знатных вестготов. Исполненный гордости, возвращался Хлодвиг из дальнего похода.

Вся Галлия теперь была в его руках. Только Септимания, узкая полоска земли на юге, осталась в руках вестготов, да в юго-восточном углу Галлии оставалась независимой от Хлодвига Бургундия. Вся остальная территория от Луары до Пиренейских гор, от Роны до Атлантического океана принадлежала ему. А в Туре его ждала новая радость.

Там ожидали его послы византийского императора Анастасия, который прислал ему диплом на звание консула и августа[1] и вместе с тем знаки этого достоинства — пурпурную мантию и диадему. Для короля варваров-франков это была большая честь. Хлодвиг в аббатстве святого Мартина облёкся в пурпур, надел сверкающую диадему, а затем, в сопровождении торжественной процессии, промчался через весь город в храм, разбрасывая толпе серебряные и золотые монеты. Его власть, и без того уже сильная, получила новое подтверждение в почестях со стороны византийского императора.

Всех, кто хоть сколько-нибудь мог соперничать с ним в борьбе за власть, Хлодвиг уничтожил. Как собственной вотчиной, правил Хлодвиг своим большим государством. В 511 г. он умер, а государство его было поделено между четырьмя его сыновьями.

Успешные завоевания и удачные походы привели к созданию обширного франкского государства. Они вместе с тем способствовали большим внутренним переменам в жизни франкского

[1] Август — священный, титул римских императоров.

народа. Теперь весь этот народ управлялся королевской властью, которая пришла на смену господству мелких князьков племён.

В прежние времена все судебные дела и споры разрешались народным собранием, и франки не знали иной судебной власти. Теперь, наряду с судебными собраниями, появился «королевский суд». Король франков стал считать себя «хранителем мира». Он рассматривал провинившихся перед ним людей, как нарушителей «королевского мира», и сурово наказывал их.

В старину все дела государственные, все судьбы племени, и мир, и война зависели от всенародного решения, и франки, подобно остальным германцам, привыкли выносить эти решения на своих шумных народных собраниях.

Но теперь франки уже не жили отдельными племенами. Их поселения раскинулись по всей обширной территории завоёванных ими стран. Собрать франков на всенародное собрание становилось делом затруднительным.

Была и другая причина, по которой пало значение народных собраний.

Во франкском государстве новое и небывалое влияние приобрела знать. Дружинники Хлодвига, его боевые соратники овладели богатой добычей, получили из рук короля щедрые пожалования. Им достались плодородные земли, рабы, скот. И уже не было прежней простоты в среде франков. Высокомерно взирали представители молодой франкской знати на остальных франков.

В новых условиях франкские короли перестали прибегать к всенародным собраниям. Они стали искать совета и одобрения у богатых и властных людей. Постепенно сложилось обыкновение созывать при короле так называемый «совет магнатов» (placita generalia), на котором обсуждались все важнейшие государственные дела, вырабатывались законы, принимались новые постановления.

Всенародные собрания теперь созывались лишь раз в год. В марте месяце, как только стают снега, в назначенное место сходились все свободные франки. Но им теперь уже не приходилось обсуждать важные государственные вопросы.

Собравшихся извещали о новых указах и распоряжениях, утверждённых королём. Тысячи франков отныне должны были считать королевскую волю неоспоримой.

Эти многолюдные весенние сборища стали называть «Мартовскими полями». Всё их значение заключалось в том, что свободные люди франкского народа с оружием в руках являлись по зову короля, и таким образом происходили ежегодные военные смотры вооружённого народа. Король и его приближённые превратили старинные народные собрания в простой смотр военных сил.

СУД ВО ВРЕМЕНА „САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ"

Когда варвары-германцы завоевали Западную Римскую империю и прочно осели на её территории, они познакомились с более культурным, чем они сами, галло-римским населением. Обычаи римлян были совсем иные, чем у варваров, и эти обычаи были давно записаны во множестве законодательных сборников, по которым судили и решали свои дела римляне.

Варвары рассеялись по обширным территориям бывшего римского государства, смешивались с местным населением и начинали постепенно забывать свои старинные порядки и обычаи. Тогда они решили записать свои законы. Многие из варваров, познакомившись с римлянами, стали говорить на более культурном латинском языке, и, так как своей грамоты у них не было, они записали свои законы тоже на латинском языке. У каждого племени были свои обычаи и законы. Такие записи старинных варварских законов мы теперь называем «варварскими правдами». Так, у салических (приморских) франков появилась «Салическая правда», у рипуарских (речных) франков — «Рипуарская правда», у древних саксов — «Саксонская правда» и т. д.

Самая древняя по времени своего появления, самая полная и интересная — это «Салическая правда», закон салических франков. Она тоже написана на латинском языке. Однако содержание «Салической правды» остаётся чисто франкским, так как старинные обычаи франков были в ней записаны тогда, когда римское влияние ещё не оказало сильного воздействия на франков. «Салическая правда» — очень ценный исторический источник. По этому сборнику судебных обычаев можно восстановить всю хозяйственную и общественную жизнь франков, их обычаи, нравы. Эта запись обычаев служила судьям для руководства в их судебной деятельности. Разбирая дело, судьи подбирали из «Салической правды» соответствующее постановление и налагали тот штраф, который в нём был указан.

* * *

Стоял ясный солнечный день. На вершине небольшой горы, поросшей редким лесом и кустарником, франки окрестных селений собрались на судебное собрание...

Этот живописный холм с давних времён служил местом судебных собраний. По-франкски судебное собрание называлось mallus (маллус), а эта гора носила название мальберг, что значит «гора совета». Правда, теперь, в VI в., собрания чаще происходили в деревне в особом закрытом помещении, которое тоже называлось по-старому мальбергом. Но сегодня вспомнили старый обычай, так как было много жалобщиков и много желающих участвовать в судебном собрании. Среди дел были очень важные: в походе кто-то убил королевского дружинника.

Когда все собрались, рахинбурги (так назывались судьи) заняли места на возвышенности, а в середине сел главный судья — «тунгин». Это был осанистый седой старик, много лет подряд выбиравшийся тунгином. Он знал лучше всех старинные судебные обычаи. Рассказывали, что он помнил то время, когда не было «Салической правды» и судили на основании устных преданий старины. Тунгин и все рахинбурги были опоясаны мечами, а позади каждого стоял слуга, держа в руках копьё и щит господина. Одежды судей указывали на их знатность и богатство. Судьями выбирали лишь людей почётных и состоятельных, или, как их называли, «лучших». У тунгина, например, была мельница, на ней работали рабы; у него было много крупного скота и многочисленные стада свиней.

Свиньи — самые распространённые и ценимые животные у франков. У рахинбурга, сидящего по правую руку тунгина, их не меньше 50, а охотничьи собаки его — лучшие в деревне, и франки, страстные охотники, всегда с завистью наблюдают, как борзые рахинбурга загоняют диких кабанов.

Другой рахинбург славится пчёлами, и кроме скота у него много домашней птицы — гусей, кур, домашних лебедей. И хотя виноградники, пашни и сады у рахинбургов не очень велики, так как главным богатством попрежнему считается скот, всё же они по своим размерам значительно больше, чем у остальных франков, которых называют «худшими».

Первым разбирается дело об убийстве королевского дружинника. Брат убитого, высокий молодой франк с длинными русыми усами, свисающими вниз по обычаю франков, обвиняет воина, стоящего тут же. Оба они вооружены мечами и в руках держат копьё и щит. Да и все франки пришли на суд вооружёнными, — таков древний обычай. Хмурый воин, подозреваемый в убийстве, отрицает свою вину.

— Действительно я враждовал с убитым, — говорит он, — но видит бог, я не убивал его. И врагов у него было много, а не я один.

Улики недостаточны. Свидетелей нет. Тогда встаёт тунгин и обращается к обвиняемому:

— Напрасно уверяешь нас, что не ты убийца. По Салическому закону, записанному при нашем великом короле Хлодвиге, заподозренный в убийстве должен очиститься от обвинения. Можешь ли ты представить 72 соприсяжника, которые поручатся, что ты не убивал, и без ошибки произнесут священную клятву?

— О тунгин, где же мне взять столько соприсяжников? Я не знатен, род мой невелик.

— Тогда, согласно Салическому закону, ты подвергнешься испытанию по божьему суду. Как хочешь ты, — обращается тунгин к истцу, — чтобы испытали его? Калёным железом, или пусть опустит руку в котелок с кипящей водой и подержит её там несколько времени? Потом мы завяжем ему руку, а через неделю узнаем, как рассудил бог, — прав он или ты. Если заживёт рука, — ты ложно обвинил его, если разболится, — то будет осуждён по Салическому закону.

— Пусть достанет из котелка с кипящей водой это кольцо. Если успеет вынуть его так, что рука заживёт после этого через 7 дней, значит божий суд говорит против меня, — отвечает истец.

Бледный, но с виду спокойный подходит обвиняемый к котелку. Один из рахинбургов берёт кольцо у истца и бросает его в котелок. Вода в котелке кипит ключом. Обвиняемый крестится, смотрит на свою руку и быстро опускает её в котелок... Но кольца сразу не найти. Рука вся покрылась белыми волдырями и всем ясно, что она не заживёт скоро. Напряжённое молчание собрания прерывается возгласами: «убийца!», «обвинён!», «бог рассудил!» Пока завязывают обожжённую руку, тунгин, взяв текст Салического закона, читает: «Если кто лишит жизни римлянина не королевского сотрапезника, пусть платит 100 солидов». И, обращаясь к обвиняемому, говорит:

— Но ты убил не римлянина, а франка, — а жизнь франка ценится в два раза дороже. Вира за убийство идёт не только королю, но и роду убитого. Римляне же не имеют рода, оттого вира римлян 100 солидов. О франках же Салический закон говорит: «Кто лишит жизни свободного франка или варвара, живущего по Салическому закону, и будет в этом уличён, пусть платит 200 солидов».

— Но ведь ты убил не простого франка, а королевского дружинника! А жизнь королевских дружинников оценивается в три раза дороже жизни простого франка. Закон охраняет королевских людей наравне с беззащитными детьми и женщинами, которые продолжают род франков. В Салическом законе сказано: «Если кто лишит жизни мальчика до 10 лет включительно... присуждается к уплате 600 солидов». «Если же кто лишит жизни человека, состоящего на королевской службе, или же свободную женщину, присуждается к уплате 600 солидов».

— Но ты не просто убил королевского дружинника. Ты убил его во время военного похода и этим нанёс ущерб франкскому войску. А Салическая правда говорит: «Если кто лишит жизни свободного человека в походе, и убитый не состоял на королевской службе, убийца присуждается к уплате 600 солидов». «А если убитый состоял на королевской службе, уличённый в убийстве присуждается к уплате 1800 солидов».

— Итак, согласно Салическому закону, ты должен уплатить 1800 солидов. И суд предупреждает тебя, что если ты не

заплатишь, то будет взято всё твоё имущество, а если оно не покроет виры, заплатишь виру своей жизнью.

Молча выходит осуждённый из суда. Он приговорён к самому высшему штрафу, который знает Салическая правда. Он разорён. Ведь 1800 солидов это очень большая сумма. За один солид можно купить корову, за два солида — быка, кобылица стоит всего три солида!

Сопровождаемый плачем жены, детей, родственников, он идёт к своему дому и отдаёт всё своё имущество: «Вот свиньи, корова, рыболовная сеть, телёнок, на берегу реки стоит моя лодка. Всё, что видите, берите, больше ничего нет!»

Но имущество далеко не покрывает виры. И тогда осуждённый выполняет странный на наш взгляд обряд «бросания горсти земли». Он представляет на суд 12 соприсяжников, и они клянутся, «что ни на земле, ни под землёй он не имеет более того, что уже отдал». После этого осуждённый входит к себе в дом и исполняет древний обычай, записанный в «Салической правде». Из четырёх углов дома он берёт горсть земли (полы в домах земляные) и выходит на порог избы. Затем, встав лицом к дому, он левой рукой бросает через плечо эту горсть на ближайшего родственника. Этим он как бы даёт знать, что у него нет ничего и что за него должны платить его родственники (родовые связи были ещё очень сильны). Отец и мать уже платили за него. Тогда осуждённый бросает горсть земли на трёх ближайших родственников со стороны отца, а сам, в одной рубашке, без пояса, босиком, с колом в руках прыгает через плетень. Это означало, что он отказался от своего имущества и от своего рода и становился как бы странником. Но если собранных денег всё же нехватало для уплаты виры, судья мог продать самого осуждённого в рабство.

Второе дело, которое разбирал суд, было таково.

Пред судом предстаёт богато одетый франк. Держится он гордо и высокомерно, лицо его жестокое и злое, голос груб и резок. Он обвиняет другого франка в краже.

— Уважаемые рахинбурги и ты, тунгин! Я обвиняю этого франка в том, что он похитил у меня лучшего быка, который ведёт стадо, и раба, искусного мастера.

— Можешь ли ты представить свидетелей? — спрашивает тунгин.

— О тунгин, я вызвал этих свидетелей на судебное собрание. И они под клятвой покажут всё, что знают. Если же не захотят сделать это, то заплатят, согласно Салическому закону, по 15 солидов штрафа. Вот они! — указал обвинитель на свидетелей.

— Знаете ли вы, свидетели, что должны говорить правду, и если под клятвой дадите ложное свидетельство, заплатите, как клеветники, по 15 солидов? — спрашивает опять тунгин.

— Мы знаем это, тунгин, и покажем под клятвой всю истину, — произнёс один из свидетелей. — Действительно этот человек виновен в краже. Быка мы видели у него на дворе, потом он продал его в соседнюю деревню, купивший говорил об этом.

А что касается раба, то мы знаем, что обвиняемый давно уговаривал рабов господина перейти к нему, и они слушали его охотно, так как полагали, что им лучше быть проданными за море, чем оставаться у своего господина. Ибо ведь известно, как жестоко он обращается со своими рабами. Однажды этот господин приказал закопать живыми рабыню и раба, которые поженились без его разрешения.

— Довольно, — произнёс тунгин, — это не относится к делу, пусть это ляжет на совесть этого человека, а Салический закон не разбирает такие дела. Раб есть вещь, и всякому позволено поступать со своей вещью, как он хочет.

— Итак, — обращается тунгин к обвиняемому, — ты уличён в краже быка, ведущего стадо, и раба у этого знатного франка. О быке Салический закон говорит так: «Если кто украдёт быка, ведущего стадо и никогда не бывшего под ярмом, присуждается к уплате 45 солидов». За кражу же раба ты заплатишь 35 солидов.

— Но, — возражает уличённый, — я должен был бы заплатить 35 солидов, если бы убил раба!

— Согласно Салическому закону, — возражает тунгин, — ты возмещаешь хозяину убыток, а ему безразлично убил ли ты его, продал или отпустил на волю. И в законе сказано: «Если кто лишит жизни, продаст или отпустит на свободу чужого раба, присуждается к уплате 35 солидов». Итак, ты должен заплатить штраф королю за кражу быка 45 солидов и за похищение раба 35 солидов, всего же 80 солидов, и кроме этого, возместить хозяину весь убыток, т. е. оплатить ему стоимость быка и раба.

Третьим разбирается дело об увечье и оскорблении. Вперёд выходит франк с повязкой на глазу и завязанной рукой.

— Вот мой обидчик, — указывает он на коренастого, здоровенного человека, заросшего бородой. — Мы поссорились, и он вышиб мне глаз и отрубил палец. Как я теперь буду стрелять, как буду сражаться? Пусть платит виру, или же я требую, чтобы у него выбили глаз и отрезали палец, ибо древний обычай говорит: око за око и зуб за зуб. И вот мои свидетели.

— Он говорит правду, — басом произнёс обидчик, — я выбил ему глаз и отрубил палец, ибо он жестоко оскорбил меня. В присутствии этих воинов он назвал меня зайцем и уродом и мерзко обвинил меня в том, что я в недавнем сражении бросил щит! А ведь знают все, как храбро я сражаюсь. Пусть этот завистник так же платит штраф, тунгин.

— Оба вы присуждаетесь к уплате штрафа. Ты, выбивший глаз и отрубивший палец, должен уплатить, согласно Салическому закону, за глаз 100 солидов, т. е. пол-виры, ибо ты сделал его неполноценным, и в законе сказано: «Если кто изувечит руку или ногу другому, лишит глаза или носа, присуждается к уплате 100 солидов». А что касается пальца, то Салический закон говорит: «Если кто оторвёт большой палец на руке или на ноге, присуждается к уплате 50 солидов. Если же кто оторвёт второй палец, именно тот, которым натягивают лук, присуждается к уплате

35 солидов. Если кто оторвёт следующий палец, присуждается к уплате 15 солидов. Если будет оторван четвёртый палец, присуждается к уплате 9 солидов».

— Он оторвал мне мизинец, — говорит потерпевший.

— За мизинец уплачивается штраф в 15 солидов. Всего ты должен заплатить 115 солидов. А ты, оскорбивший свободного франка, в свою очередь платишь 9 солидов: за то, что назвал зайцем, — 3 солида; за то, что назвал уродом, — 3 солида, и за то, что ложно обвинял воина в трусости, сказав, что он бросил в сражении щит, за это ещё 3 солида.

Лишь только тунгин произнёс решение суда, как худощавый, высокий человек, крича и размахивая руками, вытолкнул на середину связанного раба.

— Это он украл мою свинью! Он не сознаётся, пытать его!

Присутствующий тут же хозяин раба при этих словах закричал:

— Нельзя пытать, он — искусный работник... Если запытаете на смерть, кто будет ковать моих лошадей, чинить мои повозки и плуги?

— Если хочешь пытать раба, — обращается тунгин к тому, у кого украдена свинья, — дай залог хозяину этого раба, и тогда он не понесёт убытка, если его раб скончается во время пытки или окажется изувеченным.

И вот гора совета оглашается криками раба. Разложив на скамейке, его пытают раскалённым железом, кипятком, бьют до тех пор, пока он не сознается. А затем тунгин говорит:

— По Салическому закону за кражу свиньи свободный должен заплатить 15 солидов, рабу же за это надо дать 120 ударов плетьми, ибо в Салическом законе сказано: «Если будет совершён проступок, за который свободный должен уплатить штраф в размере 15 солидов, раб пусть будет разложен на скамье и получит 120 ударов плетью».

Разбирательство дел о кражах, увечьях, убийствах — обычные дела франкского суда. Но теперь часто разбираются новые дела, как, например, спор из-за земли, взыскание долга, чего раньше франки не делали, так как земля принадлежала всему роду и ещё не было ростовщиков. Но с того времени как франки осели на вновь завоёванной у галлов и римлян земле, они стали селиться деревнями и заниматься земледелием больше, чем раньше, когда им приходилось часто переходить с места на место. А при таких условиях родственные связи стали слабеть. Дочерей выдавали замуж в соседние деревни, принимали к себе в зятья чужаков, приселяли к себе и вовсе чужих людей — хороших работников. Деревенская община, расчищавшая сообща лес для новой пашни, гонявшая сообща скот на пастьбу в леса и на луга, считала теперь каждого своего сочлена своим не столько потому, что он был родичем, сколько потому, что он был совладельцем угодий: лесов, пастбищ, охотничьих ловов, пашен и лугов.

Когда спорят из-за имущества или из-за земли, обычно, если нет свидетелей, дело отдаётся на «божий суд». Здесь всё решает

поединок, так как, по мнению франков, «бог сделает так, что победит правый». Но для разбора сегодняшнего дела не надо поединка. Спорят о земле вдова франка и его соседи-общинники. Каждый считает землю, оставшуюся после умершего, своей.

Тогда тунгин берёт текст Салического закона и, обращаясь ко вдове, говорит:

— Ты должна знать древний обычай франков. Земля должна оставаться в роде и общине. Земля твоего мужа принадлежит его роду. Ты же из другого рода. И получат землю его родичи-общинники, его соседи по деревне. Салический закон говорит в 59-й главе: «Земельное же наследство ни в коем случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужскому полу, т. е. сыновьям умершего. А если сыновей у него нет, то земля переходит к общине».

День уже на исходе. Через час-два солнце зайдёт. Пора кончать судебное собрание. Но встаёт ещё один франк и просит выслушать его. Это заимодавец.

— Тунгин, и вы, рахинбурги, — говорит он, — я дал моему соседу в долг 30 солидов, когда ему надо было платить штраф за то, что он ограбил вон ту часовню на могиле одного из знатных франков нашей деревни. Он не вернул их мне. Со свидетелями являлся я к его дому и произвёл оценку имущества. Затем приходил к тебе, тунгин, и говорил: «Прошу, тунгин, объяви скорейшее принуждение по отношению к противнику моему, давшему мне обязательство и сделавшему у меня заём в 30 солидов». И тогда ты сказал, тунгин: «Я объявляю по отношению к нему скорейшее принуждение согласно Салическому закону». И я требовал торжественно, чтобы должник никому другому не платил. И в тот же день, когда ещё не зашло солнце, я явился со свидетелями в дом моего должника и просил уплатить долг, но он не пожелал этого сделать. Долг от этого увеличился на 3 солида согласно Салическому закону. И так повторилось три раза и прошло три недели, долг увеличился всего на 9 солидов.

— Теперь ты должен, — отвечал тунгин, — обратиться (как говорит Салическая правда) к графу области, которого назначил славный наш король, чтобы управлять нами. И надо это сделать до захода солнца.

Суд кончился. Опустела гора совета. А заимодавец поспешно направился в главное селение округа, где находился граф — управитель округа.

Разыскав графа, он приблизился к нему с веткой в руках в знак справедливости своего дела и сказал:

— Граф, человек тот мне должен, и я его законным порядком вызвал на суд, согласно Салическому закону. Я собой и своим имуществом ручаюсь, что ты смело можешь наложить руки на его имущество.

И вот граф в сопровождении 7 рахинбургов пришёл к дому должника и заявил ему:

— Уплати этому человеку по обязательству или выбери двух наших, каких тебе угодно, рахинбургов. Они оценят твоё имущество и доходы и ты по справедливой оценке уплатишь, что полагается. Если ты не согласен, мы сделаем это без твоего желания, как указывает Салическая правда.

Рахинбурги, описав всё имущество, выбрали то, что покрывает сумму долга, разделили выбранное на 3 части, две трети отдали истцу, а одну треть в виде вознаграждения взял граф.

Так проходил у древних франков суд по «Салической правде». Суд суровый и жестокий, отвечавший нравам того времени, когда насилия и буйства были часты, когда в угоду властным и богатым франкам выносились решения, разорявшие рядового свободного человека, когда «королевский человек» ограждался высоким вергельдом и мог беспрепятственно чинить обиды своим соплеменникам, оставаясь свободным от всякой судебной ответственности.

ЗАВОЕВАНИЯ АРАБОВ

От песчаных берегов западной Африки и почти до самого Тихого океана тянется цепь пустынь. На западе — громадная Сахара, за нею, после узкого Синайского перешейка, — пустынное плоскогорье Ирана, огромный полупустынный Аравийский полуостров, затем пустыни Средней Азии и, наконец, на востоке, — громадная, необъятная Гоби.

В центре этой почти непрерывной цепи пустынь находится Аравийский полуостров. По своим размерам Аравия равняется почти трети европейского материка.

Полуостров Аравия на севере Синайским перешейком соединялся с Египтом. Сейчас этого перешейка нет. Вместо него прорыт Суэцкий канал, через который суда проплывают из Средиземного моря в Красное и затем направляются в Индийский океан. Западный берег Аравийского полуострова омывается Красным морем, южный берег — Индийским океаном, восточный — Персидским заливом.

В те далёкие времена, о которых мы рассказываем, громадный Аравийский полуостров был почти безлюден. Только на юге находился цветущий и богатый Иемен, — очень древнее государство. Здесь сохранились клинообразные надписи и развалины крупных сооружений. Всё это говорит о том, что здесь в очень далёком прошлом были культурные государства.

Но в то время, о котором мы рассказываем (VI—VII вв. новой эры), хозяйство и культура Иемена пришли в упадок. Правда, здесь находились сады, разводились финиковые пальмы и другие тропические растения. Сюда из Африки поступало золото, отсюда на север и далее в Византию, Иран и другие страны шли торговые караваны, хотя большинство товаров из Индии и Китая со II в. новой эры перевозилось морем.

В центре Аравийского полуострова находится плоскогорье — Неджд. Страна эта в сторону Красного моря заканчивалась горной цепью и таким образом оставалась как бы совершенно не связанной с остальной Аравией. Жителей там было очень мало, и вели они кочевой образ жизни.

Западнее Неджда находился Хиджаз — малоплодородная область с жарким, нездоровым климатом. Через Хиджаз с незапамятных времён шла караванная дорога, связывавшая Аравийский полуостров с остальным миром. Вдоль берега и прибреж-

ных гор, через весь Хиджаз пролегал великий путь торговых караванов, который соединял далёкую Индию и страны азиатского Востока с бассейном Средиземного моря, с гаванями Сирии и Египта. Вдоль этого пути из конца в конец двигались караваны верблюдов.

Верблюды везли ценную кладь. Они доставляли к берегам Средиземного моря индийскую краску, шёлковые ткани Китая, африканскую слоновую кость, диковинные плоды. Доставив эти товары на север, караваны поворачивали на юг, и по той же верблюжьей тропе в обратном направлении перевозились европейские товары.

Вдоль этой караванной дороги возникают два города Аравии — Макараба (впоследствии Мекка) и Ятриб (впоследствии Медина).

Эти города лежали почти на середине караванной дороги. Возникли они, вероятно, потому, что здесь был целый ряд колодцев, а значит, и возможность жизни. Мекка, которая со временем разрослась в крупный торговый город, была первоначально станцией — местом отдыха и остановки на бесконечном караванном пути. Исключительно благоприятное местоположение сделало её центром всей аравийской торговли, средоточием арабских купцов. В Мекке жило арабское племя «курейш». Из рядов этого племени выдвинулись богатые купцы.

Но основным населением тогдашней Аравии были бедуины-кочевники. Бедуин — значит «житель пустыни». Только они смело пускались в рискованные путешествия по бескрайним равнинам Аравии.

Если весною выпадали обильные осадки, — равнины Аравии на время покрывались зелёным покровом трав, который вскоре затем выгорал под знойными лучами беспощадного солнца. Если же выдавалась сухая весна и желтовато-серая равнина не одевалась зелёным убором, то для бедуинов наступали горькие дни нужды и голода. Тщетно искали верблюды прошлогоднюю траву по склонам оврагов и в лощинах. Не было травы. Песок да камень, лишь кое-где жалкий кустик колючего кустарника. Изнемогали, а иногда гибли от бескормицы даже неприхотливые верблюды. Смерть нависала над голодающим племенем. Эти условия могло выносить только такое неприхотливое животное, как верблюд.

Верблюд — истинная находка для бедуина. Без верблюда бедуин не смог бы прожить ни одного дня. В нём вся его надежда и всё его богатство.

Одевался бедуин в ткани из верблюжьей шерсти, питался мясом и молоком верблюда. Верблюжьим войлоком покрывал бедуин свой шатёр.

На верблюдах через аравийские пустыни и плоскогорья перевозились различные клади. Это был настоящий «корабль пустыни». Верблюд очень неприхотлив и может несколько дней не есть и не пить. Он может в крайнем случае удовлетвориться солоноватой водой и питаться жёстким кустарником.

Кроме верблюдов, бедуины растили красивых и выносливых арабских скакунов. Но арабские лошади бедуинами выращивались главным образом на продажу, ибо в обиходе лошадь мало удовлетворяла бедуина. Её нужно было поить чистой водой, кормить ячменем. Поэтому не лошадь, а именно верблюд стал постоянным спутником бедуина.

Жили арабы в VI в. родами. Во главе каждого рода стоял выборный «саид». Но отдельные роды и племена часто враждовали друг с другом. Нередко причиной такой вражды бывало какое-либо оскорбление, нанесённое членом одного рода члену другого рода. Родичи обязаны были мстить за убитого члена своего рода, и кровная месть длилась нескончаемо. Обычай «кровной мести» существовал у многих народов, например на Кавказе, где он сохранился вплоть до XIX в. Народы Аравии сохранили немало преданий о таких войнах между племенами, родами, семьями.

Случайные мелкие столкновения нередко разрастались в длительные войны, приводившие ко взаимному истреблению отдельных родов и кровавым усобицам между племенами.

Из среды кочевого племени постепенно выдвинулись изворотливые и ловкие люди, которые сумели использовать тяжёлое положение бедуинов. Эти люди сосредоточили в своих руках богатства — стада овец, верблюдов, коней. Они научились подчинять себе менее состоятельных членов племени, эксплоатировали их труд, господствовали над ними, образовали так называемую родовую знать.

Не раз бедуины брались за оружие, не раз, охваченные мстительным чувством, они пытались расправиться с наиболее ненавистными богатеями. Но эти попытки оставались случайными, единичными, они не меняли создавшегося положения и неспособны были поколебать господства племенной знати, владевшей стадами, десятками и сотнями рабов.

Наряду с кочевниками-бедуинами на Аравийском полуострове было и другое население: это были оседлые арабы Хиджаза. Сюда, в Хиджаз, пригоняли бедуины на продажу свои многочисленные стада верблюдов и овец и табуны лошадей.

Главным центром оседлых арабов и их торговли в Хиджазе была Мекка. Весной, когда расцветала скудная природа всей Аравии, собиралась ярмарка в Оказе, близ Мекки. Здесь были и богатые купцы из Иемена, и скотоводы-бедуины, и еврейские ремесленники со своими товарами. Только во время этой ярмарки — 4 месяца в году — можно было беспрепятственно и безопасно передвигаться по стране. Лишь на 4 весенних месяца объявлялся «священный мир», и на время прекращались усобицы и нападения. В остальное время богатые купеческие караваны нередко подвергались нападениям бедуинов.

В Мекке находился небольшой храм «Кааба» (Кааба значит куб). В этом храме хранилась главная святыня — чёрный камень.

Наиболее вероятно, что это некогда упавший с неба метеорит. Во всяком случае он очень древнего происхождения. Ещё в I в. новой эры грек Диодор писал, что Кааба «глубоко чтима всеми арабами».

Кааба — это сооружение неправильной кубической формы. Она имеет 400 футов длины, 30 футов ширины и 35—40 футов высоты.

В XIX в. трое европейцев, переодетых арабскими паломниками, проникли в Каабу. Записывать и измерять они, конечно, не могли. Со всех сторон Кааба, как занавесом, закрыта чёрным шёлком. Кааба находится на открытой площади. Со всех сторон площади — широкая колоннада. Внутри Каабы в прежние времена стояли идолы. На восточной стороне этого сооружения, футах в пяти над землёю, и находится вделанный в стену чёрный камень.

Значение Каабы было так велико, что вокруг этого святилища для его почитания и защиты образовался специальный союз. Таким образом, Кааба превратилась в святилище многих арабских племён. Здесь хранили своих богов многочисленные племена, приезжавшие на ярмарку.

Мекка постепенно превратилась в центр не только Хиджаза, но и многих прилегавших к нему районов Аравии. Во время ярмарки в Мекке справлялся ежегодный праздник весны.

Купцы Мекки защищали дорогу, шедшую вдоль побережья Красного моря. Естественно, что благодаря этому Мекка стала не только торговым, но и военным центром тогдашней Аравии.

В VI в. караванной торговле был нанесён тяжёлый удар. Военное соперничество двух соседних государств подорвало арабскую торговлю. Аравия стала ареной борьбы между эфиопским государством (Абиссинией) и новоиранской империей Сасанидов. Эфиопское вторжение на время прекратило движение караванов вдоль хиджазского пути. В середине VI в. эфиопы были изгнаны из Аравии, но вслед за этим в Аравию с севера вторгаются иранцы, проникшие почти до самой Мекки.

В эту бурную пору вторжений и войн, набегов и военных неурядиц в Аравии почти совсем замерла торговля. Когда закончились войны, эту торговлю не удалось восстановить в прежних её размерах. За то время, пока Аравия была ареной битв и походов, торговля между восточными и западными странами пошла по новым путям, изменила своё направление. Потоки товаров стали направляться, минуя Аравию, через Персидский залив, затем вверх по течению Евфрата к гаваням Сирии, лежавшим на Средиземном море.

К концу VI в. эта перемена торговых путей тяжело отозвалась и на аравийской торговле, и на доходах арабских купцов. Многие из них разорились и обнищали.

Упадок торговли затронул и бедуинов. Многие из них участвовали в караванной торговле в качестве перевозчиков, погонщиков верблюдов и караванной охраны. Теперь они утратили

и этот заработок. Ещё страшнее стал для бедуинов бич бескормицы и голода, ещё острее и напряжённее противоречия между родовой знатью и беднотой кочевых племён.

В ряде областей Аравии начались восстания бедуинов против своих вождей. Единственным спасением для родовой знати было создание государства и государственной власти.

Но окончательное объединение Аравии произошло тогда, когда среди арабов в городе Мекке возникла новая религия — ислам. Основателем этой религии считается Мухаммед.

Однако не нужно думать, что эта новая религия приветствовалась всеми купцами Мекки. Совсем наоборот. В Мекке, этом единственном крупном городе Хиджаза, новая религия натолкнулась на очень сильные препятствия. И это понятно. Купечество Мекки имело уже твёрдые, определённые источники доходов. Они получались от караванной торговли и от ярмарок. Очень сильно притягивало многочисленные арабские племена в Мекку наличие там Каабы — древнейшей святыни местного населения.

Естественно, что купцы Мекки с большой тревогой и озлоблением встретили новое учение прежде всего потому, что это было новшество. А затем они опасались, что если эта религия станет распространяться, то многочисленные племена, которые чтут Каабу, привозят и помещают в ней своих божков, перестанут приезжать на ярмарку, заберут своих богов и ещё, чего доброго, перевезут всё это в Ятриб (Медину). А Ятриб был соперником Мекки.

Мухаммед, выступая как пророк, посланный богом, в своих ранних проповедях высказывал резкое осуждение богачам-грешникам, обличал ростовщиков, негодовал на «обмеривающих» и «обвешивающих». В начале своей деятельности Мухаммед дерзал утверждать, что в Мекке и повсюду власть находится в руках грешников.

Неудивительно, что его речи находили горячий отклик в среде бедноты, населявшей Мекку, в среде бедуинов, подавленных нуждой, бескормицей и голодом. Круг сторонников и последователей пророка всё расширялся, его влияние возрастало.

Кто же стал на сторону нового учения? Прежде всего, конечно, бедняки, которые надеялись, что новая религия принесёт избавление от нищеты, голода и жестокой эксплоатации племенной аристократии. Затем к ним примкнули рабы. Первоначальная религиозная община Мухаммеда насчитывала всего только 43 человека. Из числа местного более зажиточного населения, из числа купечества новое учение сначала признали только двое: Абу-Бекр и Омар. В особенности важно было присоединение Омара — впоследствии одного из самых замечательных халифов после смерти Мухаммеда.

Купцы Мекки всячески пытались расправиться с Мухаммедом и его общиной. Они даже уговорились между собой ничего не покупать и не продавать ни Мухаммеду, ни его родственникам.

Вид Мекки (в центре — Кааба).

Чувствуя опасность своего положения в Мекке и неизбежность столкновения, а может быть, и кровавой расправы, Мухаммед решил уйти из Мекки.

Самым подходящим местом для переселения его общины был город Ятриб (Медина), расположенный к северо-востоку от Мекки. Ятриб был довольно крупным городом Аравии; в нём жило большое количество ремесленников-евреев. Ятриб, возникший значительно позже Мекки, всегда враждовал с купцами Мекки. Мекка была богаче, здесь были постоянные ярмарки, здесь была Кааба.

Когда в Ятрибе узнали о преследовании Мухаммеда, оттуда отправились послы в Мекку, чтобы пригласить Мухаммеда к себе на постоянное жительство, вместе со всей его общиной. После переговоров, во время которых Мухаммед договорился об условиях переезда в Ятриб, он согласился принять приглашение.

В 622 г. новой эры Мухаммед бежал в Ятриб. Этот год впоследствии мусульмане стали считать началом своего летосчисления.[1]

Со времени переезда Мухаммеда в Ятриб город изменил своё название. Он стал называться Медина («город пророка»).

Община Мухаммеда быстро росла. Она постепенно стала не только религиозным, но и политическим ядром, вокруг которого стала объединяться вся Аравия.

В Медине были установлены основы новой религии. Все верующие, последователи новой религии, составляли как бы единое племя. Между верующими должны были прекратиться споры и ссоры. Право кровной мести было уничтожено. Верующие должны были сообща защищать друг друга от всех «неверных», т. е. не принявших новой религии.

Позже основы религии, установленные Мухаммедом в Медине, были записаны его последователями в книге под названием «Коран» (чтение). Из обрывков различных записей на кирпичиках, на клочках верблюжьей кожи, из воспоминаний современников Мухаммеда о его проповедях составился текст этого Корана. Было объявлено, что только Коран является подлинным «словом божьим».

По Корану, аллах (бог) «не рождал и не рождён». Аллах создал землю, на которой для равновесия, чтобы она не шаталась, поставил горы. Луна, звёзды, солнце привешены к твёрдому небосклону и служат для освещения земли. Из сгустка крови аллах сотворил человека и для него создал животных, чтобы они переносили тяжести и служили ему пищей. Аллах всемогущ и грозен, и все блага получают только те, кто исполняет все правила Корана.

Им после смерти обещана счастливая безмятежная жизнь в райских садах. Там будет всё, о чём мог мечтать араб: прохлад-

---

[1] Таким образом наш 1948 г. — по мусульманскому летоисчислению только 1326 г.

ная тень, полноводные источники, красивые жёны, изобилие лакомых и дорогих яств, ароматных вин и богатых ярких одежд. Первое место в раю обеспечено всем павшим в сражении. А грешники в аду будут вечно жариться на огне и пить кипяток и помои.

Кроме этих основных положений, в Коране было много указаний на то, как должен жить правоверный, какие дела богоугодны и какие противны аллаху и т. д.

Укрепившись в Медине, Мухаммед решил подчинить себе непокорную Мекку. Началась упорная война между Мединой и Меккой. Длилась она семь лет.

Два мусульманских воина в тюрбанах, с круглыми щитами и длинными, прямыми, обоюдоострыми мечами. Рисунок изображает двух спутников пророка Мухаммеда в его походе на евреев Хейбара. *(Из рукописи 1314—1315 гг. библиотеки «Королевского азиатского общества», Лондон.)*

Сторонники Мухаммеда по его указанию стали нападать на торговые караваны, идущие из Мекки на север и возвращавшиеся обратно. Купцы Мекки попробовали привлечь силы многочисленных арабских племён для борьбы с Мединой; им даже удалось осадить Медину, но взять её непривычным к осаде арабам оказалось невозможным. Собранным против Медины арабам наскучило стоять под стенами города, и они разошлись. Медина попрежнему перехватывала караваны мекканских купцов. Многие племена центральной Аравии, не выдержав затянувшейся войны между Меккой и Мединой, отходили от борьбы. Некоторые переходили на сторону Медины, да и не было особой причины для продолжения войны, потому что Мухаммед, как узнали в Мекке, вовсе не отказывался признавать Каабу своей святыней. Значит, и особой угрозы доходам мекканских купцов не было.

В 630 г. Мекка сдалась Мухаммеду. Ещё бы! Под знамёнами ислама стояло 10 000 вооружённых арабов — армия, какой в Аравии никогда не было.

Во главе своей армии Мухаммед вступил в Мекку. Семь раз объехал Мухаммед вокруг Каабы, затем приказал выбросить идолов, стоявших вокруг Каабы. Въехав в Мекку, Мухаммед сделал очень важную уступку купцам Мекки.

— Отныне, — приказал он, — каждый правоверный должен хоть один раз в жизни побывать в Мекке и помолиться Каабе.

Такой приток паломников в Мекку создавал значительные доходы для мекканских купцов.

Создав сплочённую общину своих последователей в Ятрибе, подчинив себе непокорную Мекку, Мухаммед положил начало объединению Аравии, сплочению разрозненных племён в единый народ.

Мекка была превращена Мухаммедом в религиозный центр — священный город мусульман, а Кааба, очищенная от идолов, стала главной святыней новой религии.

Эта новая религия сыграла большую роль в объединении Аравии. Все верующие должны были отказаться от своих языческих божков, а вместе с ними и от своих племенных культов.

Кровная месть запрещалась, родовые раздоры объявлялись грехом, и все племена, принявшие новую веру, должны были составить, как говорил Мухаммед, «одно великое родство».

Перед объединившимися племенами выдвигалось, в качестве величайшей задачи, распространение веры, борьба с её врагами.

Война отныне должна была вестись лишь всем народом, и тот, кто погибал в битве за веру, попадал в рай, где его ждало вечное блаженство и наслаждения.

Так арабы, объединившиеся под знаменем новой религии, были подготовлены к тем предстоящим войнам за обладание новыми территориями, которые преемники Мухаммеда вели якобы за торжество новой веры.

Мухаммед превратился из гонимого проповедника в создателя новой религии. Его учение стало господствующим и получило признание со стороны богатых купцов и родовой знати. Именно эти слои сумели использовать новую религию, сумели выиграть от объединения Аравии.

Беднота, внимавшая с верой первым проповедям Мухаммеда, ничего не добилась для себя. Когда Мухаммед победил своих противников и его новая религия была воспринята всем населением Аравии, эта религия («ислам»), как и всякая другая, стала защищать интересы имущих.

Слово «ислам» означает покорность аллаху, его воле. Этой волей аллаха узаконялось имущественное неравенство и даже рабство.

Мухаммед при осаде крепости. *(Арабская миниатюра 1314—1315 гг.; одно из самых редких изображений Мухаммеда. Из библиотеки «Королевского азиатского общества», Лондон.)*

В Коране говорится, что за воровство следует отрубать руку. Коран оправдывает существование свободных и рабов.

Итак, хотя возникновение ислама и было связано с движением бедуинов и городской бедноты, хотя это движение первоначально и встревожило богатых купцов и родовую знать, но победа новой религии лишь укрепила положение господствующих классов.

Победа ислама послужила толчком к национальному и государственному объединению Аравии, толчком к завоевательной политике и захватническим войнам, от которых выиграли только господствующие классы.

Подчинив себе большинство племён центральной Аравии, Мухаммед стал подготовлять наступление на чужие территории. Он попробовал напасть на Сирию. Однако его отряд был разбит и оттеснён обратно на территорию Аравии.

Арабы начали энергично готовиться к новому большому походу против «неверных». В разгар этой подготовки, в 632 г., умер Мухаммед. Его смерть нисколько не остановила подготовки арабов к вторжению во владения Византии и Ирана. В охотниках воевать недостатка не было. Каждому воину была обещана крупная награда. А в случае смерти на войне каждому было уготовано вечное блаженство в раю, согласно Корану.

После смерти пророка его первым преемником (халифом) стал один из самых ближайших его сподвижников — Абу-Бекр, о котором мы уже говорили. Он оставался халифом всего два года (632—634). Уже при нём начинаются длительные войны с Ираном и с Византией. Обе эти страны были ослаблены длительными войнами друг с другом.

Военные экспедиции арабов на территорию Ирана и во владения Византии застали эти государства врасплох. Особенно значительных успехов достигли арабы при втором халифе — Омаре (634—644).

Ни один халиф не пользовался таким авторитетом, как Омар. Он был очень строен, высок, в толпе он всегда был на голову выше остальных. Он прекрасно владел конём, был храбр, честен. Как государственный деятель он обладал большими административными способностями и умением правильно оценивать события и поступки людей. Все эти качества создали ему огромную славу.

При Омаре арабы широкой волной ворвались в Сирию. В 635 г. пал Дамаск — столица Сирии. В 637 г. арабы овладели Иерусалимом, в 640—641 гг. началось покорение Египта. Окончательное покорение его произошло позже, в 645 г. Византия — могущественная и богатая империя — была обескровлена, её лучшие провинции — богатая металлами Сирия и житница всей южной Европы Египет — оказались в руках арабов.

В 642 г. арабы разгромили иранскую армию, а к 651 г. покорили весь Иран. Десятки разрозненных племён, владевших полупустынными степями знойной Аравии, объединившись воедино,

создали путём завоевания величайшее государство. В этот период арабы обладали самой сильной в мире армией.

В руки победителей попали несметные богатства. Стремительное продвижение арабов облегчалось тем, что в Византии и в Иране наблюдался рост народных восстаний; кроме того, оба эти государства были ослаблены войнами. Далее, в Сирии и Месопотамии имелось большое количество арабских поселенцев. Достаточно было появиться здесь сравнительно небольшому отряду арабов, как немедленно к нему примыкали давно жившие здесь арабские поселенцы. Небольшой отряд быстро превращался в могущественную и многочисленную армию. В Сирии, например, арабские поселенцы хорошо знали местные условия, указывали дорогу и, что самое важное, были хорошо осведомлены о расположении колодцев.

Арабские завоеватели очень быстро перенимали военные новшества. Они научились осаждать города и крепости, возводить укрепления.

Так шаг за шагом продвигались арабы на восток, дойдя до Инда, а на севере — до Малой Азии. Особенно широким было движение арабов по северному побережью Африки. Здесь, не встречая значительного сопротивления, арабы брали один город за другим.

Благодаря всем этим завоеваниям арабы захватили в свои руки всю восточную часть Средиземного моря. Особенное значение имело окончательное завоевание Египта в 645 г. Отсюда арабы стали отправлять хлеб на Восток. Завоевание ряда земель в Средней Азии и индийского побережья Персидского залива дало возможность арабам захватить в свои руки всю торговлю с Индией и Китаем.

Завоевания совершенно изменили быт арабов. Разве могли попрежнему сохраняться племенные и родовые деления арабов, их старый и простой быт кочевников, когда вместо пустынных степей и незатейливых палаток вокруг были богатейшие города, густо населённые цветущие долины, красивые дворцы, сказочные сокровища!

Прежнее равенство и простота быта стали исчезать. Тщетно Омар хотел, чтобы арабы, завоевавшие почти все внеевропейские владения некогда могущественной Римской империи, попрежнему жили в обстановке кочевого лагеря. Он пытался сохранить прежние простые обычаи у войска, которое захватывало несметные богатства иранских царей. Всё было напрасно.

Когда арабы под руководством Омара овладели столицей Ирана Ктезифоном, в руки завоевателей попал ковёр необыкновенной красоты, затканный золотом, украшенный алмазами и жемчугом. По распоряжению Омара ковёр разрезали на множество частей, чтобы всем воинам досталось по равной доле.

Омар презирал роскошь, способную изнежить сурового воина: Воину над своей головой не подобало иметь ничего, кроме шатра или звёздного неба. Так думал Омар, всеми силами стремившийся

сохранить привычную простоту быта кочевников-бедуинов. Когда в руки завоевателей попал знаменитый дворец в Ктезифоне, один из вождей поселился в нём. Но Омар распорядился этот дворец сжечь.

Омар не делил завоёванной земли между участниками войны. Эти земли поступали в казну, и их сдавали в аренду. Та часть населения покорённых земель, которая не сопротивлялась арабам, продолжала владеть землёй и имуществом.

За всё это подвластные арабам жители должны были платить подушную подать, одинаковую для всех «неверных», и поземельный налог, размеры которого находились в зависимости от плодородности земли и от её обработки. Кроме того, жители покорённых земель должны были кормить завоевателей.

Только мусульмане были освобождены от всяких налогов. Завоёванные народы должны были платить налоги и обогащать завоевателей. Больше арабов ничего не интересовало. Они не затрагивали ни религии покорённых народов, ни их быта. Всюду остались прежние чиновники, остались также священники, все дела велись и решались на местном языке. Даже монета осталась прежней: на сирийских деньгах был вычеканен крест.

Для ведения налогового дела Омаром был создан «диван», по образцу однородного учреждения в Иране. Здесь подсчитывались все поступления, вычислялись расходы, определялись суммы, которые должны были раздаваться участникам похода. Больше всех получали родственники Мухаммеда и его ближайшие сподвижники.

Омар стремился к тому, чтобы арабы не смешивались с местным населением. Свой центр (а им, несмотря на все завоевания, оставалась Аравия) по распоряжению Омара они сделали чисто арабским: все евреи и христиане были оттуда выселены.

Но удержать всех арабов внутри Аравии было невозможно. Ведь завоёванные арабами территории лежали вне Аравии. Омар распорядился построить ряд специальных военных поселений, где имели право жить только арабы со своими семьями. Так возникли Басра на Евфрате невдалеке от Персидского залива, Каир в Египте, Мерв в Средней Азии — теперь один из городов Советского Союза.

Что представляли собой такие города? Отправимся в построенный на реке Евфрат город Куфу. В центре города расположены мечеть и городское управление; перед этими зданиями — большая площадь и базар. Вокруг центра — дома, расположенные по кварталам. Кварталов было столько, сколько было племён. Арабские воины, жившие в этих городах, не работали. В этом не было никакой нужды. Каждый такой город имел приписанные к нему земли, от которых кормились арабские войска. Кроме того, воины получали большое жалование.

Несмотря на все попытки Омара удержать и в новых условиях строй, некогда существовавший в первой общине Мухаммеда,

быт арабов изменялся. Имущественное неравенство росло. Даже вокруг самого Омара группировались приближённые, которые выделялись по сравнению с обыкновенными арабскими воинами.

Новые условия создавали новые отношения и профессии. Так, морские промыслы были неизвестны прежним поколениям арабов. И когда впервые в результате завоеваний арабы были посажены на корабли, среди стариков было сильное возмущение. Езда по морю казалась великим грехом. Но постепенно арабы стали прекрасными мореплавателями, и многие из них проявляли не меньше искусства в управлении кораблями, чем прежде в езде на верблюде. Так ломались прежние устои, нравы и обычаи.

Началась борьба за власть и среди вождей. Первые халифы — Абу-Бекр и Омар были выборные, но вскоре власть захватили аристократы-рабовладельцы.

Третий по счёту халиф — Осман (644—656) — происходил из богатого купеческого рода Омейядов. Осман сам был богат, обладал громадным количеством рабов, несметными стадами верблюдов и табунами арабских скакунов. Против него поднялись широкие слои арабского населения, которые выдвинули в качестве своего вождя Али — племянника Мухаммеда. Многие племена арабов поддержали Али, а не Османа. В 656 г. в Медине вспыхнуло восстание против Османа. Халиф Осман был свергнут и убит. Вместо него халифом был провозглашён Али, но не надолго. Снова вспыхнула борьба за власть. Звания халифа стал домогаться другой представитель рода Омейядов — Муавия. Против Али был организован заговор. В 661 г. Али был убит, и власть на долгое время (661—750) оказалась в руках династии Омейядов.

Муавия пользовался значительной популярностью среди арабского войска. Он же отличился при организации арабского флота на Средиземном море.

При Омейядах завоевания арабов охватили всё северное побережье Африки, от Египта до берегов Атлантического океана, и на восток по направлению к Средней Азии — здесь арабы дошли до реки Оксуса (Аму-Дарья). Набеги же арабы совершали значительно дальше, доходя почти до Синь-Цзяна (Западный Китай) и Индии.

В той части Средиземного моря, которое омывало побережье Сирии (восточная часть), арабы использовали часть захваченного у Византии флота, затем построили собственные корабли. С этим флотом арабы несколько раз пробовали напасть на Константинополь (667—673). Эти нападения были отбиты Византийской империей. Последняя попытка была предпринята арабами в 717 г. В это время Омейяды были в расцвете своей славы. Целый год арабский флот простоял под стенами Константинополя. Весной 718 г. к Константинополю прибыли новые арабские корабли. Но Константинополь держался. В августе 718 г. арабам пришлось снять осаду Константинополя. Потери арабов были огромны: рассказывали, конечно, преувеличивая эти потери, что

из 180 000 войска у них осталось только 40 000 человек, из 2500 судов — только 5!

Но если на море арабам не везло, то на суше у них дела шли гораздо лучше. Африканские области одна за другой становились владениями арабов. Размеры арабского государства продолжали увеличиваться. Взамен прежних создавались новые центры арабского государства.

Да и Омейяды были совсем не похожи на Абу-Бекра, Омара, Али. Прежние халифы старались во всём походить на Мухаммеда. Они были не только светскими государями, но и первосвященниками новой религии, они еженедельно выступали в мечетях с проповедями. Новые халифы из дома Омейядов перестали обращаться с проповедью к правоверным. Для этого они выделили специальное лицо. Сами Омейяды были крупными рабовладельцами: у первого халифа из этой династии — Муавии — было свыше 4000 рабов. Прежняя столица Аравии — Медина — превратилась в окраину, и Омейяды, не связанные теперь с Аравийским полуостровом, перенесли свою столицу в Сирию, в Дамаск. В Сирии ещё во многих местах сохранилось рабовладение; были сильно развиты внутренняя торговля, ремесло, земледелие. Дамаск был самым богатым городом Сирии. Здесь было множество красивых и богатых зданий. Особенно красив был храм Иоанна, поделённый пополам: в одной его половине молились христиане, в другой — мусульмане. Очевидно, Омейяды предоставляли своим подданным известную веротерпимость.

Ещё одно нововведение было сделано халифами из дома Омейядов. Бремя налогов было распространено и на мусульман, которые долгое время были свободны от всяких налогов. Во времена Омара считалось, что они платят своей кровью, воюя против «неверных».

Когда Омейяды окончательно утвердились в Сирии и усилили своё продвижение на Запад, у них произошло столкновение со старинными центрами прежней Аравии — Меккой и Мединой.

Когда в Мекке и Медине узнали о том, что Муавия и другие халифы из дома Омейядов больше не выступают перед народом, что они окружили себя блестящей гвардией, увлекаются богатыми постройками и не так близко принимают к сердцу дела веры, из Аравии было послано специальное посольство, чтобы удостовериться, правдивы ли все эти слухи.

Халиф принял послов в блестящем раззолоченном дворце. На полу были разостланы дорогие красивые ковры. Сам халиф был в дорогом наряде. Перед ним стояли мединские арабы-старики, лично помнившие Мухаммеда, простые и бедные. Они с недоверием смотрели на пышность и великолепие халифов. Приехав к себе на родину, они заявили, что видели в Дамаске человека, который называет себя халифом. «Это — безбожник — говорили они, — он пьёт вино и бренчит на цитре».

«Такой халиф не нужен нам», — заявили, выслушав рассказ, мединцы. Они собрались в мечети, и каждый правоверный бросал

в кучу свой плащ, сандалию или чалму в знак своего презрения к дамасскому халифу. «Так отвергаю я халифа», — говорил каждый.

Точно так же поступила Мекка. Здесь даже решили выбрать нового халифа.

Едва до халифа в Дамаске дошли вести о непокорности мединцев и мекканцев, как против них немедленно было собрано большое войско. Медина и Мекка были превращены в развалины. 5000 человек было перебито по распоряжению дамасского халифа. Аравия после этого утратила своё значение в государстве арабов. Сами халифы уничтожили первоначальную опору своего государства.

В 711 г. арабские войска подошли к Танжеру. Узкий пролив отделял их от Пиренейского полуострова. Напротив, на территории теперешней Испании, лежало феодальное государство вестготов. В этом государстве противоречия между господами и крепостными были настолько остры, крестьяне и рабы так сильно ненавидели своих сеньоров, что при нападении извне вестготское государство не могло рассчитывать на помощь со стороны населения страны.

Вначале арабы вовсе не собирались завоёвывать Пиренейский полуостров. Дамасский халиф Валид I отдал распоряжение своему наместнику Мусе разведать, что делается в государстве вестготов. Муса в 710 г. переправил на противоположный берег узкого пролива одного из своих командиров во главе отряда в 400 человек. Оказалось, что на севере полуострова восстали баски против короля вестготов Родриго. В 711 г. на полуостров был послан семитысячный отряд арабских войск под руководством талантливого полководца Тарик-ибн-Зияда. Тарик перевёз через пролив своё войско в несколько приёмов, так как у него было всего 4 корабля. Разбив войска вестготов на том месте, где сейчас высится английская крепость Гибралтар, Тарик двинулся в глубь страны. По имени Тарика высоты, на которых он впервые разбил войска вестготов, были названы Гибралтар — «Джебель-эль-Тарик», что по-арабски значит «гора Тарика», а пролив, отделяющий Европу от Африки, — Гибралтарским.

После первой битвы Тарик, подкреплённый новым отрядом в 5000 человек, разбил основные силы вестготов во главе с их королём Родриго. После этой второй победы Тарик, вопреки распоряжениям Мусы, стал смело продвигаться дальше в глубь страны. Одни за другими перед победителями растворялись ворота городов. Скоро Тарик дошёл до Кордовы и взял её. Пал Толедо. Летом 712 г. прибыл во главе 18 000 войска и сам Муса.

Он был очень недоволен непослушным Тариком. Муса завидовал Тарику, на долю которого пал весь успех завоевания стольких крупных городов. И когда при встрече с Мусой победитель вестготов Тарик по обычаю распростёрся перед своим повелителем, Муса ударил его несколько раз за непослушание.

В течение семи лет шло завоевание полуострова. В 718 г. весь полуостров, за исключеним Астурии, оказался в руках арабов. Вестготского королевства больше не существовало.

Через два года после завоевания Пиренейского полуострова арабы, перевалив через Пиренеи, впервые появились во франкском государстве, которое в те времена занимало земли нынешней Франции. За короткое время арабы захватили значительные пространства на юге страны. Казалось и франкскую державу постигнет судьба вестготского королевства. Но стоявший тогда во главе государства энергичный и решительный правитель франков Карл Мартел собрал вокруг себя всех, кто мог служить делу защиты от внешнего врага.

В 732 г. произошла знаменитая битва при Пуатье. Пешее тяжело вооружённое войско франков выдержало атаку арабской конницы, и арабы отступили. Они ещё несколько лет подряд пытались пробиться во Францию, но безуспешно.

Битва при Пуатье явилась событием, прекратившим дальнейшие завоевания арабов в Европе.

Государство арабов, растянувшееся от берегов Инда до Атлантического океана, не могло быть единым. Оно давно уже фактически состояло из ряда отдельных эмиратов.

Арабская культура

Границы Арабского халифата простирались от берегов далёкого Инда, через всю югозападную Азию, вдоль северного побережья Африки — к восточному побережью Атлантики.

Развитие культуры у арабов происходило главным образом в Багдадском халифате и на Пиренейском полуострове.

Арабы соприкасались со странами древнейшей культуры — с Египтом, Вавилоном, Индией, с древним Римом, Грецией, Византией и Ираном. Арабы испытали на себе их влияние, и арабская культура быстро развивалась, впитывая в себя всё лучшее, что могли дать ей культурные народы древнего мира. Эти заимствования были весьма значительны. Таким образом, наименование этой культуры—«арабской» до известной степени условно.

Когда арабы из многих разрозненных племён превратились в единый народ и затем создали путём завоеваний огромное и на первых порах единое государство, арабский язык стал общепринятым во всём бассейне Средиземного моря, стал языком, на котором велись международные сношения.

Конечно, и арабская культура находилась под значительным влиянием религии (ислама).

Эта религия была наполнена самыми фантастическими сведениями. Коран (священная книга мусульман) представляет землю в виде плоской поверхности, на которой поставлены горы для равновесия или, как говорит Коран, «чтобы земля не колебалась и по ней можно было беспрепятственно ходить». Солнце, Луна и звёзды привешены, по представлению Корана, к твёрдому небосводу; Луна и звёзды по вечерам зажигаются специально приставленным для освещения земли ангелом. Метеориты — результаты действия небесных метательных орудий. Способность птиц летать по воздуху Коран считает чудом, причём предупреждает, что аллах способен создавать чудеса и покрупнее этих.

Но арабская культура не ограничивалась вопросами религии. Во всех областях науки и искусства она скоро превзошла всё, что в это время было известно Европе.

Познакомимся с размахом арабской торговли, с развитием у арабов различных ремёсел.

Отправимся в самый центр нового арабского государства — в Багдад, пройдём на шумные, оживлённые базары, которые

кишат народом. Голоса погонщиков верблюдов покрываются выкриками многочисленных торговцев, расхваливающих свой товар. Чего только здесь нет: и тонкая стеклянная посуда, и горы сочных фиников, и голубовато-белые груды тростникового сахара, и яркие красивые ткани, и металлические изделия — блестящее оружие, кинжалы, кривые сабли, и тонкие и более грубые сорта нильского папируса, и душистые масла и благовония.

Покупателей много. Здесь можно было встретить и китайских купцов, и жителей далёкой Индии, и обитателей африканских берегов, и прикаспийских калмыков. Здесь же на рынке продавались рабы. Их владельцы и продавцы громко расхваливали их силу и работоспособность.

Товары шли из конца в конец великого арабского государства. Финики и стеклянные изделия получались из Багдада, который славился своими пальмами, сочными плодами и самыми искусными стеклодувами. В Иране были многочисленные и обширные плантации сахарного тростника; там же добывалось железо. Стальные панцыри и оружие изготовлялись в Иране и в далёком Иемене. Сирия славилась своими мечами из дамасской стали. Здесь же впервые научились делать из стали зеркала.

При завоевании Египта арабы познакомились с изделиями из папируса. Затем им стала известна китайская бумага, сделанная из хлопка. Эту бумагу арабы стали выделывать на территории своего халифата. Главным пунктом изготовления хлопчатой бумаги стал Самарканд.

Текстильное производство при арабах достигло значительного развития. Изготовлялись шёлковые и шерстяные ткани, хлопчатобумажные и льняные изделия (полотна). Кусок тонкого полотна египетской выработки стоил до 100 динаров (арабский динар — золотая монета весом 2,4 грамма).

Особого искусства достигли народы халифата в изготовлении высокосортной парчи, покрытой художественными рисунками, главным образом растительным орнаментом: Коран воспрещал изображать человека и животных, вообще живые существа, считая это идолопоклонством. Поэтому арабский орнамент представлял собой сложные комбинации геометрических фигур или же растительные мотивы.

Специальные цехи (или организации, напоминающие европейские цехи) ставили своей целью охрану секретов производства. Эти цехи приобретали отчасти кастовый характер; в частности воспрещалось заключать браки вне цеха — члены цеха должны были вступать в браки только с родственницами члена данного цеха.

В обработке кожи и металлов народы халифата достигли высокой степени совершенства. Дамасская сталь и толедские клинки поражали европейца совершенством своей закалки. Секрет состоял в особом способе охлаждения стали.

Арабы первые стали выделывать сахар (тростниковый).

Арабские ткани, кожа и металлы вывозились в Европу и воздействовали в свою очередь на ремесленное производство Европы, служа для европейских мастеров образцами подражания.

Не меньше сделано было арабами и для земледелия. Целый ряд растений и сельскохозяйственных культур, которые сейчас прочно вошли в повседневный обиход по всему земному шару, впервые были открыты и введены арабами. Использовав древнейшие водные сооружения Египта, арабы содействовали превращению этой территории в житницу Европы. Арабы переняли из Индии культуру риса, а затем перенесли её в Испанию. Замечательно красивая и незаменимая для шерстяных тканей растительная краска индиго была завезена из Индии в Венецию и Флоренцию арабами. Лён и конопля получили большое распространение в Европе опять-таки благодаря арабам. Хлопок арабы занесли из Китая и распространили эту культуру на огромные площади Азии, Африки и Европы. Арабы содействовали распространению шелковичного червя в Испании. Наконец, всюду, где только оказалось возможным, они стали выращивать своё родное дерево — пальму.

Всюду, где возводились арабские города, — в Басре, Багдаде, Испании, где до арабов не было ни одной пальмы, появились целые пальмовые рощи.

Много сделали арабы и для разведения различных садовых культур. Знаменитые багдадские сады вошли в историю как величайший образец садового искусства. Повсюду пестрели розы, лотосы, нарциссы, лилии и другие красивые и благоухающие цветы. Любимой наукой у арабов была ботаника. Они проделали много опытов по акклиматизации растений и создали первую классификацию растений, которая легла в основу последующих, более научных европейских ботанических классификаций.

Таковы в немногих словах достижения арабов в области техники и земледелия. В этот период Западная Европа знала лишь примитивное земледелие и зачатки ремёсел.

О многих новшествах и достижениях в Европе узнавали лишь тогда, когда их завозили купцы из далёкой Аравии, из Сирии, из Египта, из Месопотамии.

Торговали арабы со всеми известными в то время странами и народами. К югу от Багдада к Персидскому заливу во все стороны шло движение арабских морских караванов. На восток в сторону Цейлона и Индии распространялась торговля арабских купцов. В 758 г. мы находим арабскую торговую колонию в Кантоне (Китай). Всё побережье Индии в VIII и IX вв. было покрыто арабскими торговыми поселениями. Ещё большее количество арабских кораблей направлялось на запад, к побережью Африки и Европы. И на далёкий север — в Новгород и на суровый Скандинавский полуостров — проникали арабские товары. У впадения Камы в Волгу находился древний город Булгар, где арабские купцы имели свою постоянную факторию. До сих пор там при раскопках находят арабские монеты.

Восточные историки сообщают, что арабский купец Исаак, попав из Северной Африки через Сицилию в Италию, где тогда находился император франков Карл Великий, выдал себя за посла халифа и подарил франкскому императору слона, который произвёл потрясающее впечатление на население Европы, когда он пропутешествовал через всю Италию во Францию; много хлопот этот слон доставил тем, которые переправляли его через Альпы.

Торговля и путешествия сделали арабов учёными географами. Смелые путешественники, исследуя новые страны, проникая всё дальше и дальше, пролагали путь купцам и караванам. По следам географа-учёного шёл купец. Неудивительно, что география у арабов была в большом почёте. Со временем у них сложилась пословица: «Кто едет в путь ради науки, — тому аллах открывает двери рая».

Но арабский географ — это меньше всего кабинетный учёный. Вот, например, географ X в. Масуди рассказывает в предисловии к своему научному произведению, что для ознакомления с жизнью людей, с их нравами и обычаями в разных странах он перепробовал всевозможные профессии. Он был переписчиком и монахом, пилигримом и врачом, лавочником и проповедником, посланником и подмастерьем. Он участвовал в разбойничьих шайках, нападавших на купеческие караваны, сближался с еретиками, учился в университетах.

Всё это дало возможность Масуди познакомиться с различными странами и описать их. В его книге мы находим описания близких и дальних стран, обнаруживающие широкую осведомлённость Масуди. Он рассказывает об Иране, Египте, Индии, Китае, о Цейлоне и Мадагаскаре, о странах, лежащих к северу от Каспийского моря. С самого начала торгового мореплавания сохранились у арабов записи об их путешествиях.

Арабы уже в IX в. создали карту известных им стран. В арабских рукописях мы находим описания этих стран, содержащие множество ценных по тому времени сведений.

Неутомимые арабские путешественники, между прочим, подробно описали быт и обычаи славян. Известны замечательные рассказы географов Ибн-Хардадбе, Ибн-Даста, Ибн-Фадлана.

Арабы восприняли знания древнегреческой и эллинистической географии. В частности у арабов привилось учение древних греков о климатических поясах (или зонах). Они делили всю землю на пять климатических поясов и восприняли учение греков о влиянии климата на культурное развитие того или другого народа.

Греки противопоставляли юг северу, а себя считали занимающими срединное положение, и тому обстоятельству, что они жили в стране, где не было ни слишком сильного зноя, ни слишком сурового холода, греки приписывали свои успехи в области науки, литературы и искусства.

Арабы обосновывали своё культурное превосходство также тем, что их крупнейшие города (Багдад, Дамаск, Каир и Кордова) лежали в умеренном поясе (жарким поясом арабы считали пояс экватора).

Меткую характеристику дали арабам китайцы, которые тогда были самым культурным народом мира. Китайцы считали только себя «зрячими», арабов—«одноглазыми», а европейцев—«слепыми».

Арабы много сделали в области математики, в частности арифметики. Они отказались от римской нумерации, основанной на буквах латинского алфавита, и ввели заимствованную у индусов новую цифровую систему. Этой системой мы пользуемся и в настоящее время, и, цифры, которые мы применяем для исчисления, называем арабскими цифрами. Арабам принадлежит открытие алгебры. Самое слово алгебра — арабского происхождения [1]. Им же принадлежит перевод с греческого языка и применение на практике эвклидовой геометрии. Этой геометрией мы пользуемся и сейчас.

У арабов рано появилось стихосложение; оно прочно вошло в быт и язык арабов. Погибает ли араб на войне, радуется ли он какой-либо своей удаче, потерял ли он верблюда или заблудился в пустыне, — все свои переживания он передаёт стихами. Его фантазия безгранична. Арабские сказки «Тысяча и одна ночь» — самые фантастические.

Большим почётом пользовалась у арабов медицина. Они впервые перевели с греческого на арабский язык произведения «отца медицины» Гиппократа, знаменитого греческого врача, жившего в V—IV в. до новой эры.

Большое значение приобрела у арабов хирургия. Хирургия встречала почти непреодолимые препятствия для своего развития со стороны мусульманского духовенства, которое считало недопустимым рассечение трупов, и поэтому крупные арабские медики (например в Египте) ходили со своими учениками на поля сражений, где изучали колотые и рубленые раны. Таким образом накапливались сведения о внутренних органах и сосудах человека.

Один из крупных хирургов Кордовского государства, Захравий, который умер около 1013 г., признавал вивисекцию в интересах дальнейшего развития медицинской науки и в частности хирургии. Работы этого крупнейшего хирурга, переведённые на латинский язык, послужили толчком для развития европейской хирургии.

Мухаммед-ибн-Зекария, начальник багдадской больницы, написал работу, где он свёл в единую систему все тогдашние знания в области медицины. Книга надолго сохранила свою ценность и для европейских учёных. Итальянские медики пользовались этим руководством ещё в XVI в.

---

[1] Впервые его ввёл в употребление арабский математик Мухаммед-ибн-Муса Альхорезми, родом из Хорезма, т. е. Хивы, ныне входящей в состав СССР.

Много сделали арабы в области химии и в особенности астрономии. Астрономические познания были необходимы отважным арабским мореплавателям, умевшим по положению небесных светил находить правильную дорогу в морских просторах. Арабы были знакомы с употреблением компаса.

Арабские астрономы вычисляли движения планет, затмения, определяли продолжительность года. Во многих местах они устроили обсерватории, где велись постоянные наблюдения за планетами.

Астрономические законы, открытые знаменитым греческим учёным Птолемеем и развитые арабскими учёными, являлись основой астрономии в течение всех средних веков. Названия звёзд (Вега, Альдебаран, Бетельгейзе и многие другие) были даны арабами.

Большим почётом у арабов пользовалась история. Интерес к истории возник в связи с описаниями жизни Мухаммеда.

У арабов существовали летописцы — люди, которые заносили в рукописные свитки все события, происходившие при том или ином халифе. Были созданы и отдельные сочинения, где описывались события, происходившие не только в Арабском халифате, но и в других странах. В таких исторических сочинениях обычно начинали «от сотворения мира», затем излагались библейские легенды и предания о доисламских иранских царях, излагалась история древних арабских племён и наконец следовала биография пророка. После описания жизни пророка рассказывалось о завоеваниях арабов и попутно кратко затрагивалась история тех стран, с которыми воевали арабы.

Особенно много сделали арабы для распространения философии. Они перевели на арабский язык произведения греческих мыслителей — Аристотеля, Платона и многих других. Благодаря посредничеству арабов Западная Европа познакомилась с философией греков, равно как и со всем культурным наследием античного мира. Арабская наука послужила как бы мостом, соединившим средневековую Европу с сокровищами античной культуры.

Особенно высокого расцвета арабская культура достигла на Пиренейском полуострове, где возникло могущественное государство — Кордовский халифат.

Крупнейшие города Кордовского халифата стали центрами передовой науки и искусства, рассадниками знаний. Столица халифата, Кордова, была центром науки, Севилья пользовалась славой города музыкантов и певцов. Об этом красноречиво свидетельствует старинная арабская пословица: «Если в Кордове умирает музыкант, — его инструменты везут в Севилью; если в Севилье умирает учёный, — его книги везут в Кордову».

Развитие городов, расцвет ремёсел и торговли способствовали широкому распространению грамотности. Ни один европейский народ не мог соперничать с арабами по распространению грамотности, по количеству школ, по числу учёных. Арабы приписы-

вали Мухаммеду изречение: «Ищите знания, даже если вам придётся отправиться для этого до границ Китая».

Каждый гражданин стремился послать своего сына в школу, где наряду с Кораном изучались письмо, грамматика и арифметика. В 976 г. в Кордове насчитывалось 27 государственных бесплатных школ.

Высшие школы Кордовы приобрели заслуженную славу во всей Европе. Из-за Пиренеев притекали в Кордову юноши, охваченные жаждой знания, стремлением расширить свой кругозор и почерпнуть полезные сведения из уст прославленных кордовских профессоров.

В аудиториях Кордовы, в толпе арабских студентов, можно было встретить много кастильцев и французов. Попадались даже немцы и англичане.

Живя в Кордове, молодой иностранец мог без всяких помех изучать те науки, к которым он испытывал влечение. Виднейшие учёные читали здесь лекции по философии и литературе, математике и астрономии, географии, медицине и богословию.

Позднее был основан университет в Гренаде, где читались курсы богословия и правоведения, а также медицины, химии, философии и астрономии. Этот университет видел в своих стенах немало кастильцев, испанцев и других иностранцев, которые, выйдя из стен этого университета, сеяли просвещение в Западной Европе.

На портале этого университета была надпись: «Мир держится на четырёх основах, именно: на учёности мудрого, справедливости великого, молитве благочестивого и доблести храброго».

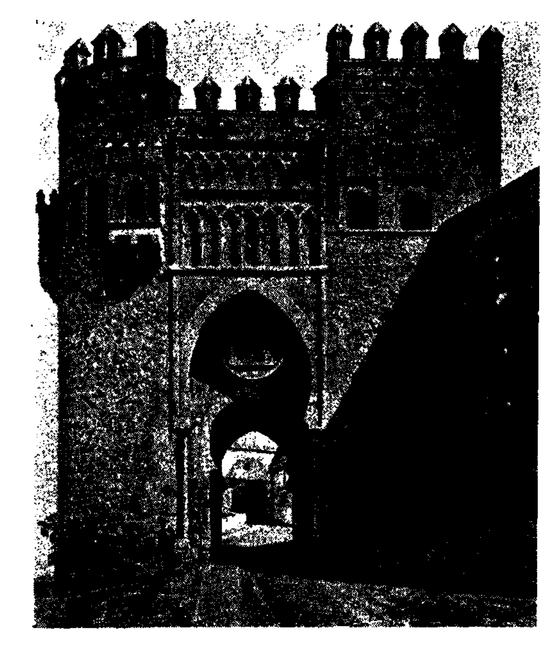
В арабских городах и в арабских университетах господствовала самая широкая веротерпимость. Всякий, какую бы религию он ни исповедывал, к какой бы национальности ни принадлежал, мог заниматься науками, учиться и учить. Самые даровитые, сведущие учёные занимали кафедры высших школ. Профессора — мусульмане, евреи, христиане — передавали свои знания молодёжи.

Не меньше, чем своими школами, гордились арабы своими библиотеками. Особенного развития достигли эти библиотеки после того, как более дешёвая бумага стала вытеснять дорогой папирус и ещё более дорогой пергамент.

Кордовский халиф Хакам, живший в конце X в., имел библиотеку, состоявшую из 400 000 томов. Каталог этой библиотеки состоял из 44 томов по 55 листов в каждом. Эта ценная библиотека непрерывно пополнялась. Когда халиф узнал, что в отдалённой Сирии знаменитый учёный Абуль-Фарадж заканчивает свой 20-томный труд о певцах и поэтах, он немедленно предложил автору 1000 динаров за первый экземпляр его произведения.

Кроме библиотеки халифа, славились и частные книгохранилища. Богатые и знатные арабы гордились своими книжными сокровищами, собирали старинные рукописи, заботливо хранили

их, открывая, однако, всякому любознательному читателю доступ к этим драгоценным рукописям. Библиотека была местом труда, местом размышлений и отдыха; нередко здесь велись беседы между учёными.

Толедо. «Ворота солнца».

В библиотеках не только читали, беседовали, черпали знания. Здесь велась большая и кропотливая работа по созданию новых книг.

Ценная рукопись переписывалась рукою опытного переписчика, и под его пером рождалась новая рукописная книга. Рассказывают, что в библиотеке некоего Ибн-Футайса неустанно трудились 6 постоянных переписчиков. В годы расцвета халифата в Кордове ежегодно переписывалось 16—18 тысяч книг.

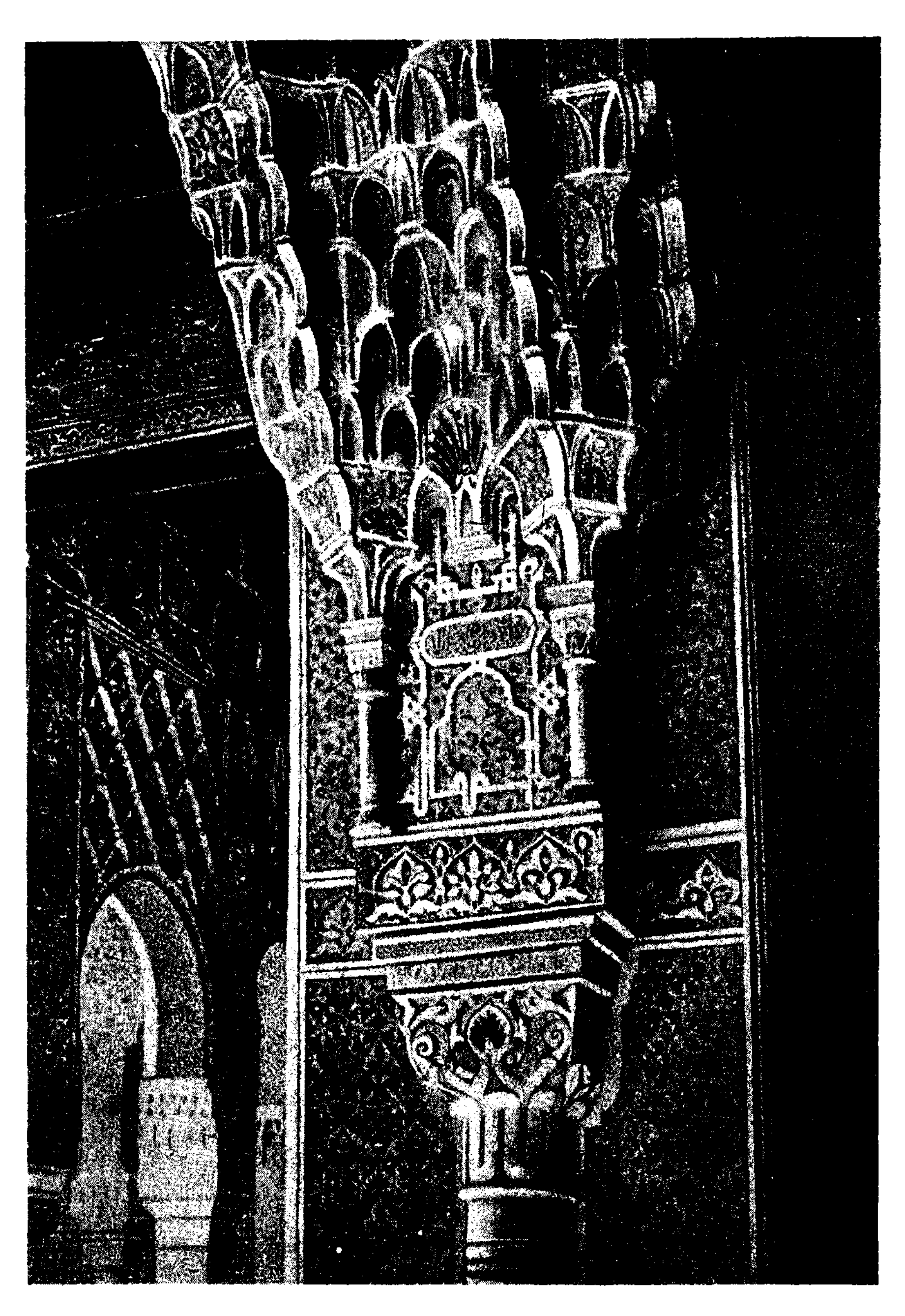
В середине XII в. в Толедо была основана особая коллегия переводчиков; этим было ускорено дело перевода арабских писателей на латинский язык, бывший тогда универсальным языком учёных. Переводы проверялись, подвергались тщательной литературной отделке.

Благодаря неутомимой работе арабских переводчиков, переписчиков, иллюстраторов, библиотекарей, — научные труды древних и их идеи приобретали широкую известность и постепенно становились достоянием европейской науки. Профессия учёного пользовалась у арабов большим уважением.

Народная мудрость оценила значение науки и увековечила её роль в пословицах и изречениях, передававшихся из уст в уста. «Чернила учёного столь же достойны уважения, как кровь мученика». Другое изречение вторит первому: «Рай столько же существует для того, кто хорошо владеет пером, сколько для того, кто пал от меча». Третья пословица выражает великую для всех времён и народов истину: «Величайшее украшение человека — знание».

Замечательные памятники арабской архитектуры остались и до нашего времени. Особенно много их сохранилось в Испании.

Самая древнейшая постройка арабов в Испании — мечеть в Кордове. Начало её строительства относится к VIII в. Внешне

Гренада. Альхамбра. Деталь лепных украшений и арки Львиного двора. (1333—1391 гг., мавританский стиль.)

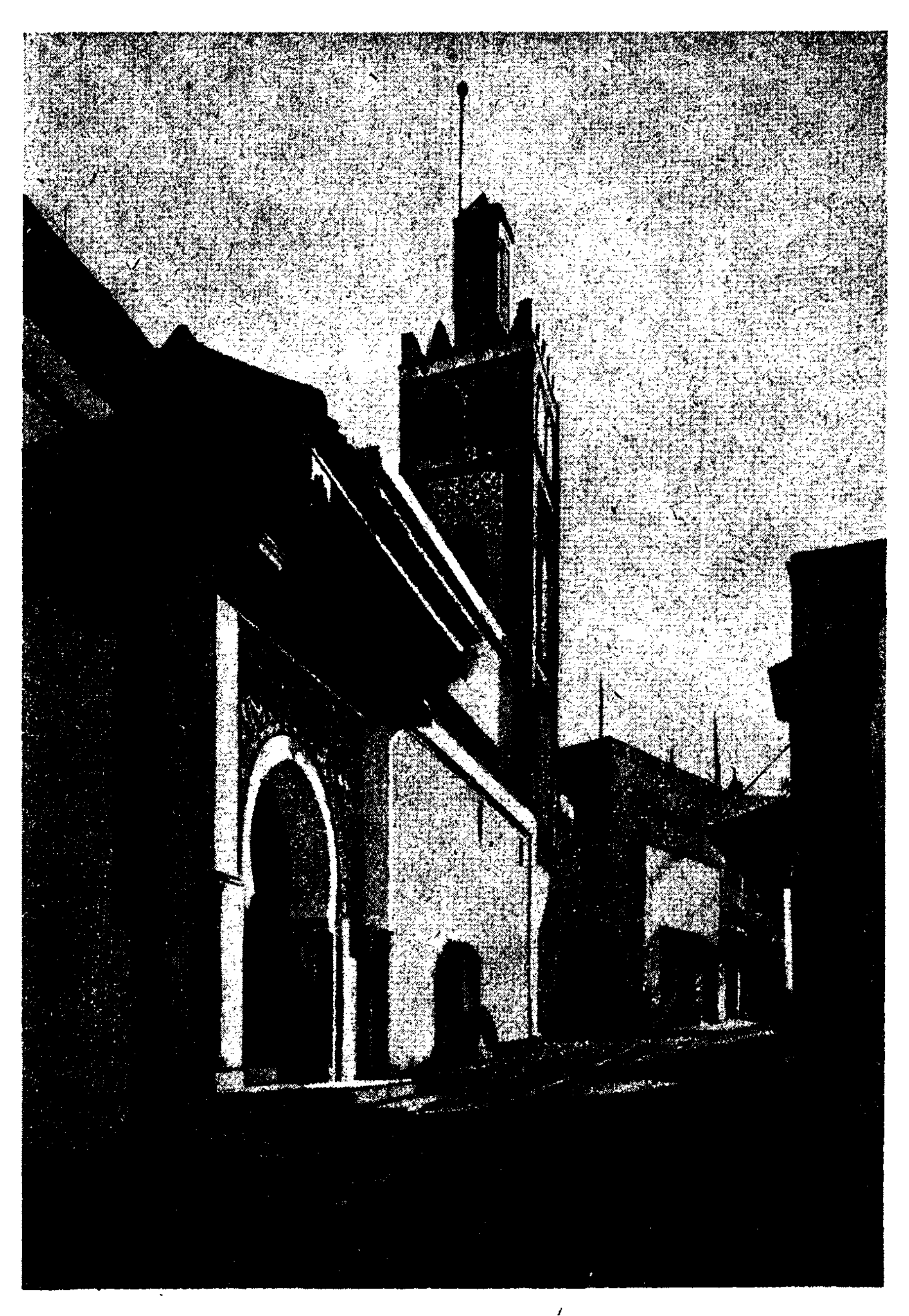

Танжер (Марокко). Здание суда в крепости. (Поздний мавританский стиль, приблизительно 1550 г.)

мечеть мало привлекательна. Это — каменное здание с широким куполом и маленькими узкими окнами. Дневной свет едва проникает внутрь мечети. Но внутренняя отделка поражает своим богатством. Огромное количество колонн (несмотря на бесконечные переделки их здесь осталось около 900), теряющихся в полумраке, поражает посетителя. Каждая колонна — образец искусства; колонны сделаны из белого, жёлтого, зелёного мрамора, зеленовато-жёлтой яшмы и порфира.

Не менее искусно создан дворец местных халифов в Севилье — Алькасар. Построенный из камня, Алькасар не производит впечатления тяжеловесного здания. Множество тонких украшений, художественная резьба по камню, изобилие золотой отделки превращали Алькасар в сказочное сооружение. Ко дворцу примыкал роскошный сад, где росли апельсины, пальмы и кипарисы.

Самым изумительным памятником поздней арабской архитектуры (так называемой «мавританской») является великолепный дворец халифов Гренады — Альхамбра. Внешний фасад дворца отличается крайней простотой. Стены почти лишены украшений, покрыты слоем одноцветной штукатурки. Но стоит посетителю вступить во внутренние покои дворца, и он останавливается в восхищении. Каждый покой отличается от соседнего, а вместе с тем у них есть нечто общее. Тот же стиль, полный капризного изящества и причудливой фантазии, изысканного великолепия и воздушной лёгкости. Пол выстлан мозаичными

Танжер (Марокко). Мечеть на главной улице. (Поздний мавританский стиль, приблизительно 1550 г.)

плитами гармоничного рисунка. Небольшие мраморные колонны и подковообразные арки возносят ввысь каменный свод, образующий конический купол. От самой капители колонн всё выше и выше до вершины купола простирается узорчатая каменная резьба, сверкающая яркой бирюзой и золотом орнамента.

Мастерство художника превратило тяжеловесный камень в легчайшее кружево, и зрителю кажется, будто над его головой не каменный свод, а огромный шатёр, отливающий синевой и золотом.

Иногда покой как бы раздвигается, и вместо узорчатого свода открывается в широком просвете яркое южное небо. Открытый солнечным лучам выделяется своей ослепительной белизной мраморный бассейн. К самой воде спускаются пологие ступени. Очень красив так называемый «Львиный двор», где в зеркало вод глядятся величественные мраморные львы, стерегущие бассейн.

Особенно красивы были два арабских города — Кордова в Европе и Багдад в Азии.

Кордова — столица могущественного Кордовского халифата. Её называли «чудесным городом юности», «светлой радостью мира». Европа того времени таких городов ещё не знала. Здесь был центр мировой культуры, здесь находились библиотеки рукописных книг и высшие школы.

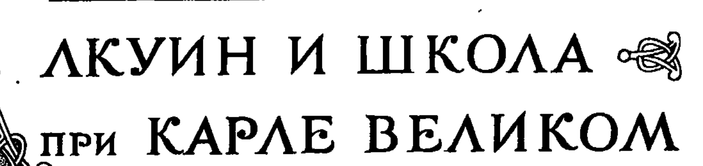
Багдад утопал в садах и зелени. Повсюду возвышались красивые здания — дворцы. Красив и величествен был дворец халифа. Всё, что могло создать творчество самых талантливых архитекторов, было собрано здесь. Повсюду виднелись украшения из золота и драгоценных камней. В тенистой прохладе журчали фонтаны. Голова кружилась от аромата диковинных цветов.

Арабская культура дала средневековой Европе много ценного и нового. Она оказала большое влияние на всё последующее развитие европейской науки.

Многие учёные, имя которых украшало университеты Франции и Англии, учились у арабских профессоров. Влияние арабской мысли на Западную Европу продолжалось несколько столетий. Оно началось ещё в конце X в.: схоластик Герберт (бывший потом римским папой под именем Сильвестра II) учился в Испании у арабов. Он пропагандировал «арабские» знаки цифр и систему написания чисел и оставил несколько сочинений по геометрии и физике, написанных под влиянием арабов.

Влияние арабов, укрепившееся с XII в. в Парижском университете, а с XIV в. в Падуанском университете, продержалось до XVII в., до создания и победы новой науки, связанной с именами Коперника, Галилея, Кеплера и Декарта.

Арабские учёные, усвоив и творчески переработав достижения греческой науки и многое сделав для дальнейшего развития науки и культуры, передали свои знания европейским учёным. В этом состоит историческое значение арабской культуры.

АЛКУИН И ШКОЛА ПРИ КАРЛЕ ВЕЛИКОМ

В 735 г. в королевстве Нортумбрии, возле города Иорка, в семье знатного англосакса родился мальчик. Ещё до рождения его родители решили, что отдадут его в монастырь. Поэтому и имя ему дали Алхвине, что по-англосаксонски значило «друг храма». Позднее имя Алхвине было переделано в Алкуин. Под этим именем его и знает история.

Только раннее детство провёл Алкуин в родительском доме, а лет семи отдан был в монастырь в городе Иорке.

В то время в Западной Европе был обычай в монастырях принимать маленьких детей на воспитание, чтобы из них подготовить монахов. Такие мальчики назывались «предназначенные»[1]. Для них в монастыре устраивалась небольшая школа под руководством какого-нибудь учёного монаха, который учил их латинскому языку, чтению церковных книг, церковному пению, водил их в церковь ко всем церковным службам, будил среди ночи, чтобы вести к ночному богослужению. Обучали их также и наукам, входившим тогда в курс средней школы.

Всё это пришлось пройти и маленькому Алкуину. Нелёгкое это было дело! Все книги тогда были на латинском языке. В монастырской школе запрещали ученикам разговаривать по-англосаксонски даже между собой: для них и здесь латинский язык был обязателен. Всё преподавание было на этом языке. Чтобы начать учиться, надо было сперва выучиться понимать латинский язык. Для этого прежде всего заставляли вновь принятых детей выучить наизусть полностью псалтырь, то-есть сто пятьдесят священных песнопений, приписываемых древнееврейскому царю Давиду и переведённых в своё время на латинский язык. Так было и с Алкуином. Выучив наизусть все полтораста псалмов, узнав значение каждого слова, написанного в рукописи латинскими буквами, приобрёл он достаточный запас латинских слов, узнал азбуку, приучился разбирать написанное, стал понимать латинскую речь своих наставников. Тогда началось прохождение школьных предметов. Первой наукой, которую ему предстояло одолеть, была латинская грамматика. Здесь приходилось запо-

[1] По-латыни pueri oblati.

минать наизусть на латинском языке: что такое грамматика, на какие части она делится, что такое буква, что такое слог, какие бывают буквы гласные и согласные и т. д. Дальше изучали восемь частей речи. Выучив определения каждой части речи, начинали упражняться в склонениях и спряжениях.

Всё это было нелегко. Но Алкуин обладал прекрасной памятью и понятливостью. Он быстро схватывал объяснения учителя и скоро запоминал на зубок каждое определение. Особенно же ему нравилось то, что на каждое правило приводились примеры в стихах из римского поэта Вергилия. Стихотворная речь приятно ласкала ухо, а раскрывавшиеся в стихотворных отрывках образы возбуждали воображение. Алкуин не только запоминал наизусть все стихотворные примеры на грамматические правила, но достал в монастырской библиотеке старую рукопись с произведениями Вергилия и с упоением читал их. В его однообразной жизни, где не было места для детских игр и развлечений, это сделалось главной его отрадой. Особенно увлекала его поэма «Энеида». Там рассказывалось, как троянец Эней бежал с товарищами из сожжённой греками Трои, как он долго плавал по морю, как пристал к городу Карфагену, где царствовала прекрасная Дидона, которая полюбила Энея, а когда Эней уплыл от Дидоны в Италию, она с горя бросилась в огонь.

Здание науки. *(Из книги Григория Рейта, Страсбург, 1504. Экземпляр университетской библиотеки в Лейпциге.)*

Всё это было увлекательно. Одно смущало мальчика: и Вергилий, и все его герои были язычники, не знавшие христианской веры. А от монахов-наставников Алкуин каждый день слышал, что все язычники — враги христовы и за это на том свете дьяволы их терзают всякими муками в адском огне. И брало Алкуина порой смущение: не загубит ли он свою душу тем, что читает и запоминает поэмы язычника.

Был и другой источник огорчений у маленького Алкуина. Каждую ночь по сту-

ку сторожа в железную доску должны были все «предназначенные» мальчики вставать и идти в церковь к ночной службе. А ночью вставать так не хочется: как бы хорошо укутаться с головой в одеяло и опять заснуть! Так он иногда и делал, стараясь под одеялом укрыться от глаз наставников. А они опять-таки пугали его, что за это на том свете ждут всяческие муки от когтей дьяволов.

Был в монастыре монах из крестьян. Он попросил школьного наставника дать ему какого-нибудь ученика, чтобы тот вместе с ним ночевал у него в келье. Наставник послал к нему Алкуина. Алкуину это было наруку: монах этот крепко любил спать и никогда на ночные службы не ходил в церковь. Вместе с ним мирно спал и Алкуин; только на душе часто было неспокойно: вспоминались рассказы о дьяволах и адских муках и думалось, не придётся ли когда-нибудь ответить за ночной сон, как и за увлечение Вергилием.

Однажды монах-крестьянин с вечера жарко натопил печку и лёг спать. Жарко и душно было в келье. Алкуин спал тяжёлым сном. Сквозь сон он слышал, как сторож бил в доску и скликал монахов на ночное богослужение. И вдруг мальчику померещилось, что вся комната наполнилась страшными дьяволами, которые принялись бить спящего монаха. Завернулся Алкуин с головой в одеяло и стал молиться, обещая, что никогда не будет пропускать ночных богослужений и не будет больше читать Вергилия-язычника. А один из дьяволов будто бы и говорит: «Кто это там лежит, в одеяло укутанный?» Кинулись дьяволы к Алкуину. Он начал громко читать молитву и проснулся. А проснувшись, немедля бросился в церковь.

Так Алкуин рассказывал о себе много лет спустя, когда сам стал наставником монастырской школы; то, что пригрезилось ему в кошмарном сне, он принял за действительность. Этот рассказ показывает, в каких условиях воспитывались тогда ученики монастырских школ и чем начиняли их головы наставники-монахи.

Между тем обучение шло своим чередом. Алкуин крепко выучил всю грамматику; засадили его за следующую науку — риторику. Риторика — искусство красноречия. Здесь проходили правила синтаксиса, стилистики, упражнялись в составлении проповедей, письменных и устных. Примеры приводились обычно из старых римских ораторов, а иногда из творений «отцов церкви».

После риторики начали изучать диалектику. Так называли искусство правильно мыслить, рассуждать, определять содержание тех слов, которые произносишь, строить умозаключения; такую науку стали после называть логикой. На эту науку ушло много времени и сил. Но это была своего рода гимнастика для ума, которая после пригодилась Алкуину. Потом проходили арифметику — больше сложение да вычитание, потому что в умножении и делении сами наставники были не очень сильны: тогда пользовались римскими цифрами; попробуйте при помощи

римских цифр умножить одно трёхзначное число на другое; сами увидите, как это будет нелегко! Решали и задачи по арифметике. В монастыре был сборник задач, составленный знаменитым Бэдой-магистром, память которого чтили англо-саксонские монахи. Некоторые задачи, правда, были не столько арифметическими упражнениями, сколько загадками для развития сообразительности. Вот примеры задач, которые решал в школе Алкуин.

«Некий человек, гуляя по дороге, увидел идущих к нему навстречу людей и сказал им: «Я бы хотел, чтобы с вами было ещё столько же, сколько вас есть; да ещё половина половины этого числа, и от того числа ещё половина; тогда вместе со мной будет сто». Пусть скажет, кто хочет, сколько было тех, которых он сначала увидел?»

Ответ в задачнике такой: «Тех, которых он прежде всего увидел, было 36. Вместе с другими оказалось бы 72. Половина половины — 18. От этого числа половина — 9. И вот что получится: 72 и 18 будет 90. Прибавь 9 — станет 99. Прибавь говорившего и получишь сто».

Другая задача: «Вол, который целый день пашет, сколько следов оставит в последней борозде?» Ответ на это предложен такой: ни одного следа не оставит вол в последней борозде, потому что за ним следует плуг, который запахивает все следы.

Вот ещё такая же задача:

«Некий человек должен был перевезти через реку волка, козу и связку капусты. И не мог найти другой лодки, кроме такой, которая могла лишь двоих из них перевезти. Но ему было приказано, чтобы всё это переправил в неприкосновенности. Пусть скажет, кто хочет, каким образом мог он их переправить в целости?»

Решение в задачнике предложено такое: сначала перевезти козу, оставив волка и капусту; потом вернуться, перевезти волка, а козу обратно увезти с собой; потом перевезти капусту, оставив козу; потом уже вернуться за козой.

Но монахи на арифметику смотрели практически. Им она нужна была для того, чтобы высчитывать так называемые «пасхалии»: в каком году на какое число придётся праздник пасхи, а в зависимости от пасхи — и ряд других праздников, а также великий пост. Дело в том, что в христианской церкви пасха являлась праздником «подвижным»: она должна была приходиться обязательно на то воскресенье, которое случится вслед за полнолунием, совпадающим с днём весеннего равноденствия (21 марта) или наступившим вскоре после него. Чтобы вперёд всё это вычислить, надо было произвести много кропотливых расчётов. В этих вопросах считался большим мастером уже упомянутый Бэда-магистр. По его книгам учили и Алкуина этому нелёгкому делу.

За арифметикой следовала геометрия. Но монахи не сильны были в ней. Алкуина могли научить только общим определениям: что такое квадрат, прямоугольник, треугольник, круг, чему равна сумма углов треугольника, — и ещё немного в том же роде. Всё это запоминать надо было наизусть и без доказательств, так как сами учителя доказывать этого не умели. Сюда же, к геометрии, добавляли кое-какие сведения из географии и из наук, которые мы сейчас назвали бы естествознанием.

Потом изучали астрономию. Созвездия небесного свода и их течение тогда знали хорошо. Наблюдали и путь, который

Арифметика и геометрия — мужские фигуры; окружены выдающимися представителями этих наук, цитатами и т. п. *(Из «Схоластической истории» Петруса (1241 г.), находящейся в государственной библиотеке в Мюнхене.)*

проходят планеты. Но объяснение этому движению давали неправильное: тогда ещё думали, что Солнце, Луна и звёзды вращаются вокруг земли по разным сложным путям. Так когда-то учил греческий астроном Птолемей; его учение приняла и средневековая наука. С астрономией была связана астрология, то-есть гадание по звёздам, попытка предсказывать по звёздам будущее.

Наконец, седьмой наукой считалась музыка. Музыку Алкуин начал практически проходить с первых же дней пребывания в монастыре. Его, как и других учеников, взяли в церковный хор и заставили принимать участие в богослужениях. Пение священных гимнов, псалмов и молитв практиковалось в монастыре постоянно, каждый день. Алкуин с голоса заучил мотивы этих песнопений. Для записи этих мелодий применялись тогда особые значки, но они были очень неточны, и петь по ним было трудно, если не запомнить мелодию с голоса. Всё это Алкуин начал постигать ещё с детства. Но уже в юношеском возрасте, к концу своего школьного курса, прошёл он трудную теорию музыки так, как её изложил учёный римлянин Боэций.

Итак, в течение ряда лет выучил Алкуин семь наук, которые вместе взятые звались «семью свободными искусствами». Параллельно читал он немало разных житий святых, церковных поучений и других религиозных книг. Но он читал также и исторические хроники монахов-летописцев, а также и некоторые книги древних авторов. Часто упражнялся Алкуин в писании латинских стихов.

Режим в школе был суровый. Веселье, забавы не допускались. За провинности и непослушание учеников крепко секли. Доставалось и Алкуину. Но он был способный ученик и нрава послушного. Оттого он меньше страдал от розог наставников, чем многие его товарищи. За эти нелёгкие годы постижения школьной премудрости выучился он глубоко любить книгу, и каждую свободную минуту старался отдавать чтению. В школе был обычай давать

ученикам прозвища, взятые из римской истории. Алкуина наставник назвал Публий Альбин. Так и стали товарищи звать его Альбином.

Наставник Алкуина, Эльберт, очень любил его и постепенно стал поручать ему занятия с младшими учениками. Так Алкуин постепенно из ученика превратился в учителя.

Случилось Эльберту однажды отправиться в далёкое путешествие в Рим. Эльберт взял с собой Алкуина. Это путешествие завершило образование молодого человека, до сих пор редко выходившего за ограду своего монастыря. Во время этой поездки Эльберт с Алкуином усиленно искали книг, которых не было в Англии. В обратный путь двинулись они, отягощённые мешками с рукописями. Проездом через Францию встретились они с молодым королём франков, Карлом. Он предлагал им остаться во Франции, так как там науки совсем пришли в упадок. Но наши спутники предпочли вернуться на родину.

Спустя некоторое время Эльберта назначили архиепископом Иоркским. Руководство школой он передал Алкуину. Его же сделал он и монастырским библиотекарем, чему Алкуин был крайне рад: быть среди книг для него казалось счастьем.

Как учитель Алкуин скоро прославился по всей Англии. В Иоркский монастырь стали приезжать молодые монахи из других городов, чтобы поучиться у магистра Альбина.

В 780 г. умер Эльберт. На его место был избран новый архиепископ. Но надо было получить от папы римского утверждение нового архиепископа. Для этой цели послали в Рим Алкуина. Алкуин успешно выполнил поручение. В Италии он ещё раз встретился с королём франкским Карлом, который незадолго до того завоевал королевство лангобардов в Северной Италии и короновался лангобардской короной. Карл долго убеждал Алкуина отправиться с ним во Францию, где так были нужны образованные люди. На этот раз Алкуин обещал исполнить его просьбу. Он

Музыка и астрономия. Первая — с набором колокольчиков, вторая окружена выдающимися представителями этой науки. Оба изображения окружены цитатами и изречениями. *(Из «Схоластической истории» Петруса.)*

вернулся в Иорк с отчётом о поездке, но вскоре направился ко двору Карла. С собой он взял нескольких своих учеников и побольше книг, которых очень нехватало во Франции.

Конная бронзовая статуэтка Карла Великого. *(Музей Клюни, Париж.)*

И вот Алкуин при дворе Карла Великого. Карл принял его очень радушно и назначил на его содержание доходы с трех монастырей. Карл хотел прежде всего сам поучиться у Алкуина, а также хотел, чтобы Алкуин обучал его сыновей и дочерей. Алкуин сделался дворцовым наставником.

Карл ещё раньше прошёл курс грамматики у одного итальянского учёного. У Алкуина он хотел учиться дальше и пройти риторику и диалектику. Алкуин много занимался с королём и для занятий с ним составил новые учебники по этим предметам. А так как Карла в риторике интересовала практическая часть, то Алкуин в своём курсе подробно познакомил его с тем, как вёлся судебный процесс в римских судах и как составлялись римскими ораторами судебные речи. Примеры он приводил больше всего из знаменитого римского оратора былых времён, Цицерона. Но в этом же курсе от римских судебных речей Алкуин перешёл к вопросу о христианской нравственности.

Одновременно Алкуин учил и трёх сыновей Карла. С двумя старшими он приступил к изучению грамматики. Вместе с ними учились и другие подростки, сыновья приближённых Карла. Так же, как для короля, он составил для них новый учебник, стараясь сухую грамматику сделать возможно более понятной и изложить её в виде диалогов, разговора. Так возникли три главных учебника Алкуина, которыми он прославился в своё время: учебники грамматики, риторики, диалектики. Дополнением к грамматике явилось руководство по орфографии.

Вот как начинался учебник грамматики Алкуина:

«Были в школе магистра Альбина [т. е. Алкуина] два мальчика, один — франк, другой — сакс, которые недавно вступили в густую чащу грамматики. Им захотелось некоторые правила

словесной науки уточнить для лучшего запоминания путём вопросов и ответов.

Сначала франк сказал саксу: «Ну-ка, сакс, отвечай на мои вопросы, так как ты старше возрастом. Мне четырнадцать лет, а тебе, думаю, пятнадцать». На это сакс ответил: «Согласен. А если что-нибудь хочешь спросить более трудное или взятое из философской науки, следует спрашивать наставника». На это наставник сказал: «Мне нравится, дети, намерение ваше; и я охотно удовлетворю вашу любознательность. Но прежде скажите, с чего, вы думаете, должно начать ваше обсуждение?»

Ученики. С чего же, наставник, как не с буквы?

Наставник. Хорошо рассуждали бы вы, если бы немного раньше вы сами не вспомнили бы философию. Беседу следует начать с рассуждения о звуке, ради которого изобретены буквы. Прежде всего следует спросить, какими приёмами следует вести рассуждение.

Ученики. Мы просим тебя, наставник, объяснить нам это.

Наставник. Всякое рассуждение или спор раскрывает три стороны вопроса: предмет, смысл и звуки. Предметы — это то, что мы познаём разумом; смысл — то, чем мы познаём предметы, звуки — то, чем мы выражаем понятия. По этой причине, как мы говорим, и изобретены буквы... Теперь, дети, начинайте с буквы.

Франк. Скажи, сакс, сперва, откуда произошло слово «литера»[1]?

Сакс. Я думаю, что от слова «летера», что значит путь для чтения[2].

Франк. Дай также определение буквы.

Сакс. Буква есть мельчайшая часть членораздельной речи.

Ученики. А не имеет ли, учитель, буква и другого определения?

Наставник. Имеет, но в переносном смысле. Буква есть неделимое, так как мысли мы делим на части речи, части — на слоги, а слоги — на буквы. Буквы же неделимы.

Франк. Укажи, товарищ, подразделения букв.

Сакс. Бывают гласные и согласные, согласные же мы делим на полугласные и немые... Гласные произносятся сами по себе и сами собой образуют слоги. Согласные сами собой не могут произноситься и образовать слоги.

Ученики. Нет ли, учитель, другого основания для разделения?

Наставник. Есть. Гласные — как бы души, согласные же подобны телам. Душа движет и себя, и тело, тело же неподвижно без души. Так и согласные без гласных: их можно написать в отдельности; но быть произнесёнными и иметь смысл они не могут.

Франк. Откуда пошли названия гласных и согласных?

Сакс. Гласные названы так потому, что сами дают звучание голоса, без помощи согласных. Согласные названы оттого, что сами собой не звучат, но дают звук вместе с гласными.

Франк. Что такое слог?

Сакс. Написанный звук под одним ударением и произносимый единым духом.

Франк. Сколько букв могут составлять слог?

Сакс. От одной до шести.

Франк. Имеет ли слог смысл сам по себе?

Сакс. Не имеет, если только целое слово не состоит из одного слога.

Дальше ученики просят учителя определить значение слова «грамматика». Учитель объясняет: «Грамматика есть словесная наука, являющаяся стражем правильного говора и правильного

---

[1] Litera значит буква.

[2] По-латыни lego (лего) значит «читаю», а iter (итер) означает путь.

письма». Он предлагает ученикам перейти к частям речи. Ученики согласны, но просят учителя сперва объяснить свойство каждой части речи. Учитель замечает: «Ваша любознательность не знает меры!» Однако учитель объясняет ученикам:

— Свойство *имени* есть обозначение существа, или качества, или количества. Свойство *местоимения* — стоять вместо имени и обозначать известные лица. Свойство *глагола* — обозначать действие или пассивное состояние. Свойство *наречия* — стоять вместе с глаголом и без него не иметь точного смысла, например: «хорошо говорю». Свойство *причастия* — иметь время и падежи, за это иные зовут его «склоняемым глаголом». Свойство *союза* — соединять части речи. Свойство *предлога* — стоять отдельно впереди склоняемых по падежам слов.

Как видим, грамматика тогда отличалась от современной: в ней не разделяли существительных и прилагательных, обозначая то и другое одним понятием «имя»; причастия считали отдельной частью речи.

Дальше в учебнике путём вопросов и ответов подробно разбирается каждая часть речи, склонение имён, спряжение глаголов, указываются правила, исключения, приводятся многочисленные примеры. Хотя Алкуин в детстве и дал зарок не интересоваться Вергилием, однако больше всего примеров привёл он в своём учебнике из Вергилия.

Учебники по риторике и диалектике Алкуин изложил в форме диалога между королём Карлом и магистром Альбином. Здесь он затрагивает сложные философские вопросы, насколько их могли понимать в то время. Учебник по риторике начинается обращением Карла к Альбину.

Карл. Так как тебя, почтенный магистр Альбин, бог привёл сюда, то позволь мне расспросить тебя насчёт наставлений риторики... Прежде всего объясни мне происхождение этого искусства.

Альбин. Открою на основании свидетельства древних. Было, говорят, некогда время, когда люди бродили по полям, точно звери, и руководились не разумом, но больше телесной силой... И в это-то время какой-то великий и мудрый человек благодаря своему уму собрал в одно место людей, разбросанных по полям и под сенью лесов, и соединил их в одно общество... Но, мне кажется, царь, что молчаливо и без умения говорить никто не мог бы отвратить людей от прежних обычаев и привести их к разумной жизни.

Карл. Для какой цели служит риторика?

Альбин. Для умения хорошо говорить.

Карл. А в каких делах она применяется?

Альбин. В гражданских судебных процессах: для всех ведь естественно обвинять других, а себя оправдывать, хотя бы даже в этом они и не упражнялись. Но тем с большей пользой будут пользоваться речью те, кто обучен этому науками.

Карл просит Алкуина раскрыть правила риторической науки, что он и делает очень подробно. Он указывает, на какие части делится риторика, как проводился в римских судах гражданский процесс, как надо составлять судебные речи, из каких частей должна состоять такая речь. При этом он щедро приводит цитаты и примеры из римских ораторов, особенно из Цицерона. Затрагивает при этом и вопросы хорошего произношения, даёт советы

по части постановки голоса для оратора: зубов не стискивать, правильно дышать и т. д.

Перебрав всё, что осталось в памяти средневековых учёных от древнеримского ораторского искусства, Алкуин переходит к вопросу о нравственности, о добродетелях, чем и заканчивается учебник риторики.

Монастырь св. Михаила в Гильдесхейме, построен около 1001 г. *(Со старинного рисунка.)*

Учебник диалектики начинался с определения, что такое философия. Король Карл спрашивает, откуда произошло слово «философия» и что оно означает. Наставник отвечает, что «философия» — греческое слово, означающее «любовь к мудрости», а занимается она «исследованием законов природы, познанием человеческих и божественных дел, поскольку они доступны человеческому пониманию». Философия есть также «честность жизни, искусство хорошей жизни, приготовление к смерти, пренебрежение к мирскому».

По словам Алкуина, философия распадается на физику, этику[1] и логику. А логика состоит из риторики и диалектики. Риторика была объяснена уже раньше, диалектике же даётся такое определение: «Основанная на разуме наука об исследовании, определении и рассуждении, способная также отличать истинное от ложного».

По этим отрывкам видно, что Алкуин в своих занятиях старался охватить всё, что знали в те времена по так называемым гуманитарным наукам, идя от более простого к сложным обобщениям. Всё это требовало большого напряжения ума и памяти. Чтобы сделать всё это для учеников доступнее, Алкуин придумывал часто разные загадки, которые должны были оживлять преподавание и развивать сообразительность подростков и юношей. Кроме того, он считал нужным развивать образное мышление и воображение учеников и учил находить в изучаемом внутренний смысл и аллегорическое толкование.

С этой целью он составил параллельно основным учебникам особую книжку под названием «Собеседование царственного и знатнейшего юноши Пипина с Альбином-учителем».

Современному читателю она кажется странной и малопонятной. Но надо помнить, для чего она составлялась: она проходилась

[1] Этика — наука о нравственности.

одновременно с трудными учебниками по предметам «семи искусств», являясь кратким повторением изученного в занимательной форме и приёмом развития воображения. Вот отрывки из этой книжки, наглядно показывающие нам своеобразность средневековой школы:

Пипин. Что такое буква?
Альбин. Страж истории.
Пипин. Что такое слово?
Альбин. Изменник души.
Пипин. Кто рождает слово?
Альбин. Язык.
Пипин. Что такое язык?
Альбин. Бич воздуха.
Пипин. Что такое воздух?
Альбин. Хранитель жизни.
Пипин. Что такое жизнь?

Альбин. Для счастливых — радость, для несчастных — горе, ожидание смерти.

Пипин. Что такое смерть?

Альбин. Неизбежное обстоятельство, неизвестная дорога, плач для оставшихся в живых, приведение в исполнение завещаний, разбойник для человека.

Пипин. Что такое человек?

Альбин. Раб старости, мимо проходящий путник, гость в своём доме.

Пипин. На кого похож человек?

Альбин. На яблоко[1].

Пипин. Что такое зима?

Альбин. Изгнанница лета.

Пипин. Что такое весна?

Альбин. Живописец земли.

Пипин. Что такое лето?

Альбин. Облачение земли и спелость плодов.

Пипин. Что такое осень?

Альбин. Житница года.

Пипин. Что такое год?

Альбин. Колесница мира.

Пипин. Кто её возница?

Альбин. Солнце и Луна.

Пипин. Сколько они имеют дворцов?

Альбин. Двенадцать.

Пипин. Кто в них властвует?

Альбин. Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы[2].

Пипин. Что такое чудесное?

Монастырь каролингской эпохи в Лорше в его теперешнем виде. Фасад, за исключением филёнок, вставленных в три нижние арки, представляет первоначальный вид ворот монастыря.

---

[1] Здесь подразумевается: как яблоко, созрев, падает с ветки, так и человек развивается и в своё время умирает. Но порыв ветра может сорвать яблоко до срока. То же и с человеком.

[2] Так называемые созвездия Зодиака, соответствующие 12 месяцам.

Альбин. Я видел, например, человека, прогуливающегося кверх ногами.
Пипин. Как это может быть, объясни мне.
Альбин. Отражение в воде.
Пипин. Почему же я сам не понял, хотя столько раз видел?
Альбин. Так как ты добронравен и одарён от природы умом, я тебе предложу ещё несколько примеров. Послушай. Я видел — мёртвое родило живое, и дыхание живого истребило мёртвое.
Пипин. От трения дерева рождается огонь, пожирающий дерево.
Альбин. Так. Я видел мёртвых, много болтающих.
Пипин. Это бывает, когда их вешают в воздухе[1].
Альбин. Я видел летящих женщин с железным носом, деревянным телом и пернатым хвостом. Они несли с собою смерть.
Пипин. Стрела воина.
Альбин. Кто бывает немым вестником?
Пипин. То, что я держу в руке.
Альбин. А что ты держишь в руке?
Пипин. Твою рукопись.
Альбин. И читай её благополучно, мой сын.

В часы досуга от военных и государственных дел Карл Великий часто собирал вокруг себя образованных людей, которых он выписывал ко двору из разных концов Европы.

Тут побывали итальянцы Пётр Пизанский и историк Павел Диакон; впрочем, один из них скоро умер, а другой уехал в Италию. Тут был испанец Теодульф, поэт и знаток латинского языка. Тут были и учёные из далёкой Шотландии, которых франки звали «скотты». Были здесь и франки.

На этих собраниях читали стихи, спорили о науке и литературе, слушали музыку, обсуждали вновь написанные книги. Тут присутствовали дочери и сёстры Карла. Алкуин на этих собраниях пользовался особым почётом, как самый сильный в науках и искусствах. Здесь он много раз мог показать свою начитанность и свой ум. Часто случалось, что возникал какой-нибудь спорный вопрос, и тогда Алкуина просили прочесть лекцию на эту тему.

Для этих собраний Алкуин написал немало стихов. Он назвал это учёное сообщество, по примеру древности, «Академией», и не раз восхвалял Карла за то, что тот создал «новые Афины». Конечно, всё это было явным преувеличением: в действительности это был довольно скромный придворный кружок любителей просвещения.

В этом учёном кружке Алкуин ввёл в обиход обычай иоркской школы — давать прозвища из римской, греческой или библейской истории.

Это было счастливое время для Алкуина. Уже стареющий наставник пользовался общим уважением и любовью, вращался среди знатного общества, окружённый учениками и слушателями.

Но от спокойной преподавательской деятельности Алкуину приходилось порой отрываться. Однажды Карл послал его в Англию в качестве посла для переговоров с одним из англосаксонских королей. А вернувшись оттуда, Алкуин должен был по пору-

[1] Подразумеваются колокола.

чению Карла начать трудную словесную борьбу с испанскими еретиками, отступившими по некоторым вопросам от церковного учения.

Когда, наконец, эта борьба окончилась, шестидесятилетний Алкуин мечтал вернуться на родину. Но в Англии тогда разразилась жестокая междоусобная война, и старый учитель нашёл, что спокойнее остаться во Франции. Он стал просить Карла отпустить его на покой в какой-нибудь монастырь. Но Карл думал иначе. Он эти годы носился с мыслями о распространении образования по всей стране, и Алкуин казался ему нужным для работы, как мы теперь сказали бы, на периферии. Карл назначил Алкуина аббатом богатейшего монастыря св. Мартина в Туре и велел там продолжать свою учительскую деятельность. Алкуину не хотелось туда ехать, но он повиновался королю, и с 796 г. мы видим его организатором школы при Турском монастыре. Отсюда он пишет Карлу:

«Я, сообразно вашей воле и настояниям, тружусь теперь под кровом св. Мартина над тем, чтобы одних услаждать мёдом священного писания, других поить чистым старым вином древней науки; иных я начинаю кормить плодами грамматических тонкостей, а других стараюсь просветить наукою о звёздах, наблюдаемых с вершины какого-нибудь высокого здания... На утре жизни моей, в цветущие годы жизни сеял я в Британии. Теперь же, вечером, когда начинает во мне стынуть кровь, я не перестаю сеять во Франции... Я желал бы, чтобы оба посева взошли».

Высказанное в этом письме желание Алкуина исполнилось. Многие ученики Турской школы стали известными учителями монастырских и церковных школ Франции, осуществляя заветы своего наставника.

Умер Алкуин в 804 г. Память о нем среди его учеников держалась долго. Через сто лет после его смерти учитель одной монастырской школы писал:

«Что скажу об Альбине, наставнике Карла императора, который... ни перед кем не захотел быть на втором месте, но в светских и церковных науках постарался превзойти всех? Он составил такую грамматику, что Донат, Досифей[1] и наш Присциан[2] в сравнении с ней показались бы ничем».

Как ни несовершенна была школа средних веков с нынешней точки зрения, но заслуги Алкуина в истории европейской культуры очень значительны: он прививал любовь к книге и знанию и оставил после себя ряд продолжавших его работу учеников.

---

[1] Донат и Досифей — известные латинские грамматики IV в. н. э.
[2] Присциан — римский грамматик VI в. н. э.

РЕДНЕВЕКОВАЯ ДЕРЕВНЯ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Когда в V в. варвары-франки вошли в Галлию, они, конечно, не могли знать, что случится с ними через три-четыре столетия. Они все были одинаково свободны, все воины, все домохозяева. Родичи занимали землю сообща, затем делили её между семьями, и когда род разрастался и людей в нём становилюсь больше, землю делили вновь. Впрочем, земли было много, хватало на всех. Пахал землю каждый сколько хотел или, вернее, сколько мог, так как для большой запашки нужно было много скота и рабов. Луга, леса и болота оставались неделимыми, и деревни пользовались ими сообща: на луга и в леса гоняли свой скот, в лесу охотились, на реках и в озёрах ловили рыбу. Никому не приходило в голову спрашивать, кому принадлежит лес, луг, река, озеро.

Всему этому, однако, скоро пришёл конец. Воины-дружинники, близко стоявшие к королю, во время завоевания Галлии захватили много земли, а те, кто не успел в этом, получили землю в награду от короля. Земля (и захваченная, и пожалованная) была зачастую уже обработана и заселена рабами или зависимыми от прежних римских крупных землевладельцев колонами. Так и в среде самих франков появились богатые землевладельцы, и «маленькому человеку» стало трудно охранять свою независимость и былую свободу.

Богатый землевладелец скоро стал ещё более сильным и опасным для «маленького человека». Государство Каролингов должно было вести длительные и дорогостоящие войны. Ядро войска составляли конные воины, одетые в стальные доспехи. А в те времена сталь стоила дорого; чтобы сделать стальные латы и шлем с панцырем, требовалось большое искусство, много времени и затрат. Вот, например, сколько надо было отдать коров, чтобы сделать себе полное вооружение. За шлем надо было заплатить 6 коров, латы стоили 12 коров, за меч с ножнами — 7 коров, за набедренник — 6 коров, за копьё и щит — 2 коровы, за боевого коня — 12 коров. Всего за полное вооружение надо было заплатить 45 коров — целое стадо!

Богатый человек, превратившись в закованного в сталь воина, наводил страх не только на неприятеля, но и на своих земляков. Бедному человеку некуда стало деваться. Его притеснял богатый

сосед, рядом с его полями расположились угодья богатого монастыря, а «святой», которому был посвящён этот монастырь, был не менее жаден, был не меньшим насильником, чем сосед-воин. И бедному человеку не оставалось ничего другого, как идти на поклон к своим могущественным соседям. В результате бедняк попадал в зависимость от богатого. Происходило это разными путями.

Стеснённый со всех сторон своими могущественными соседями, маломощный земледелец уже не в состоянии был с ростом своей семьи прихватить землицы, чтобы устроить на ней хозяйство своих сыновей. Он шёл к крупному землевладельцу и просил богатого соседа уступить ему землю. Тот соглашался, но с условием, чтобы взявший землю платил с неё те или другие платежи или обрабатывал за полученный надел ещё и барскую землю.

Бывало и хуже. Богатый притеснял бедняка до тех пор, пока этому последнему становилось невмоготу. Защиты просить было не у кого. Король был далеко, да если бы он и выслушал жалобу, всё равно стал бы на сторону знатного. Волей-неволей шёл бедняк на поклон к богатому, и тут происходил на первый взгляд странный обряд. Бедняк «просил», чтобы богатый взял у него землю. Богатый брал её и тотчас же возвращал обратно, но при этом получивший обратно свою землю крестьянин обязывался платить с неё столько-то и столько-то или нести за неё такие-то и такие-то повинности. Тем или другим путём бедняк попадал в зависимость от богатого.

Монастыри действовали ещё хитрее. У них было много земли, никогда раньше не бывшей в обработке: большие леса, болота, земли, заросшие кустарником, и т. д. Пользуясь своим влиянием и силой, монастыри заставляли окрестных крестьян брать такие земли с обязанностью расчистить их, вспахать и засеять, за что уплачивать монастырю не только за эту, вновь обрабатываемую землю, но и за ту, которая была у крестьянина раньше.

Бывало и ещё того хуже. Бедняк, разорившись, мог стать рабом богатого и закабалиться полностью. Документы этих времён говорят нам, что такие случаи бывали очень часто. Были выработаны даже особые формы договоров-записей. Подписавший такой договор или (по неграмотности) поставивший под ним свой знак, тем самым становился чужим холопом. В таких договорах говорилось обычно: «Я, такой-то, по великой моей бедности и заботам, не имея на что одеться и чем питаться, отдаю себя такому-то (богачу), который получает вследствие этого право поступать со мною так, как это принято с прирождённым рабом».

С каждым десятилетием крестьянам становилось всё хуже, всё труднее.

Короли раздавали земли своим дружинникам сначала пожизненно и требовали от них за это несения военной службы. Такие королевские пожалования назывались *бенефициями*. Мало-помалу эти пожалования стали превращаться в наследственные владения, так называемые *феоды*. Король наделял таких крупных владельцев земли правом собирать в пределах их владений

судебные пошлины, брать в свою пользу судебные штрафы за нарушение порядка, за преступления. Крупный владелец вследствие этого сам становился в своём владении государем, судьёй и администратором. Разумеется, при таких условиях бедные люди лишь в виде исключения сохраняли свою свободу. Огромное большинство крестьян стало превращаться в зависимых и крепостных людей. Так прежде свободные франки потеряли свою свободу.

Короли, вельможи, монастыри и церкви владели теперь большими поместьями. Прежние деревенские вольные общины превратились в населённые крепостными крестьянами закабалённые деревни. Крестьянская (раньше вольная) земля теперь считалась собственностью господина, или, как стали называть его позже, — *сеньора*. Крестьяне работали на полях такого сеньора: пахали его землю, убирали хлеб, косили луга, рубили деревья и вывозили их из лесу и, кроме этого, платили ему зерном, мясом, птицею за ту землю, с которой кормились сами.

О том, каковы были эти поместья и какая была там жизнь, мы можем судить по ряду описаний, сохранившихся от тех давних времён.

Большие королевские, монастырские или частные поместья бывали иногда очень крупными. Они включали в себя обширные поля, пашни, леса, луга, десятки деревень и тысячи крестьян. Если поместье было очень большим, оно делилось на части. Во главе поместья стоял управляющий, во главе отдельных частей — особые старосты. Управляющий сам часто бывал знатным человеком. У него были свои земли, рабы, крепостные. Старосты в крупных поместьях часто были выходцами из рабов, но мало-помалу становились тоже знатными людьми.

Посреди такого барского поместья находился барский двор, где хранились всевозможные запасы и прежде всего зерно, получаемое либо с крестьян в виде оброка, либо с барских полей, на которых крестьяне отбывали барщину. Тут же при барском дворе находились всякие службы: винные погреба, рыбные садки, птичьи дворы. При дворе жили ремесленники: кузнецы, плотники, столяры, бочары и т. д. Всё необходимое, таким образом, получалось тут же, в хозяйстве такого поместья. Покупалось лишь самое необходимое, продавались лишь излишки. Такое хозяйство мы называем натуральным хозяйством.

Вокруг барского двора располагались деревни и сёла, населённые крепостными и зависимыми крестьянами. У каждого крестьянина был клочок земли, свой скот и сельскохозяйственные орудия. Крестьянин работал на своём поле, часть своего хлеба отдавал господину да, кроме того, обязан был пахать, сеять, боронить, а затем убирать барское поле. Повинности каждого крестьянина были точно определены и записаны в поместных книгах.

Вот, например, что мы читаем в книге аббатства св. Германа, большого поместья, расположенного недалеко от Парижа. Книга эта была составлена ещё в IX в.

«Вульфард — зависимый человек и жена его свободная, именем Эрмоара, а у них трое детей. Держит этот человек один участок земли, в который входят пашни, виноградники и луг. Должен он платить военного сбора 10 мер вина да за то, что он пасёт свой скот на монастырском лугу, ещё три меры вина да поросёнка одного. Должен он за свою землю пахать на господском поле под озимое и яровое определённое количество земли. Должен убирать хлеб в поле, рубить на господина лес, должен возить хлеб и лес на барский двор и на дворе работать, сколько ему прикажут. Кроме этого он должен давать господину ежегодно 3 курицы, 15 яиц. Если ему прикажут отвезти вино, он должен сделать это. Да из лесу взять и привести 100 драней. Да на лугу скосить такое-то количество сена».

Таких записей мы находим в этой книге тысячи. Управляющие должны были зорко следить за тем, чтобы все оброки и повинности поступали исправно, чтобы все доходы точно учитывались и доводились до сведения господина. В одном из королевских распоряжений, касающихся порядка в крупном поместье короля, мы читаем:

«Пусть управляющие наши ежегодно к рождеству раздельно, ясно и по порядку нас извещают о всех наших доходах, чтобы мы могли знать, сколько вспахано быками, на которых работают наши погонщики, сколько вспахали для нас барщинники, сколько поступило поросят, сколько оброков, сколько штрафов по суду, сколько за дичь, ловленную в заповедных чащах наших без нашего разрешения, сколько за разные проступки, сколько с мельниц, сколько с лесов, сколько с полей, сколько с мостов и судов, сколько со свободных людей, сколько с рынков, сколько с виноградников и с тех, кто платит вином, сколько сена, сколько дров и факелов, сколько тёсу и другого лесного материала, сколько с пустошей, сколько овощей, сколько пшена и проса, сколько шерсти, льна и конопли, сколько плодов с деревьев, сколько орехов, сколько с садов, сколько с огородов, сколько с рыбных садков, сколько кож, сколько мехов и рогов, сколько мёда и воска, сколько сала, жиров и мыла, сколько вина и уксуса, сколько пива, сколько зерна, сколько кур, яиц и гусей, сколько от рыбаков, кузнецов, оружейников и сапожников, сколько от пекарей и сундучников, сколько от токарей и седельников, сколько от слесарей, от рудников железных и свинцовых, сколько с тяглых людей, сколько лошадей».

Таковы были эти барские поместья. Так приходилось работать в этих поместьях крестьянам.

Значит ли это, что вольные люди добровольно, без всякого протеста, надели себе на шею ярмо рабства и зависимости? Конечно, нет. Хроники и другие документы эпохи говорят нам о многочисленных побегах, восстаниях и бунтах крестьян, о поджогах барских замков. Большое количество бродяг по дорогам тоже свидетельствовало о том, что далеко не все выносили тяжесть нового порядка и что многие предпочитали лучше сделаться нищими, чем потерять навсегда свою свободу. Рассказывают, как в одной деревне Сельт, недалеко от города Реймса, крестьяне долго волновались и не желали подчиняться своему господину — реймсской церкви. Их поэтому так и называли «исконные бунтари и мятежники». Однажды (это было в царствование Карла Великого) они восстали, убили управляющего и

перестали платить подати и работать на своих хозяев. С ними жестоко расправились. Зачинщиков предали смертной казни, остальных осудили на вечное изгнание.

Особенно большие размеры принимали восстания в тех местах, где живы были воспоминания о прежней свободе. На самом восточном краю Франкской монархии — в Саксонии, недавно только подчинённой и покорённой Карлом Великим, в 841—842 гг. подняли мятеж непокорные саксонские крестьяне, чтобы вернуться к прежним вольным обычаям и, как они говорили, «жить по старине». Случилось это вскоре после смерти императора Людовика Благочестивого, сына Карла Великого. Сыновья Людовика ссорились между собой. Старший сын, Лотарь, которому досталась императорская корона, хотел, чтобы два других его брата, Карл Лысый Французский и Людовик Немецкий, подчинились ему беспрекословно. Но братья подняли против него восстание, а Лотарь, чувствуя себя слабым, стал подстрекать к восстанию против саксонской знати и короля Людовика Немецкого саксонских крестьян, зная их любовь к свободе и зная, что многие из них эту свободу уже потеряли. Крестьяне составили тайный союз, направленный против своих господ. Этот союз назывался «Стеллинга». Вот что сообщается о нём в одной хронике: «В этот год (841) по всей Саксонии великую власть взяли сервы над своими господами; они присвоили себе имя «Стеллинга» и совершили много неразумных поступков. И благородные этой страны претерпели от сервов великие притеснения и обиды». Вероятно, «благородным» порядком-таки досталось, если монах-летописец, всей душой стоящий на стороне этих «благородных», написал такую фразу относительно сервов (крепостных крестьян).

Лотарь знал, что он делал, когда обещал саксам, и свободным и закрепощённым, притесняемым и обираемым «благородными» и духовенством, возвратить им тот «закон их предков», каким они пользовались в то время, когда были ещё язычниками. Взамен этого император требовал от саксов, чтобы они стали на его сторону в борьбе с Людовиком Немецким.

«Благородные» и духовенство саксов были напуганы восстанием. Многие из них бежали. Они боялись, что саксонские крестьяне соединят свои силы со своими соседями норманнами и славянами, у которых старые вольные обычаи были ещё сильны, и вырежут всех «благородных». Лишь с большим трудом Людовику Немецкому удалось в следующем году подавить крестьянское восстание. Мятежные деревни были преданы огню и мечу, сотни зачинщиков были убиты и повешены, тысячи были искалечены. Летописец спокойно замечает по этому поводу: «Он [Людовик Немецкий] тяжёлой рукой укротил великий мятеж крестьян, пытавшихся утеснить своих законных господ, предав смертной казни главарей восстания». А другой летописец, монах, при этом прибавляет: «нанеся благородный удар восстанию, он [король] низвёл восставших до их прежнего состояния» (т. е. снова поставил их в зависимость от господ).

Так были разбиты крестьяне. К XI в. крестьянство в массе оказалось уже закрепощённым. Покорно и понуро шёл крестьянин за своим плугом, зная, что бо́льшая часть плодов его труда достанется тунеядцу-сеньору. На высоком холме, на склонах гор высился теперь неприступный замок феодала, похожий на гнездо хищной птицы. Оттуда сверху сеньор и его свита — рыцари, закованные в сталь, устремлялись вниз, в долину, где ютились чёрные от копоти жалкие лачуги крестьян, и горе было тем, кто вздумал бы не повиноваться сеньору. Но даже и тогда, когда крестьянин понимал, что всякое сопротивление безнадёжно, когда он послушно выполнял все требования сеньора, он не мог считать себя в безопасности. Феодалы вели постоянные войны друг с другом и, желая подорвать мощь своего врага, разоряли его крестьян, предавали огню деревни, уводили скот, вытаптывали посевы. Неистовая свора рыцарей и их оруженосцев неслась по крестьянским полям, уничтожая всё на своём пути. Грабить мужика было своего рода забавой для «благородных» хищников.

Люблю я видеть, как народ,
Отрядом воинов гоним,
Бежит, спасая скарб и скот,
А войско следует за ним.

Так пели трубадуры XII в., угождая вкусам своих «благородных» слушателей. Разумеется, крестьяне не всегда оставались покорными. Как ни безнадёжно было их стремление освободить себя от гнёта феодалов, их терпение иногда истощалось, и они мстили своим поработителям. Хронист X в. Гильом Жюмьежский рассказывает о большом восстании нормандских крестьян в конце X в.

«Крестьяне повсеместно стали устраивать по разным графствам Нормандии многие сборища и постановили жить по своей воле, дабы и лесными угодьями и водными благами пользоваться по своим законам, не стесняясь никакими запретами ранее установленного права. И чтобы утвердить эти решения, на каждом собрании неистовствующего народа выбирали они по 2 уполномоченных, которые вынесли бы их постановления на утверждение всеобщего собрания внутри страны. Когда узнал об этом герцог, он тотчас же направил против них графа Рауля со многими рыцарями, чтобы они дерзость деревенщины и крестьянское сообщество прекратили. И вот он без замедления тайно взял всех крестьянских уполномоченных вместе с некоторыми другими и, отрубивши руки и ноги, отослал искалеченными единомышленникам, чтобы они удержали остальных от таких затей и примером своим вразумили их, чтобы они не испытали ещё более худшей участи. Вразумлённые таким образом крестьяне поспешили прекратить свои сборища и вернулись к плугам своим...»

В начале XI в. крестьяне Бретани, доведённые до отчаяния, подняли восстание «без вождей и оружия». Рыцари потопили

Рыцарский замок.

этот мятеж в потоках крови. Но волнения то здесь, то там продолжались.

«Накануне крестовых походов, — рассказывает хронист, — множество людей страдали от недостатка пищи, и бедняки, бросившись на богатых, мстили им грабежом и разбоями».

Рыцари, чем дальше, тем всё больше, привыкали считать себя людьми избранными, благородными и с презрением смотрели на простой народ, который, по их мнению, должен был их кормить и одевать и при этом быть всегда покорным своим господам. «Мужику не нужно давать обрастать жирком. Богатый мужик строптив и норовит выйти из повиновения. А поэтому нужно держать крестьян в чёрном теле». Вот что по этому поводу находим в одной песенке XII в., выражающей взгляды дворян-рыцарей:

Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы!
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, необогретым!..
. . . .

И дальше:

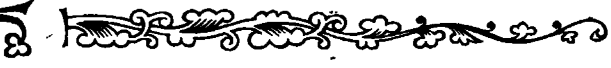
Нрав свиньи мужик имеет,
Жить пристойно не умеет.
Если же разбогатеет,
То безумствовать начнёт.
Чтоб вилланы не жирели,
Чтоб лишения терпели, —
Надобно из года в год
Век держать их в чёрном теле...

В течение всего средневековья крестьянство принуждено было подчиняться своей злой участи. Оно не в силах было успешно бороться за свою свободу с закованными в сталь насильниками. Все восстания крестьян в средние века неизменно подавлялись. Маркс и Энгельс так объясняли причины этого явления: «Все крупные восстания средневековья исходили из деревни, но и они, ввиду раздроблённости и связанной с ней крайней отсталости крестьян, оставались совершенно безрезультатными»[1]. Товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Людвигом прибавил к этому: «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьёзному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»[2].

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 42.

[2] Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Партиздат, 1937, стр. 23—24.

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

1. НАЧАЛО КРЕСТОНОСНОГО ДВИЖЕНИЯ.

В конце XI в. в Западной Европе началось широкое движение на Восток, известное под именем крестовых походов. Крестоносцы хотели захватить «святую землю» — Палестину с её главным городом Иерусалимом. В движении приняли участие феодалы и крестьяне; ему содействовали горожане. Почему же массы населения вдруг устремились на Восток? Чем они были недовольны у себя дома и чего они искали на чужбине?

В крестовых походах принимали участие рыцари, бароны, графы и короли. Почему они бросали свою родину, составляли отряды и ехали на Восток? Ведь у них были свои поместья и замки; на этих баронов и рыцарей работали крестьяне.

Сами крестоносцы и их вожди утверждали, что их единственной, заветной целью является освобождение Палестины, где жил и проповедывал Христос и где находится «гроб господень», из рук «неверных» (мусульман). В действительности, тут были вполне материальные причины и цели.

В те времена феодальные семьи часто бывали многодетными. Рыцарь, имевший замок и поместье, часто насчитывал 8—10 сыновей. В некоторых местах отец делил свой феод на клочки и давал каждому сыну частицу, но в большинстве мест установился обычай передавать всё владение *старшему* сыну. Тогда младшие сыновья становились монахами или получали от родителей коня и полное вооружение и превращались в странствующих рыцарей. Мечтой каждого странствующего рыцаря было получить в своё распоряжение приличное званию поместье и прекратить бродячую жизнь. Вот почему среди странствующих и обедневших рыцарей оказалось много охотников отправиться на богатый Восток, в Иерусалим, так как там были плодородные земли; об этом говорил и папа Урбан II на церковном соборе в Клермоне.

В крестоносном движении приняли участие также крестьяне. Положение крестьян в XI в. было очень тяжело. Во Франции,

например, за столетие (от 1000 до 1100 г.) насчитывалось 40 неурожайных лет, т. е. из двух-трёх лет один год был неурожайным. В летописи 1086 г. мы читаем: «Наступил сильнейший голод... бедняки ели трупы овец, коней, быков... пожирая вместо хлеба виноградные листья». Летописная запись 1093 г.: «Была великая засуха... Она вызвала бесплодие земной утробы, скудость урожая на хлеб и иные плоды». В следующем 1094 г.: «Пшеницы покрылись туманами и не вызревали». Иногда же урожая не было оттого, что крестьяне съедали свои скудные запасы, и не оставалось на семена, нечем было сеять. Повальные болезни, следовавшие за каждым голодным годом, увеличивали страдания крестьян. Но ни голод, ни болезни не освобождали крестьян от выполнения феодальных повинностей. Ведь и в голодные годы с них требовали уплаты десятины в пользу церкви, требовали уплаты оброка в пользу феодала-помещика и налогов в пользу короля. Желая избавиться от тяжёлых условий жизни, крестьяне стремились уйти и искать счастья на чужбине, бросая свою хижину и убогое хозяйство.

В XI в. в Западной Европе стали расти города. Прежде это были укреплённые посёлки, ещё сохранившие деревенский быт. Жители городов пахали землю, разводили домашний скот и вели другие сельскохозяйственные работы, одновременно занимаясь ремёслами и торговлей. Торговля была преимущественно местной, охватывала небольшой район и за его пределы редко выходила. Предметы роскоши, как, например, шёлковые ткани, украшения, дорогую обувь, вина, а также и ценное оружие изредка привозили восточные купцы (греки, сирийцы, евреи, арабы) и продавали эти товары очень дорого.

В городах в XI в. стала сильней развиваться торговля, европейские торговцы хотели сами покупать восточные товары и продавать их в Европе. В торговле с Востоком особенно заинтересованы были итальянские города: Венеция, Генуя, Пиза, Амальфи. Когда крестоносцы уже отправились на Восток, то горожане некоторых приморских городов помогали крестоносцам: давали в наём свои корабли, чтобы перевезти крестоносцев, доставляли им за деньги осадные машины для штурма крепостей, продовольствие и другие предметы, необходимые для войны.

Итак, в народных массах (в деревне и в городе) росла готовность выступить в поход для завоевания плодородных земель и богатых стран на Востоке. Толчком к такому завоеванию послужили следующие обстоятельства.

В XI в. в арабских государствах Азии стали играть большую роль кочевники-турки, вышедшие из Средней Азии. В 1059 г. турки свергли Багдадского халифа и установили свою власть над народами Сирии, Палестины и Малой Азии. Кибитки турок-сельджуков на азиатском берегу Босфора видны были из Константинополя. В это же время орды печенегов (народа, родственного туркам) вторглись из причерноморских степей (из степей теперешней Украины) на Балканский полуостров, в пределы

Византийской империи. Печенеги подошли почти к самому Константинополю и стали угрожать городу. Византийский император Алексей Комнин в 1091 г., вследствие исключительно трудного положения государства, разослал письма в разные страны и просил о помощи. Одно такое письмо, как говорят, было отправлено графу Роберту Фландрскому.

В этом письме византийский император будто бы писал следующее: «Святейшая империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками; они грабят её ежедневно и отнимают её области... Почти вся земля от Иерусалима до Греции подверглась их нашествию. Остаётся один Константинополь, но они угрожают в самом скором времени и его отнять у нас, если не подоспеет быстрая помощь верных христиан латинских... Я сам, облечённый саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу спасения: я принуждён бежать перед лицом турок и печенегов. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам. Я напоминаю вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях, которые накоплены в столице нашей. Сокровища одних церквей в Константинополе могут быть достаточны для украшения всех церквей мира. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих. Итак, спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие сокровища не достались в руки турок и печенегов... Итак, действуйте, пока есть время, дабы христианское царство и, что ещё важнее, — гроб господень, не были для вас потеряны...»

Подобное обращение за помощью вряд ли было написано в действительности византийским императором, но это письмо распространялось среди рыцарей и графов и производило большое впечатление на феодалов.

Рассказы побывавших на Востоке лиц — путешественников по святым местам, или, как их называют, паломников — передавались из уст в уста и приобретали сказочный характер. Но для того чтобы движение началось, нужно было объединить разрозненные желания людей и поставить перед ними одну общую цель. Эту задачу выполнила католическая церковь во главе с римским папой.

Возвращаясь обратно в Европу, паломники рассказывали о виденных ими странах и, чтобы сильнее подействовать на слушателей, говорили о том, что эти благословенные богом земли находятся в руках «неверных», т. е. мусульман, и что неверные владеют святынями христиан, оскорбляют и даже разрушают священные храмы. Особенно сильное впечатление производили рассказы странствующего проповедника Петра Пустынника. Один современник рассказывал про него следующее: «Народ окружал его толпами, приносил ему дары и прославлял его святость с таким усердием, что я не помню, чтобы когда-либо кому-нибудь были оказаны такие почести...

Клермонский собор. Начало крестовых походов.

Многие выдирали шерсть из его мула, чтобы хранить её, как святыню».

Проповеди паломников, в особенности же Петра Пустынника, возбуждали народные массы и подготовляли их к крестовому походу. Пользуясь этим, папа Урбан II созвал в 1095 г. в городе Клермоне (на юге Франции) церковный собор. На этом соборе присутствовало 13 архиепископов, 225 епископов, множество аббатов. На этот собор приехали в большом числе сеньоры — феодалы из окружающих областей, а также огромное число других лиц, желавших присутствовать на соборе. Собралось так много, что ни одно здание не могло вместить всех собравшихся. На собор явился также римский папа. Он обратился к народу, собравшемуся на городской площади, с такой речью:

«Народ персидского царства, народ проклятый, чужеземный... напал на земли христиан, опустошил их мечом, грабежом, огнём, а жителей отвёл к себе в плен и умертвил позорною смертью... Кому же может предстоять труд отомстить за это и вернуть награбленное, как не вам, которых бог одарил перед всеми народами и славою оружия, и великим духом, и телесными силами, и доблестью к покорению сопротивляющихся вам? Земля, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие того она сделалась тесною при вашей многочисленности; богатствами она не обильна и едва даёт хлеб тем, кто на ней трудится. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведёте войны, наносите смертельные раны. Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Идите ко гробу святому; исторгните ту землю у нечестивого народа и подчините её себе. Земля та течёт молоком и мёдом; Иерусалим — плодоноснейший перл земли, второй рай утех. Он просит, ждёт освобождения и непрестанно молит вас о помощи...»

Собравшиеся, выслушав речь папы, единодушно воскликнули: «Так хочет бог, так хочет бог!» Многие стали нашивать на свои одежды кресты из красной материи. Немедленно после собора начали собираться войска для отвоевания у мусульман Палестины и других земель. Так было положено начало крестовым походам. Их было несколько.

2. НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ.

Весной 1096 г. начался Первый крестовый поход. Возбуждённые горячими речами проповедников, толпы измученных голодом и феодальным гнётом крестьян, странствующих рыцарей, монахов, бежавших из монастырей, сходились со всех сторон: из Испании, из Прованса, из Бретани, Нормандии, Англии, Бургундии и из Германии. Здесь были люди всех возрастов: старики, юноши, даже мальчики. Во главе каждого отряда был свой проповедник. Так, составлялись отряды под руководством Петра Пустынника, священника Готшалька и другие. Эти толпы крестоносцев не представляли себе ни дальности и трудности пути, ни предстоящих им опасностей; они не имели почти никакого оружия. Их вожди-проповедники были люди невежественные, незнакомые с военным делом и организацией военных походов. Но народ был полон энтузиазма, он верил в лучшее будущее, в своё освобождение от гнёта.

Народное ополчение, не имея ни правильной военной организации, ни запасов продовольствия, ни общего командования, двинулось от Рейна вдоль Дуная и затем через Балканский полуостров к Константинополю, надеясь отсюда попасть в Палестину и захватить Иерусалим. Так как продовольствия у ополченцев не было, то вся масса крестоносцев должна была питаться за счёт населения, через земли которого проходила. Крестоносцы разбивались на мелкие отряды, уходили в сторону от главной дороги и грабили население. Когда отряд под начальством Готшалька, шедший впереди других, вступил на территорию Венгрии и начал свой обычный грабёж, то венгерские феодалы под командой своего короля Коломана уничтожили этот отряд. Следующие отряды миновали Венгрию сравнительно благополучно. Но с переходом на территорию Болгарии крестоносцы должны были выдерживать упорные бои. Болгары не пропускали через свои владения крестоносцев, считали их своими врагами; крестоносцам приходилось пробиваться силою, так что, прибыв в августе месяце в Константинополь, крестоносцы сильно поубавились в числе.

Крестоносцы расположились лагерем возле Константинополя, в месте, отведённом византийским императором. Они имели необходимое продовольствие, тем не менее продолжали заниматься грабежами и насилиями, так что греки поспешили поскорее переправить крестоносцев в Малую Азию. Там они почти целиком

были уничтожены турками в первом же сражении, и только жалкие их остатки спаслись от преследований турок и переправились в Европу. В числе спасшихся был и Пётр Пустынник, который теперь решил подождать рыцарские ополчения, двигавшиеся уже к Константинополю.

3. В МАЛОЙ АЗИИ.

Рыцарские ополчения шли к Константинополю разными дорогами из Лотарингии, Франции, южной Италии. Рыцари везли с собою свои семьи, своры охотничьих собак, принадлежности для охоты и рыбной ловли и ловчих птиц. Каждого рыцаря сопровождали слуги в бо́льшем или меньшем числе, в зависимости от знатности и богатства рыцаря.

Двигавшиеся через Малую Азию рыцарские ополчения попали в трудные условия. Непривычная жара, недостаток воды и продовольствия, постоянные неожиданные нападения турок изнуряли крестоносцев. В походе войско разбивалось на отряды, чтобы достать припасы для себя и корм для лошадей. Но, разделяясь на отряды, войска не уходили далеко друг от друга, чтобы при внезапном нападении турок получить скорее помощь от других отрядов.

Такой случай внезапного нападения турок описывает нам один участник похода. Он рассказывает, что едва Боэмунд Тарентский и другие рыцари сошли с коней, как турки появились перед ними с огромною армией.

Немедленно турки напали на войско христиан и, распространившись по всему лагерю, умерщвляли всех встречных; одни погибали от стрел, другие от меча; многих жестокий неприятель забирал в плен. Народ был объят ужасом. Раздавались стоны и вопли. Женщины погибали вместе с мужчинами и детьми. Роберт Парижский, стремясь на помощь несчастным, был смертельно поражён стрелою. Боэмунд Тарентский (из южной Италии) и другие вожди, озадаченные неожиданным поражением, вскочили на лошадей, поспешно надели панцыри и, соединив остатки армии в одно целое, защищались мужественно.

Современник пишет:

«Придя в ужас от таких жестокостей и опасаясь для себя ужасной смерти, молодые девушки, и даже самые благородные, поспешили надеть на себя лучшие одежды и явились перед турками в надежде, что они, укрощённые и вместе воспламенённые их красотою, почувствуют жалость к их пленницам...»

«Паства верующих оставалась в отчаянии, и сам Боэмунд, атакованный врасплох, сопротивлялся уже с меньшим жаром. Около 4 тысяч человек христианской армии уже пали под ударами неприятеля. И вот вестник, оседлав быстрого коня, летел над пропастями гор и прибыл печальный, задыхаясь, к герцогу Готфриду» (Готфриду Бульонскому из Лотарингии).

Воины и рыцари-крестоносцы.

Герцог немедленно приказал трубить сбор, и рыцари помчались на выручку к своим попавшим в беду товарищам. Турки на своих быстрых конях ускакали, не приняв нового боя.

Вскоре после этого сражения крестоносная армия вступила в безводную и раскалённую от зноя долину, где оставалась в течение нескольких дней, так как вследствие чрезмерного жара невозможно было двигаться далее. Крестоносцы стали испытывать крайний недостаток в воде. В один день (август 1097 г.) «около 500 человек обоего пола погибли в муках жажды. Лошади, ослы, верблюды, мулы, быки и другие животные пали от той же самой причины... Мужчины, ослабевшие от чрезмерной испарины, бродили с открытым ртом, чтобы больше вдыхать в себя воздуха и уменьшить муки жажды, но всё это не облегчало их».

Как мы уже сказали, рыцари везли с собою своры охотничьих собак и ловчих птиц. И теперь «соколы и другие ловчие птицы, составлявшие радость знатных и благородных господ, околевали от жажды и жары на руках тех, которые носили их, и собаки, приученные к охоте, падали у ног своих владетелей. В то время, когда все были мучимы таким страшным бедствием, показалась вода той реки, которую так искали и так страстно желали. Все бросились к тому месту, и в толпе, бежавшей вдруг, каждый старался опередить другого; никто не обнаружил умеренности,

и множество людей и животных пострадало и, наконец, погибло от излишества в утолении жажды».

Один отряд крестоносцев отделился от главных сил и направился по извилистым горным тропинкам. Вскоре обнаружился острый недостаток съестных припасов. «Лошади, лишённые корма, с трудом передвигали ноги и не могли на себе нести всадников. Но горы остались, наконец, позади. Главные вожди разбили свои палатки на хорошем месте, среди лугов. Утвердившись там, сложив своё оружие и добычу и видя перед собой лес, наполненный дичью, они взяли свои луки и колчаны, подпоясались мечом и отправились искать дичи, пустив вперёд своих собак».

Так рыцарские ополчения совершали свой путь на восток, в Сирию и Палестину.

4. ПОД СТЕНАМИ АНТИОХИИ.

Антиохия лежит в долине реки Оронта. Во время крестовых походов она была значительным городом, удобно расположенным недалеко от Средиземного моря. Город был защищён рекою и болотом, а также труднопроходимыми горами. «Он занимает в длину протяжение в 2 мили, — писал участник крестового похода, — и до того укреплён стенами, башнями и выступами, что не боится никаких усилий машин, ни приступа людей, хотя бы против него вооружился целый мир». «Стены, и без того высокие, были ещё защищаемы рвом и болотами, так что если хорошо охранять городские ворота, то об остальном нечего было беспокоиться».

Войско крестоносцев расположилось возле Антиохии лагерем. Так как каждый заботился о своих личных интересах и устраивался, как хотел, то часть войск распылилась, захватив окрестные замки и городки. Но оставалось ещё много народу под Антиохией. В лагере общего командования не было. Каждый разбивал свои палатки, где он находил нужным, не считаясь с общими интересами осаждавших и военной целесообразностью. Продовольственное положение осаждавших в начале осады было весьма благоприятным. Крестоносцы сначала имели в изобилии съестные припасы, так что у быка вырезывали на жаркое самые лучшие куски мяса, остальное бросали собакам.

У осаждавших происходили частые стычки с осаждёнными. Временами при этих вылазках возникала опасность даже для самого лагеря осаждавших. Зато в случае победы крестоносцы захватывали богатую добычу. «Стоило в то время посмотреть на наших бедняков, — пишет участник похода, — как они возвращались в лагерь после победы. Одни бегали по палаткам, ведя за собою несколько лошадей, и показывали товарищам всё, что может утешать их в крайности; другие, надев на себя три-четыре шёлковых одежды, прославляли бога, даровавшего им победу и эту добычу; иные, неся на руке три-четыре щита, выставляли их напоказ в знак своего торжества».

Осада Антиохии затянулась. Положение крестоносного лагеря значительно ухудшилось, так как безрассудная трата продовольствия, которое имелось в окрестностях Антиохии в первые месяцы осады, привела к полному истощению запасов у окрестного населения; крестоносцы стали голодать. «В лагере, — пишет участник похода, — недостаток дошёл до того, что одному человеку нехватало в день хлеба на два солида (2 золотые монеты), и все прочие припасы продавались также дорого. Бедные начали покидать лагерь; многие из богатых, опасаясь бедности, также ушли; а те, которые по чувству долга продолжали оставаться, видели с грустью, как их лошади околевали ежедневно с голоду; соломы было мало, а сено было так дорого, что для корма одной лошади на ночь нехватало семи и даже восьми солидов».

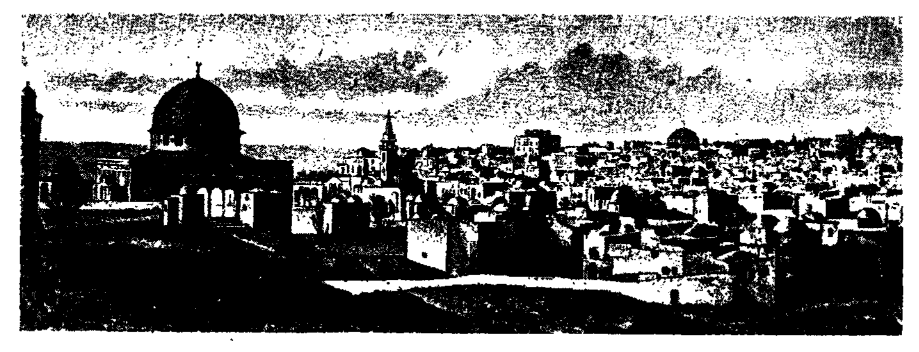
Герцогу Боэмунду удалось подкупить одного из командиров турецкой армии, защищавшей Антиохию. Заранее подготовленный отряд рыцарей подошёл ночью к башне, которую охранял предатель. От него было получено сообщение: «Подождите, пока пройдёт фонарь». (Во время осады в течение всей ночи ходили по стенам Антиохии три-четыре человека с фонарём, чтобы поддерживать внимание стражи.)

Когда люди с фонарём прошли, крестоносцы приставили заготовленные заранее лестницы к стенам и начали подниматься наверх. Затем открыли ворота, и в город вошли главные силы; началась резня на улицах. Участник похода, описавший борьбу за овладение Антиохией, писал: «Мы не можем с точностью определить, сколько пало сарацин и турок, и было бы жестоко рассказывать о видах смерти, которыми они погибали или были подвергнуты. Трудно также сказать о количестве добычи, которая была собрана внутри Антиохии; представьте себе, сколько можете, а к этому ещё прибавьте».

Крестоносцы, захватив громадную добычу, стали предаваться разгулу, устраивали пиры, утопали в разврате. Так «благочестивые» ревнители веры старались вознаградить себя за долгий путь и тяжёлую осаду.

Но через несколько дней после захвата Антиохии крестоносцы сами были осаждены турками, шедшими на выручку Антиохии, но опоздавшими и прибывшими уже после её падения.

В Антиохии продовольственные запасы были израсходованы. Начальник турецкой армии Кербога, обложивший Антиохию со всех сторон, надеялся на то, что крестоносцы скоро должны будут сдаться, так как они не в состоянии будут из-за голода выдержать продолжительную осаду. Положение крестоносцев стало критическим. Спасением для осаждённых явилась легенда, будто бы в городе Антиохии находится копьё, которым якобы было пробито ребро Христа. Вожди крестоносного ополчения нашли какое-то ржавое железное копьё, выдали его за подлинное копьё древних римлян, обладающее чудесными свойствами, и убедили рыцарей в том, что, имея это копьё, крестоносцы поражения не потерпят. Была произведена вылазка. Турки не

Общий вид Иерусалима.

могли сопротивляться натиску рыцарей, так как турки не имели на себе кольчуг и лат, и ушли из-под стен Антиохии. Власть в городе захватил Боэмунд, не пожелавший идти дальше к Иерусалиму. Пошли только те рыцари, графы и бароны, которые не успели ещё захватить для себя владений и которые надеялись, что на их долю достанутся замки и города в Палестине. Но многие рыцари овладели замками турецких, сирийских и других феодалов и стали считать теперь эти владения своими.

5. ЗАХВАТ ИЕРУСАЛИМА.

Три года двигалось ополчение от Константинополя до Иерусалима.

В июне 1099 г. крестоносцы подошли к стенам Иерусалима. С 1098 г. Иерусалим находился во власти египетского халифа. Город был снабжён всем необходимым, чтобы выдержать осаду; его охрана была поручена сильному гарнизону.

Крестоносцы отказались от мысли взять хорошо укреплённый город приступом, поэтому они его осадили. Генуя и Пиза доставили крестоносцам осадные машины и механиков. Эти же города доставили крестоносцам продовольствие.

Теперь крестоносцы пустили в ход привезённые осадные машины, стараясь сделать пролом в стене. Но жители Иерусалима отчаянно сопротивлялись. Когда раскачиваемый осаждавшими таран стал ударять в одно и то же место стены, чтобы её пробить, то жители на верёвках спускали со стен города мягкие матрацы или мешки, набитые соломой. Таран ударял по соломе и отскакивал назад, не достигнув цели. Осаждённые бросали со стен пылающие факелы, стремясь уничтожить огнём деревянные осадные машины. Бои носили упорный характер.

Чтобы поднять настроение войска и подготовить его к предстоящему упорному бою, духовенство, сопровождавшее войско крестоносцев, организовало торжественные церковные службы и религиозные процессии и внушало массе мысль о том, что сам бог поможет крестоносцам.

Военный план крестоносцев состоял в следующем: ворваться в город сразу с трёх сторон. С целью обмануть бдительность гарнизона, приготовления к осаде делались в одном месте, с тем чтобы под покровом ночной тьмы перетащить осадные машины в другое место, где враг не ожидал нападения, и там ворваться в город. Этот план удался. Тяжёлые машины с трудом были перевезены за ночь почти на целую милю от прежнего места; осадные башни были придвинуты к стене вплотную, так что осаждавшие могли переходить из своей осадной башни на стены города и вести рукопашный бой. Когда взошло солнце, осаждённые увидели опасность для себя там, где её не ожидали. Среди них начался переполох. Этим воспользовались крестоносцы, и Иерусалим был взят (14 июля 1099 г.).

Победители избивали жителей Иерусалима без разбора. «Страшно было смотреть, — писал один средневековый историк, — как валялись повсюду тела убитых и разбросанные члены и как вся земля была облита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленные головы представляли ужасное зрелище, но ещё более приводило в трепет то, что сами победители были в крови с головы до ног. В черте иерусалимского храма, говорят, погибло до 10 000 неприятелей сверх тех, трупы которых валялись по улицам и площадям и которые были умерщвлены в разных местах города; говорят, число таких было также немалое. Остальная часть войска разошлась по городу и, вытащив, как скотов, из узких и отдалённых переулков тех, кто укрывались от смерти, избивала их на месте. Другие, разделившись на отряды, ходили по домам и извлекали оттуда отцов семейств с жёнами и детьми, прокалывали их мечом или сбрасывали с кровель и таким образом ломали им шею. При этом каждый, ворвавшись в дом, обращал его в свою собственность со всем находившимся в нём, ибо ещё до завоевания города было условлено между ними, что по завоевании каждый присваивает себе на вечные времена всё, что он успеет захватить. Ходя таким образом по городу..., каждый, в знак овладения домом, вешал на дверях свой щит или другое оружие, чтобы таким путём объявить другим, что они должны идти дальше, ибо это место имеет уже для себя господина».

По окончании борьбы крестоносцы решили устроить покаянные церемонии, чтобы очистить себя от совершённых грехов. С этой целью они ходили босиком по «святым местам», ползали там на коленях, плакали, где полагалось это делать, и жертвовали часть награбленного в пользу бедных, нищих и стариков. Решив, что этим они добились прощения у своего бога, захватчики вступили в обладание своими новыми домами. «В домах, которыми они овладели силою, найдено было в огромном количестве золото, серебро, драгоценные камни и одежды, фрукты, вино, масло, даже вода, в которой они весьма нуждались во время осады». «Они проводили весёлые и счастливые дни, заботились о своём теле и отдыхали, наслаждаясь пищей и покоем».

Предстояло ещё неприятное дело: нужно было очистить город от трупов. Для этого употребили оставшихся в живых мусульман, которых содержали под арестом в оковах. Но мусульман было мало, и для очистки города от трупов наняли рабочих-христиан, сопровождавших войско крестоносцев. Трупы частью сожгли, частью зарыли.

После этого завоевателям предстояло организовать новое государство — Иерусалимское королевство — и установить в этом новом королевстве такие порядки, в которых были заинтересованы герцоги, графы и бароны, т. е. феодальный строй. Эти порядки, во всём напоминавшие западноевропейские, и были установлены.

Вся организация Иерусалимского королевства была пропитана феодальным началом. Земля была поделена на лены и распределена между рыцарями, стоявшими в иерархическом подчинении друг другу и обязанными непрерывною конною военною службою. Рыцарскую землю частью обрабатывало местное, палестинское, население, состоявшее в крепостной зависимости от рыцарей, частью же пришлое из Европы крестьянство, владевшее частицами рыцарских ленов на условиях свободной аренды. Городское население самоуправлением не пользовалось и было подчинено тем же рыцарям, за исключением проживавших в городах итальянских купцов (генуэзцев, венецианцев и пизанцев), которые жили независимыми коммунами (самоуправлениями).

Крестоносцы в Византии

Летом 1147 г. к границам Византии подступали две огромные армии. Впереди двигались немецкие рыцари во главе с императором Конрадом III; вслед за ними шли французские рыцари со своим королём Людовиком VII.

Путь этих армий лежал на восток. Отряды рыцарей стремились вступить в борьбу с сарацинами, отвоевать у них обратно княжество Эдесское, которое незадолго до того было отнято у крестоносцев.

Всё ближе к границам Византии продвигались силы немецких и французских рыцарей-крестоносцев.

Слух о приближении этих войск встревожил всё население Византии, вызвал толки и споры. Некоторые беззаботно твердили, что опасаться нечего. Ведь рыцари запада идут на восток со святой целью. Они спешат сразиться с врагами христианства — мусульманами. Чего же бояться мирному христианскому населению Византии? Рыцари запада пройдут всю страну, никого не затронув...

Но многие недоверчиво качали головами и говорили: «Ничего хорошего нельзя ждать от жадных и грубых рыцарей». Таково было мнение более опытных и осторожных, тех, кому приходилось наблюдать крестоносцев запада. Чем дальше, тем шире расползались по стране тревожные слухи о численности и мощи рыцарей.

«Шли они в бесчисленном множестве, превосходя собою морской песок, так что и Ксеркс в древности, переплывая Геллеспонт, не мог гордиться столькими тысячами», — рассказывает один византийский историк (Иоанн Киннам).

При переправе через Дунай крестоносцев встретили чиновники византийского императора. Им было приказано вести счёт всем переправлявшимся через Дунай. Чиновники насчитали будто бы до 90 000 и сбились со счёта.

Дальновидный император Византии, Мануил, подозревал, что крестоносцы несут большую угрозу его стране. Благочестивые цели, которыми прикрывалось движение рыцарей, не рассеивали опасений Мануила. По выражению византийского историка, «император боялся, что под овечьей шкурой идут волки, или, как говорится в греческой басне, «под ослиною шкурою — лев, а под львиною — лисица прикрылась».

Император созывает своих военачальников. Он призывает их быть наготове: в страну вторгается огромная армия. У неприятеля много конницы, тяжело вооружённых людей, облечённых в крепкие доспехи; бесчисленна неприятельская пехота. Люди закованы в броню и кровожадны; в их глазах сверкает огонь жестокости и жадности; они чаще омываются в крови, чем в воде... Так говорил император Мануил.

Тут же были отданы необходимые распоряжения. Часть византийских военных сил была оставлена для защиты Константинополя. Остальным войскам было приказано следовать на некотором расстоянии за армией западных рыцарей и препятствовать тем, кто будет отделяться от армии для грабежа и добычи.

Военачальники поспешно удалились. Закипела лихорадочная работа. Строители восстанавливали городские башни, вереницы телег, груженых камнем, подъезжали к столице. Спешно чинились стены, заделывались проломы в них. Войскам выдавалось новое вооружение, старые заржавевшие панцыри заменялись новыми. Коннице были розданы длинные копья с железными наконечниками.

Воины щедро наделялись деньгами из императорской казны. Военачальникам было строго наказано не вступать в столкновения, не затрагивать рыцарей, но неотступно следить за ними и пускать оружие в ход лишь для защиты населения.

С какими намерениями идут крестоносцы? Мир или войну несут они грекам? Этот вопрос волновал всех.

Послы императора явились, наконец, к вождям крестоносцев и заявили им: «Начать без объявления войну с людьми, которые вам не причинили никакой обиды, этого ещё никто не считал делом святым и честным». Императорские послы требовали от крестоносцев, чтобы те, вступая на греческую землю, поклялись не приносить обид и оскорблений ни императору, ни населению страны. «Если вы не желаете дать этой клятвы, почему бы вам не объявить войны открыто?» — так заявляли греческие послы. Император Конрад успокоил послов. Он высказал готовность дать требуемую клятву, так как его люди всецело охвачены стремлением поскорее попасть на восток и начать войну с неверными.

Послы вернулись в столицу.

Армия немецких рыцарей прошла Дакию[1] и начала продвигаться в глубь византийской территории. И сразу же возникли столкновения.

Крестоносцы вели себя необузданно и грубо. Они захватывали скот, запасы хлеба, продукты, ничего не желали покупать — с мечом в руках рыцари отнимали всё силой. Тех, кто сопротивлялся, рыцари убивали без колебания.

Тщетно пытались обиженные греческие крестьяне и землевладельцы жаловаться вождю крестоносцев — императору Конраду.

---

[1] Дакия — нынешняя Румыния.

Немецкий император равнодушно пожимал плечами; ему досаждали эти жалобы, и он раздражённо отвечал, что всему причиной — необузданность его своевольных рыцарей, которых немыслимо сдержать.

Вскоре немецкую рыцарскую армию постигла первая неудача. Лагерь, расположенный на горном склоне невдалеке от морского берега, был затоплен водами двух рек, которые после обильных дождей вышли из берегов. Стремительным потоком было снесено в море много воинов и предметов снаряжения.

Но даже после этой неудачи Конрад продолжал вести себя как завоеватель в покорённой стране. Он потребовал от византийского императора, чтобы тот встретил его на пути к столице. Не получив ответа, Конрад с частью своего войска подошёл к стенам столицы и занял загородный дворец Филопатион.

Зная о негодовании, вызванном грабежами крестоносцев, Конрад пишет послание императору Мануилу. В этом послании Конрад желает выказать себя миролюбивым, хочет снять с себя ответственность за грабежи и насилия, творимые немецкими рыцарями. Эти грабежи произошли-де не по его государевой воле, и с этим тяжким злом ничего не поделаешь:

«Не обвиняй нас, — пишет Конрад, — в тех преступных действиях, которые недавно совершены в твоей земле толпами нашего войска, и не досадуй на это, потому что не мы сами были причиною того, — всё это произведено безумною стремительностью толпы, своевольно покушавшейся на такие преступления. Ведь где блуждает и скитается иноземное и пришлое войско, — либо для обозрения страны, либо для добывания необходимых припасов, — там подобные преступления с обеих сторон, думаю, естественны».

Хитрое и лицемерное послание немецкого государя вызвало справедливое негодование и возмущение при византийском дворе. Император Мануил немедля шлёт Конраду ответное послание — внешне вежливое, спокойное по тону, но пропитанное ядовитой иронией:

«И нашему величеству небезызвестно, что стремительность толпы есть явление необузданное и трудно поправимое. Потому-то, конечно, мы, не связанные ни обещанием, ни чем-либо другим, озаботились, как бы не обидеть вас, как бы вам, людям иностранным и пришлым, пройти по нашей земле безвредно, так чтобы мы не нарушили свой долг гостеприимства и не навлекли на себя порицания.

Но коль скоро вы, как мудрецы, умеющие хорошо исследовать природу вещей, представляете такие дела[1] не подлежащими обвинению, — за то мы даже благодарим вас.

Впредь мы уже не будем стараться удерживать народного порыва и свалим всё на безумие толпы, чему вы нас научили своим примером. В этом случае вам выгодно будет не ходить

---

[1] Такие дела — необузданные порывы масс.

вразброд и не скитаться так по чужой земле: ибо если с обеих сторон народным толпам будет предоставлено увлекаться своими порывами, то иностранцы, естественно, потерпят много от туземцев».

Между тем византийские полководцы не теряли времени даром. Два лучших, испытанных военачальника, Василий Чикандил и Просух, сообщили императору своё мнение о немецком войске. По их отзыву, немецкие рыцари закованы в хорошие латы, но конница их на бегу не легка, они идут беспорядочной массой, и дисциплинированное войско может в столкновении с немецкими рыцарями рассчитывать на победу.

Чикандилу и Просуху было приказано вступить в бой с главными силами немецких крестоносцев. Пока Конрад, ничего не подозревая, жил в загородном дворце вдалеке от своего войска, его главные силы подверглись нападению.

Византийская армия была умело построена против неприятеля. Сзади располагались нестроевые части, перед ними непроницаемой стеной были размещены тяжело вооружённые латники; ещё ближе к неприятелю стояла лёгкая конница и, наконец, впереди, лицом к противнику, — наёмные отряды скифов вперемежку с византийской пехотой.

Стремительный натиск немецких рыцарей разбился о твёрдо стоявшую на своих позициях византийскую армию. Рыцари, встретив стойкое сопротивление, дрогнули и в беспорядке стали отступать, преследуемые лёгкой скифской конницей.

Известие об исходе сражения было получено византийским императором в тот момент, когда Конрад ещё оставался в полном неведении и не подозревал о неудачном для него сражении.

Император Мануил не упустил случая посрамить Конрада. Скрыв злую насмешку под маской вежливости, Мануил писал Конраду: «Каждому из нас должно быть хорошо известно, что как конь, если он не слушается узды, не только не может быть полезен всаднику, но и часто вместе с собою низвергает его в бездну, — так и войско, если оно не повинуется военачальникам, большей частью подвергает опасностям правителей. Поэтому нам, — тому и другому, — не следовало бы позволять своим войскам увлекаться собственными порывами. Но так как ты, не знаю, по какому побуждению, первый пренебрёг этим правилом, пришлось по необходимости следовать новому образу мыслей и нашему величеству, сколь дружески ни были мы расположены к тебе.

Теперь сообрази, к чему приводит нас своеволие толпы. Мне доносят, что и небольшое римское войско, схватившись с немалочисленным войском германским, привело его в весьма худое состояние, потому что туземец у себя дома большею частью одолевает пришельца и иностранца. А между тем за такое буйство нам даже нельзя будет и наказать свою толпу. Да и как это можно, раз мы однажды позволили им следовать собственной

воле? Итак, если тебе угодно, — опять скажу — надобно нам обоим крепко держать бразды власти и обуздывать порывы своих войск; а неугодно, — пусть всё остаётся в нынешнем положении. По крайней мере, мы ясно высказали вам, что делается».

Конрад, не подозревая о понесённом поражении и не веря императору, высокомерно потребовал подарков и трирем (больших судов с тремя рядами весел) для переправы в Малую Азию. В случае невыполнения этих требований Конрад грозил осадить Константинополь «мириадами своих воинов». Однако вскоре весть о понесённом поражении дошла и до Конрада. Немецкому государю ничего не оставалось, как воспользоваться теми средствами переправы, которые были ему предложены византийским императором. Немецкие рыцари на византийских судах покинули византийскую землю, которую они пытались разграбить, но понесли бесславное поражение.

Это был счастливый день для населения Константинополя. Тысячи людей собрались в гавани Золотого Рога. Тысячи глаз насмешливо и враждебно следили за всеми приготовлениями и сборами к отплытию. Колкие насмешки, слова жгучего презрения и гнева раздавались в толпе, которая с радостным нетерпением ожидала отъезда крестоносцев. Но вот последние приготовления закончились, подняты якоря, заскрипели вёсла на галерах... Ветер вздул паруса кораблей и понёс непрошенных гостей вдаль, навстречу новым неудачам.

Не успели смолкнуть разговоры о недавних стычках с немецкими рыцарями, как разнеслась весть о приближении французских крестоносцев.

Молодой король Людовик VII со своими приближёнными и рыцарским воинством шёл по старой дороге крестоносцев. Путь королевского войска пролегал вдоль великих водных путей — Рейна и Дуная. У немецкого города Вормса французские войска переправились через Рейн и оттуда добрались до верхнего течения Дуная. Здесь, у берегов Дуная, утомлённые рыцари остановились на отдых под стенами большого торгового города Регенсбурга.

У самых вод Дуная в зелёной долине раскинулся французский лагерь. В середине его, на возвышенном месте, был расположен королевский шатёр, окружённый шатрами приближённых. Слева от королевского шатра, в небольшой палатке, помещался королевский капеллан Одон Диогильский — трудолюбивый монах, заносивший в свою хронику все события похода и оставивший потомству подробный рассказ о нём. Справа, в большом просторном шатре, поместился Годфруа, епископ Лангрский, суровый и честолюбивый человек, слывший среди крестоносцев мудрым и дальновидным. Далее стояли шатры епископа Аррасского Альвиза, Арнульфа — епископа Лизье, шатры баронов и рыцарей. Сюда в лагерь были приведены послы византийского императора Мануила.

Король приготовился к приёму послов. Он ожидал их, окружённый приближёнными и рыцарской свитой, сидя подле своего шатра.

Греческие послы приблизились к королю и почтительно склонились перед ним до самой земли. После приветствий, сопровождавшихся новыми поклонами, послы вручили королю свои грамоты и молчаливо застыли на месте.

Шопот изумления пробежал по рядам французских рыцарей. Их поражали диковинная наружность византийцев, их странное, невиданное поведение. Одежда послов была великолепной и яркой, держали они себя необычным образом. Французские рыцари в то время ещё не знали придворных церемоний, они привыкли разговаривать с королём запросто, в простых словах излагать свои мысли. Византийские послы разговаривали с королём стоя, отвешивая поклоны при каждом обращении к королю, но всего более удивляла их речь. То, что французский рыцарь изложил бы в нескольких словах, византийский царедворец изъяснял долго, витиевато, уснащая свою речь неумеренными, льстивыми, лицемерно-преувеличенными похвалами по адресу короля. Да и грамота императора Мануила состояла из таких же выражений преувеличенного восхищения перед королём Людовиком. Уже полчаса длилось чтение этой грамоты, а послы всё ещё не добрались до сути дела. Двадцатипятилетний король сначала терпеливо воспринимал весь этот поток изысканных похвал, но постепенно густая краска стала заливать его щёки. А между тем каждые пять минут оратора-грека сменял переводчик и, казалось, конца не будет утомительному хвалебному красноречию. Тогда тяжеловесной походкой вышел вперёд Годфруа, епископ Лангрский, жестом остановил оратора и сказал:

— Братья мои, не говорите так часто о славе, величии, мудрости и благочестии нашего короля; он знает себя, и мы его знаем; скажите скорее и без всяких отступлений, чего вы желаете.

Смущённые послы вынуждены были перейти к деловому содержанию грамоты. Два требования выдвигал император Византии: 1) король и его люди не должны отнимать у императора Мануила ни одного города, ни одного замка; 2) все земли, откуда французы изгонят турок, должны быть возвращены Византии.

Если первое требование казалось рассудительным и законным, то против второго резко восстали бароны и рыцари.

Один из баронов запальчиво возразил послам: «Ведь ваш император может приобретать у турок то, что он считает своим; он это может делать при помощи договоров, денег, наконец, силою; но почему же мы не можем делать того же самого, если нам случится овладеть чем-нибудь?»

Долго звучали споры в тот день; они возобновились и на следующий день. Так, день за днём король Людовик медлил с окончательным ответом.

Наконец, послы, жалуясь на задержку, стали торопить короля с ответом, предупреждая, что дальнейшие проволочки побудят

императора принять свои меры. «Так как император подозревает вас в неприязненных намерениях, — заявили послы, — он в случае дальнейшего вашего промедления прикажет сжечь все посевы на вашем пути и разрушить все укрепления, и если он исполнит это, то вы не найдёте в дороге того, что вам необходимо, даже если бы император впоследствии и захотел доставить вам что-нибудь».

Перед этим доводом склонилось большинство баронов. От имени короля бароны дали торжественную клятву сохранить владения императора неприкосновенными. Со своей стороны, послы клялись обеспечить крестоносцам дешёвые продукты, лёгкость меновых сделок, доставку всего необходимого. Остальные спорные вопросы были отложены до личного свидания обоих государей. Один из греческих послов, Димитрий, отправился в Константинополь с донесением. Вместе с ним отправились в византийскую столицу епископ Аррасский Альвиз, канцлер Бартоломей, Аркамбод де Бурбон и ещё несколько баронов.

Вслед за посланцами медленно двигалось вперёд крестоносное войско. Оно прошло равнины Венгрии, пересекло Болгарию и, дойдя до Адрианополя, остановилось там на лагерную стоянку.

Недружелюбно, с плохо скрытым недоверием встречали жители Византии новую крестоносную рать. Ещё свежи были в памяти грабежи и жестокие насилия немецких рыцарей. Многие предпочитали укрывать в лесах и тайных убежищах свои запасы, не осмеливаясь обнаружить их и продавать рыцарям.

Вежливые речи послов и византийских чиновников плохо сочетались с тем настороженным и недоверчиво-враждебным настроением, которое проявляло население страны — и горожане, и деревенские жители. Рыцари роптали; нередко кто-нибудь из них, сурово сдвинув брови, жаловался на вероломство греков: «Вот каковы эти хитрые обманщики-греки; так много наобещали и так плохо оправдывают свои обещания, — нехватает продовольствия, припасов».

Большинство рыцарей во всём винило греков, осыпало их проклятиями и угрозами. Учащались случаи насилия: вооружённой рукой французский рыцарь добывал себе всё необходимое. В испуге разбегались крестьяне при вести о приближении французских войск, увозили подальше своё добро купцы, и всё больше рос нескончаемый счёт взаимных обид. Проницательный автор хроники, капеллан Одон Диогильский, писал: «Всё это можно было бы перенести, и даже следует сознаться, что мы сами заслужили испытанные нами бедствия в наказание за то зло, которое мы причиняли со своей стороны грекам, если бы греки ко всему тому не присоединяли богохульства».

В чём же состояло «богохульство» греков? Из рассказа Одона Диогильского мы узнаём, что греки относились к крестоносцам с презрением и даже склонны были не считать их христианами (греки были православными, французы — католиками).

Если французские священники служили обедню в греческих церквах, греки считали эти церкви осквернёнными. Они предпринимали тщательное омовение алтарей, совершали очистительные церемонии и лишь после этого находили возможным пользоваться своею церковью.

Если рыцарь-француз выражал желание жениться на гречанке, ему предлагали креститься по православному обряду, считая его как бы нехристем.

«Греки внушили нашим ненависть к себе, — рассказывает тот же Одон Диогильский, — и наши не считали греков христианами; убить грека было нипочём; по той же причине было трудно удержать наших от грабежа и хищничества».

Конечно, не различие вероисповеданий было причиной начавшихся грабежей — религиозные разногласия дали только внешнее выражение погромному разгулу и взаимному ожесточению. Рыцари с именем мадонны или святого Дениса (покровителя Франции) на устах грабили и убивали, найдя, таким образом, удобное оправдание своей жестокости и злобе. Со своей стороны, греки взывали к православной богородице о защите против нехристей.

И тот, кто грабил, и тот, кто противился грабителям, в одинаковой мере считали себя стоящими под покровительством господа бога.

Все усилия греческих послов сводились к тому, чтобы побудить короля Людовика отправиться прямо из Адрианополя к морю, минуя столицу Византии. Греки хотели скорейшей переправы французов за море, в Малую Азию. Только тогда греки смогли бы вздохнуть свободно.

Но король не поддавался увещаниям и держал свой путь на Константинополь. У самой столицы король был встречен теми баронами, которых он выслал вперёд. Они рассказали ему обо всём, что видели при императорском дворе. Среди королевских советников находились люди, которые тогда же советовали королю Людовику овладеть Византией, захватить силой её крепости, города и замки, договориться с сицилийским королём о совместных действиях против императора, а потом уже подступить к стенам столицы. Но король отклонил эти планы. Недавний пример немецких рыцарей удерживал короля. Поэтому он, не обнаруживая никаких воинственных замыслов, продолжал свой путь к Константинополю. Короля ожидала торжественная встреча... Открылись массивные ворота города, духовенство столицы, знать и за ними народ вышли навстречу королю, которого просили посетить императора и вступить с ним в переговоры.

В сопровождении небольшой свиты Людовик VII вошёл в город. Под портиком дворца король был встречен императором. Император любезно приветствовал своего гостя, обнял его, расцеловал...

Оба государя вошли во дворец и возсели рядом на специально приготовленном месте. Через переводчика император осыпал

короля дружескими излияниями. Тем, кто наблюдал это свидание, могло бы показаться, что во дворце происходит беседа двух сердечных друзей. Но в этой беседе два государя взаимно старались выведать намерения и планы другой стороны, усыпить подозрения и бдительность собеседника.

День, когда французские рыцари очутились в стенах византийской столицы, был для них днём радости и торжества. Лучшие здания и пригородные дворцы были отведены надменным крестоносцам.

Утром следующего дня толпы рыцарей заполнили площади и улицы столицы. Группами разбрелись они по огромному городу, сказочному городу неисчислимых богатств. Многие слышали о Константинополе, но то, что им пришлось увидеть, превзошло их ожидания.

Великая столица Восточной империи раскинулась наподобие гигантского треугольника, острый конец которого выдавался вперёд, омываемый морем. В переднем углу треугольника высился древний дворец Константина и широкий купол храма св. Софии, окружённый стройными башнями. На низменном месте, у пролива св. Георгия, взорам крестоносцев представился Влахернский дворец.

С изумлением вступили французские рыцари в просторный двор, выстланный мраморными плитами. Разнообразие красок и тонов ошеломило зрителей. Их очам предстали зелёные малахитовые колонны, прорезанные игрою змеистых тонких жилок, стены светлого мрамора, яркая мозаика прихотливого рисунка, там и здесь — статуи из мрамора и бронзы, застывшие в глубоких нишах из оникса и порфира.

Рыцарей изумляло всё: и драгоценные материалы, и искусство зодчих. Но вот группа рыцарей поднимается по отлогим ступеням дворцовой лестницы, и их взорам открывается панорама города, моря и далёких полей, чуть подёрнутых туманной дымкой.

Впрочем, недолго задерживаются здесь рыцари. Нетерпеливое любопытство толкает их дальше. Французов поражает водопровод. Подобного сооружения им не приходилось видеть на родине. В каменном ложе подземных каналов струилась студёная прозрачная влага, и таким образом огромный город извне снабжался пресной водою. Долго стоял на одном месте Годфруа, епископ Лангрский, сосредоточенно, задумчиво. Затем кивнул головой, как бы отвечая на собственные мысли, и двинулся дальше.

«С двух сторон город защищён морем... Какова же защита города с третьей стороны?» — такой вопрос задаёт себе один из баронов. И с группой товарищей он отправляется на разведки. Третья сторона примыкает к полям; она защищена двойной цепью стен, которые тянутся от Влахернского дворца до моря на протяжении двух миль.

От зоркого взгляда опытных воинов не укрылось и то, что башни и укрепления невысоки, стена местами в трещинах и об-

ветшала от времени. Кое-где видны следы недавних трудов — наспех заделанные проломы, а всё же стены ветхи. Разрушительная работа времени и беспечность правителей сделали своё дело. Молча переглядываются бароны; без слов понимая друг друга, они идут дальше.

Вот уже позади остался богатый квартал с его площадями, пышными жилищами и храмами. Улицы суживаются, они становятся теснее и теснее. Нога скользит в непросыхающей грязи, с каждым шагом всё труднее идти. Рыцари бредут по извилистым путаным уличкам. Здесь ютится беднота столицы: разносчики, матросы, грузчики, полуголодные ремесленники, прачки.

Дома, изъеденные временем, кособокие, лепятся друг к другу; почти сходятся крыши противоположных строений. В узком промежутке уличек мало света; сумрак и сырость господствуют здесь. От дома к дому протянуты верёвки, ветер треплет развешанные для просушки платья-лохмотья. Нечистоты и помои под каждым окном. Зловоние, нестерпимый смрад поднимается от непросыхающих луж. В этих лужах копошатся покрытые грязью и коростой ребятишки...

Рыцари поворачивают назад: им нечего делать в этом царстве грязи и нищеты.

Их привлекает рынок, знаменитый рынок Константинополя, о котором они слышали столько рассказов.

Да, здесь есть на что посмотреть! На огромном пространстве обширного рынка царят сутолока и несмолкаемый шум. Кажется будто какой-то смерч завертел, закружил, смешал в беспорядочную кучу тысячи людей, десятки палаток и шатров. Пестрят одежды, шёлковые камзолы, полосатые халаты, войлочные шляпы, фески. Разноголосый говор, в котором слышатся греческие, славянские, еврейские слова, отчаянные выкрики рыночных торговцев, протяжный и резкий рёв мулов — заглушают слова рыцарей. Понемногу глаз осваивается, ухо привыкает. Вон там мерной походкой, покачиваясь, прошёл верблюд, ещё никогда не виданный рыцарями. Там, дальше, виднеется красный купол рыночного балагана; подле него маленький негритёнок неистово колотит в огромный барабан, зазывая зрителей. Там и здесь в толпе снуют бродячие музыканты, танцовщицы, фокусники; они хватают прохожего за рукав, предлагают показать своё искусство. Ближе к лавкам теснятся нищие, калеки, слепцы, безногие, безрукие; их много; они тянут надорванными голосами заунывную песню, просят подаяния именем Христа и богородицы. Огромный монах прокладывает себе дорогу в толпе; медленно и важно проходит усатый полицейский, расталкивая народ длинным жезлом.

Рыцари проходят мимо столов, заваленных пряностями. Чего только здесь нет: мускатный орех, ящики с корицей, тюки драгоценного восточного перца, остро пахнущий имбирь; дальше идут плоды: горы яблок и слив, румяные душистые персики, целые россыпи винограда, прозрачного, как слеза. А вот и иконо-

писный ряд. Здесь можно купить изображение любого святого, любых размеров, на любую цену. Но рыцари не интересуются святыми. Их привлекают лавки. Тёплой ароматной струёй повеяло справа. Это лавка продавца аравийских благовоний. Чернобородый купец, прижав руку к сердцу, вкрадчиво убеждает покупательницу: «Эта баночка — единственная во всём Константинополе... Втирайте, госпожа, мою мазь после вечерней зари, и ваша кожа станет белой, как шея лебедя, и упругою, как тетива лука». Вот лавка шерстяных тканей. Тонкие брабантские сукна и лёгкие кашемировые материи скользят в проворных, ловких руках купца. Далее яркими цветами выделяются шелка: полупрозрачные одноцветные полотнища легчайшего шёлка и тяжёлые тиснёные китайские ткани. Купец, подняв тяжёлую узорчатую ткань левой рукой, правой любовно её поглаживает. На синем поле — изображения золотых драконов. Купец вздыхает, он даёт понять, как трудно расстаться с такой замечательной китайской тканью.

Рыцари проходят мимо лавки изделий из слоновой кости: здесь выставлены массивные молочнобелые запястья и подобные кружеву браслеты затейливой узорчатой вязи. В изумлении останавливаются рыцари перед лавкой перса, продающего ковры. Над коврами склонился дородный купец с пурпурнокрасной бородой. Антуан де Брие, юный паж королевы, рванулся вперёд, желая во что бы то ни стало потрогать руками необыкновенную бороду. Осторожный переводчик мягко, но настойчиво потянул его назад и пояснил рыцарям: «Борода перса окрашена киноварью».

Рыцари идут дальше. Вот, наконец, и долгожданная лавка ювелира. На подушке чёрного бархата белеют две жемчужные нити. Рядом с ними серьги, бирюзовые застёжки для плащей, а посреди прилавка, в ларце, обтянутом кожей кобры, — чудесное ожерелье. Вспыхивая искрами, мерцают дымчатые топазы, зелёные изумруды, кровавокрасные рубины. Но что это? Ювелир заметил приближение рыцарей; он сдвинул брови, и мгновенно исчез куда-то чудесный ларец с ожерельем, а рядом с ювелиром выросли два атлетически сложенных, чёрных, как смола, эфиопа. Они застыли недвижно, как изваяния; только под шелковистой кожей обнажённых до пояса тел чуть заметна игра могучих мускулов, да движение огромных белков выдаёт пристальный взгляд, следящий за рыцарями.

За лавкой ювелира рыцарей внезапно остановил громкий оклик на родном языке. Рыцари оборачиваются. Ба, да это молодой граф де Блуа, весельчак и любимец короля. В чём дело?

Король велел всем рыцарям, вступившим в город, собраться к обедне в католической церкви, а к ней надо идти по улице Башмачников, всё прямо — до итальянского квартала. «Разве вы позабыли, что завтра день святого Дениса — заступника и покровителя нашего королевства?»

День святого Дениса, патрона французского королевства, — праздник для двора и рыцарства. Католическая церковь итальянского квартала была переполнена. Король, епископы, бароны, рыцари, все, кто вместе с королём вступили в Константинополь, — собрались под сводами церкви. Обедня в этот день обещала быть особенно торжественной.

Там и здесь толпились рыцари. Под наплывом новых впечатлений они почти не понижали голосов, забыв о том, что находятся в храме. У статуи богоматери о чём-то спорили неугомонные гасконцы, слышались отрывистые звуки их быстрой гортанной речи. К ним подошёл высокий горбоносый рыцарь в голубом плаще. Это Аркамбод де Бурбон, один из самых надменных сеньоров. «Слышали ли вы, — спросил он, — что́ позволяют себе эти вероломные, гнусные греки? Они заперли все городские ворота и не впускают в город наших рыцарей, большинство которых осталось там, за стенами Константинополя!» Возгласы возмущения были ответом на эту речь. Гасконцы подняли такой шум, что королевский капеллан бросился их унимать, напоминая о должном уважении к святому месту.

В это время у портала церкви появились греческие священники. Эти избранные представители константинопольского духовенства по поручению императора пришли поздравить короля и его свиту с праздником. Священники шли вереницей — за парой пара. Поверх длинных ряс — пурпурных, оранжевых, лиловых — были надеты золочёные парчевые ризы. Каждый священник держал в руках по огромной свече, украшенной золотом и разрисованной цветами.

— Просто поразительна эта угодливость византийцев, — сказал шопотом капеллан Одон, нагнувшись к уху канцлера Бартоломея. — Я думаю, — продолжал он, — что если бы у греков были на уме только хорошие мысли, они не были бы в такой степени услужливы. От них всякий час надо ждать предательства.

Между тем началась обедня, раздались стройные звуки хора. Незадолго до полуночи обедня закончилась. Король предложил рыцарям задержаться. Канцлер Бартоломей обошёл церковь и, убедившись, что в ней нет посторонних, что-то шепнул королю. Затем, водворив молчание, канцлер начал свою речь. Это был сухонький старичок; нервным движением он теребил свою жиденькую бородку и скрипучим голосом, растягивая слова, заговорил:

— Светлейший король, высокородные бароны и доблестные рыцари! Вы, верно, знаете, что городские ворота заперты и греки не желают впускать наших друзей в столицу. Нашлись между нами безумцы, которые сожгли много домов и оливковых рощ — то ли по недостатку дров, то ли по дерзости или в пьяном виде. Король приказал отрезать этим безумцам уши, руки и ноги. Но и этих мер оказалось недостаточно, чтобы укротить их неистовства. Надобно одно из двух: или погубить несколько тысяч

человек, или терпеть их злодеяния. Ведь мы не можем теперь даже упрекать греков за то, что заперты городские ворота!

Рёв негодования прервал эту речь. Гневно поднялись руки: «Как смеет канцлер оправдывать проклятых греков — коварных нехристей!» Рыцари кричали до хрипоты; в невообразимом шуме тонули отдельные голоса. Ещё немного, и злополучного канцлера стащили бы с кафедры.

Тогда среди всеобщего шума на кафедру поднялся епископ Лангрский Годфруа. Своими руками атлета он упёрся в кафедру, наклонив вперёд голову. Коричневая шерстяная ряса, перехваченная кожаным поясом, плотно облегала его большое крепкое тело. Над широкими плечами склонялась седеющая голова. Епископ Годфруа устремил на собравшихся свой пронизывающий, острый взгляд. Епископ взволнован: об этом говорит краска, залившая его лицо, и огромный шрам, налившийся кровью. Этот шрам, след рыцарских забав молодости, всегда выдаёт волнение епископа.

Епископ откашливается. Во внезапно наступившей тишине раздаются звуки его уверенного, мягкого баса. «Благочестивый король и благородные сеньоры!» — начинает епископ — и далее говорит о греках, бичует их вероломство, угодливость, низкопоклонство византийских царедворцев. Епископ Годфруа предсказывает французским рыцарям неминуемые бедствия, если они доверятся грекам, и, наконец, повысив голос, даёт совет немедленно овладеть городом.

— Вы сами видели городские стены, — говорит епископ, — они ветхи, передняя их часть разваливается на наших глазах, народ презрен и бессилен... Знаете ли вы, что без особого труда можно отвести каналы и лишить жителей осаждённого Константинополя пресной воды?

В этом месте епископской речи сидящий в переднем ряду граф де Блуа не выдерживает: он порывисто хватает за плечо сидящего с ним рядом аббата:

— Ах, отец аббат, этот епископ — изумительный человек... Я видел сам, как он пристально разглядывал устройство канала. Клянусь святым духом, я тогда же догадался, что наш епископ замышляет какой-то интересный план.

— Да, — отвечает аббат шопотом, — епископ Лангрский — человек мудрый, святых нравов. Вы сами убедились, что он постоянно занят благочестивыми размышлениями...

Графу де Блуа на миг показалось, что тучное тело аббата всколыхнулось при этих словах от сдержанного смеха, — он внимательно взглянул на него... В неверном, зыбком свете тускло мерцавших свечей по румяному благодушному лицу толстяка-аббата решительно нельзя было разобрать, говорит ли он серьёзно, или шутит.

Тем временем речь епископа продолжалась. Епископ уверял, что с захватом столицы все остальные города Византии без сопротивления подчинятся крестоносцам.

Наконец, епископ приостановился... После долгой паузы он вкрадчивым, тихим голосом заговорил о том, что захват Константинополя вовсе не противоречит христианству. Подобный шаг лишь внешне кажется противоречащим святым целям крестоносцев, по сути же дела христианское воинство вправе покарать безбожных, вероломных греков. Разве греки сами не заслужили подобной участи? Разве они не запятнали себя тем, что постоянно чинили помехи христианскому воинству, что безбожно и святотатственно пренебрегали святой и истинной католической верой? Начав тихим, размеренным голосом, епископ постепенно менял тон, и последние его слова были произнесены громко, повелительно и разнеслись под сводами церкви, как призывной клич. Подняв над кафедрой властно вытянутую руку, епископ Годфруа громовым голосом объявил, что каждый христианин должен бестрепетной рукою разить и поражать нехристей-греков.

Молчание длилось ещё несколько минут. Тяжёлая тишина, казалось, сковала всех присутствующих. Слышалось только потрескивание восковых свечей, мерцавших в массивных золочёных подсвечниках. Этот звук почему-то ещё более подчёркивал напряжённую, гнетущую тишину.

Но вот сразу эта тишина взорвалась вихрем голосов и звуков: сотни рук, вскинутых вверх, опрокинутые скамьи, рыцари, кричащие во всю глотку, десятки людей, стремящихся заглушить друг друга, беспорядочные жесты, бессвязные слова гнева, радости, воодушевления, вспыхнувшего при мысли о возможной расправе с греками.

Вот один из рыцарей; сегодня утром он слонялся по площадям Константинополя, часами бродил по рынку, любуясь его чудесами. Этот рынок живёт в его памяти со своими драгоценностями, коврами и тканями, словно незабываемый сказочный сон. И вдруг — всё это будет принадлежать рыцарям, можно будет отнять сокровища у вероломных, жадных, скупых греков.

С быстротою молнии проносятся мысли в голове грабителя-рыцаря. Не помня себя, он вскакивает на дубовую скамью, пытаясь стать ещё выше, очутиться над головами окружающих. Рыцарь стоит на скамье и, стремясь перекричать всех, побагровев от натуги, вопит: «Епископ Годфруа — святой человек! Смерть нехристям-грекам!». Впрочем, этих слов никто не расслышал, все голоса и звуки смешались в один сплошной, неистовый рёв и грохот. Немедленный разгром Константинополя—этого требовало большинство.

Тщетно пытался канцлер Бартоломей унять беснующихся рыцарей, ему никто не отвечал, никто не желал его слушать. Растерянный король не знал, на что решиться. Наконец, с помощью епископа Годфруа, удалось кое-как водворить тишину.

Наиболее опытные советовали, не начиная дела наобум, тщательно подготовить удар и затем нанести его грекам внезапно и

решительно. Лишь меньшинство колебалось и продолжало говорить о продолжении похода на Восток.

Споры ещё продолжались, когда одна за другой стали гаснуть свечи, и серый сумрак рассвета заглянул в церковь сквозь узкие стрельчатые окна. Король Людовик приказал собравшимся разойтись и ничем не выдавать грекам тех замыслов, которые зародились у крестоносцев.

Однако никакие уловки не смогли скрыть задуманных планов и затаённых намерений. К услугам византийского императора было множество сыщиков, с помощью которых обо всём можно было дознаться. Да и необузданность этих грубых варваров, пришедших с Запада, их чванное поведение, угрозы, многозначительные взгляды и неосторожные слова, подтвердили донесения императорских сыщиков.

Долго шептался император Мануил в тишине своей опочивальни с опытными, хитрыми царедворцами. Задача была не из лёгких. Напасть самим на крестоносцев, не дожидаясь их выступления? Нет, это был бы опрометчивый и пагубный шаг. Даже в случае удачи, даже в случае полного уничтожения крестоносцев, этот шаг мог навлечь на Византию тяжёлые бедствия. По Европе разнеслась бы весть о том, что император Византии предательски напал на крестоносцев и учинил резню над людьми, идущими на восток со святой целью. И тогда Европа двинула бы на Византию новую огромную рать с целью мщения и расправы.

Что же делать? Ожидать нападения крестоносцев? Но это невозможно. Часами ломал себе голову император над этой неразрешимой задачей, ломали себе голову и его советники. Наконец, один из них — старый, хитрый, как лиса, царедворец — подал нужный совет: надо немедля распустить слух, будто ушедшая вперёд немецкая армия без особых трудов добилась блестящих побед, будто турки в панике бегут, оставляя в руках немецких рыцарей военные трофеи, города и рынки Востока со всеми заключёнными в них несчётными богатствами.

Словно внезапный луч прорезал темноту. Император пришёл в восторг от этого простого плана.

Десятки людей на рынке, на улицах и площадях заговорили вдруг о чудесных победах Конрада III. Они на все лады восхваляли доблесть немецких рыцарей, подробно рассказывали о неисчислимых сокровищах, доставшихся победителям.

Во-время пущенные слухи оказали своё влияние на крестоносцев. Мысль о богатой добыче, которую немецкие рыцари захватили без особых усилий, была для них нестерпимой. Сотни рыцарей с жаром и возмущением заговорили о необходимости продолжать путь на восток. Всех страшила возможность запоздать, прийти слишком поздно, когда вся ценная добыча будет уже упущена, когда она вся целиком достанется немцам.

А между тем слухи росли и росли. Передавали о новых победах, легко добытых рыцарями Конрада III. Говорили, что турки собрали многочисленную армию и что немцы убили

Переезд крестоносцев на генуэзских судах. *(Современное изображение в генуэзской летописи.)*

14 тысяч человек, сами не потеряв ни одного.

На другой день рассказывали ещё более счастливый случай: передавали, будто немецкие рыцари прибыли в Иконий, а ещё до их прибытия население этого города разбежалось, поражённое ужасом. При этом добавляли, что немцы торопятся идти дальше и что их император обратился к греческому императору с просьбой принять под свою власть всё завоеванное немцами. Византийские царедворцы, при встречах с французскими баронами, лицемерно вздыхали и с иронической улыбкой высказывали сожаление о том, что столь доблестные рыцари уступают славу победы и честь захвата добычи немецкому воинству. Гнев и нетерпение быстро овладели французскими рыцарями. Вчера ещё предпочитавшие оставаться в Константинополе, сегодня они рвались вперёд, требуя возобновить поход.

Такова была настойчивая воля большинства. Король Людовик вынужден был подчиниться. Как говорит летописец похода, «король, побеждённый рассказами греков и жалобами своих, решился переплыть море».

Византийский император немедленно доставил нужное для переправы число кораблей. Но окончательная переправа всего французского войска задерживалась. Отставшие в пути отряды ещё не подошли к Константинополю. Король Людовик со всеми наличными силами переправился через пролив св. Георгия, но на азиатском берегу 15 дней был вынужден ожидать, пока подойдёт арьергард его армии.

В это тягостное для французов время и разыгрались новые столкновения между рыцарями и греческим населением. У самого азиатского берега, рядом с кораблями, перевозившими французов, покачивались на волнах лодки греческих купцов и менял. На берегу, вблизи рыцарского лагеря, выросли наспех сколоченные столы и скамьи. Здесь подвижные и говорливые греческие купцы и менялы предлагали рыцарям всё необходимое: продукты, одежду, уборы. Тут же менялы разменивали французскую монету на греческую и сирийскую, скупали за наличные деньги кольца, драгоценности, шейные цепи рыцарей. Рыцари нуждались в деньгах, и потому эти операции шли довольно бойко. Понемногу на столах менял выросли кучки золота и серебра, заблистали всевозможные ценные предметы, сбытые рыцарями.

Это зрелище не могло оставить равнодушными многих рыцарей, у которых при виде столов менял загорались глаза, и руки сами собой тянулись к рукояткам мечей. Наконец, какой-то фландрский рыцарь, которого летописец похода называет достойным батогов или костра, не выдержал. С воинственным кличем «haro, haro!» он бросился к столам менял, сгребая руками всё, что попадалось. За ним следом бросились и другие рыцари, хватая сосуды и пригоршни монет, лежавших на столах.

Менялы с судорожной поспешностью прятали своё добро в мешки и карманы и, отбиваясь от рыцарей, бежали к кораблям, чтобы как можно скорее переправиться назад, к греческому берегу пролива.

Корабли приняли на борт бегущих в ужасе греков и отчалили, не давая сойти обратно на берег тем, довольно многочисленным рыцарям, которые незадолго до того поднялись на эти же корабли, чтобы отправиться на константинопольский базар за более дешёвыми припасами. Этих-то злосчастных рыцарей на противоположном берегу ожидала скорая и жестокая расправа: все они были ограблены и перебиты. Те рыцари, которые случайно оставались в это время в городе, были также задержаны и ограблены. Их ожидала смерть.

Чтобы спасти жизнь рыцарей, попавших в руки грекам и ожидавших решения своей участи, король Людовик принял крутые меры. Прежде всего он потребовал выдачи того фландрского рыцаря, который был виновником происшедших беспорядков. Граф Фландрский подчинился королю и отдал в его руки провинившегося рыцаря. Его повесили у самого берега, на виду у города, с таким расчётом, чтобы греки, находившиеся по другую сторону пролива, видели повешенного. Вслед за тем Людовик приказал разыскать все похищенные у греков вещи, обещая простить тех, кто сам возвратит награбленное, и грозя жесточайшими наказаниями всем, кто осмелится утаить похищенное. Чтобы стыд перед королём не стеснял рыцарей, король распорядился сдавать все украденные вещи епископу Лангрскому. На следующий день в лагерь крестоносцев были приглашены потерпевшие — греческие менялы — и им были возвращены похищенные у них ценности. Только после этого были выпущены на волю те рыцари, которые томились в константинопольской тюрьме в качестве заложников. Наконец, с прибытием отставших отрядов, французские крестоносцы тронулись вперёд, оставляя по себе недобрую память в византийской земле.

ЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И ВЕНЕЦИАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

1. НЕУДАЧА ТРЕТЬЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.

В 1187 г. великий полководец Востока Салах-Эддин взял приступом Иерусалим. С этого момента западные рыцари не переставали думать об ответном ударе. Епископы, бароны и графы, сам папа, могущественные европейские государи строили планы новых походов и новых завоеваний. В 1190 г. три крупнейших государя выступили во главе своих армий на восток.

Вождями Третьего крестового похода были: французский король, осторожный и расчётливый Филипп II Август, германский император Фридрих I Барбаросса, старый и опытный полководец, прошедший суровую школу в бесчисленных походах, и, наконец, отважный и жестокий король Англии, Ричард Львиное сердце, герой и неизменный победитель турниров, имя которого было овеяно в такой же мере славой подвигов и рыцарских похождений, как и ужасом кровавых расправ с побеждёнными.

Казалось, всё предвещало успех этого похода: и имена вождей, и огромные силы, брошенные на завоевание Иерусалима...

Но прошло всего два года, и грандиозное предприятие крестоносцев пришло к бесславному концу, — с трудом собранные силы распались, и в октябре 1192 г. Ричард Львиное сердце вынужден был последним покинуть Сирию.

Германский император в самом начале похода погиб в Малой Азии при переправе через небольшую, но бурную горную реку. Гибель вождя побудила бо́льшую часть немецких рыцарей возвратиться на родину.

Французский король и король Англии плохо поддерживали друг друга. Их разделяла упорная и давняя вражда, и французский король, сражаясь вместе с английским против общего врага, ни на минуту не мог забыть, что Ричард Львиное сердце — его соперник. Под знойным солнцем Сирии Филипп II Август не забывал, что там, на далёкой родине, во Франции, плодородные приморские области запада принадлежат английскому королевскому дому Плантагенетов. Каждое затруднение, малейшая неудача вызывали столкновения и ссоры. Наконец, французский король решил возвратиться на родину и лишить Ричарда всякой поддержки.

Покинутый союзниками, Ричард Львиное сердце оказался перед лицом грозного противника — Салах-Эддина, руководившего превосходно снаряжённой и дисциплинированной армией.

Ричард недаром прозван был «Львиным сердцем». Он отличался исключительной отвагой. С горстью храбрецов он пускался на самые смелые и рискованные предприятия. С мечом в руке бросался он в атаку, увлекая личным примером рыцарей. Под покровом ночи он производил дерзкие и неожиданные нападения.

Отвага сочеталась в нём с беспримерной жестокостью. Так, во время перемирия, Ричард приказал заколоть до 2000 знатных мусульман, которые находились в его руках в качестве заложников. Эта жестокая казнь беззащитных людей последовала только потому, что Салах-Эддин медлил с выполнением некоторых пунктов договора о перемирии.

Но личной отваги и лютой жестокости было недостаточно для того, чтобы бороться с таким противником, как Салах-Эддин. Ричард Львиное сердце, отважный рыцарь, лихой воин, вспыльчивый, необузданный, подверженный порывам неудержимого гнева, готовый принять под влиянием минуты первое попавшееся решение, был слишком пылким для роли полководца и политика. Он оказался бессильным перед лицом осторожного, расчётливого Салах-Эддина, умелого политика и опытного полководца. На стороне Салах-Эддина было не только его личное превосходство над молодым английским королём — на его стороне была мусульманская армия, проникнутая ненавистью к чужеземным завоевателям. На его стороне были симпатии всего населения Сирии и Палестины. Не только мусульмане, но и местные сирийские христиане ощутили на себе тяжёлую руку крестоносных грабителей — рыцарей, они на печальном опыте убедились, что господство крестоносцев несёт с собою невыносимый гнёт крепостной зависимости, гнёт личной кабалы и повинностей.

Английские рыцари столкнулись с непреодолимой силой сопротивления; об эту силу разбились все их завоевательные попытки.

Третий крестовый поход, предпринятый могущественнейшими королями Европы, несмотря на все радужные предзнаменования, закончился неизбежной неудачей.

2. ПРОПОВЕДЬ ЧЕТВЁРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.

В 1198 г. на папский престол вступил Иннокентий III, один из самых энергичных и могущественных деятелей церкви.

Иннокентий III был выдающимся и дальновидным главою католической церкви. Он стремился к безграничному усилению папского могущества, домогаясь, чтобы короли и сеньоры безропотно склонились перед авторитетом папы и признали над собой его беспредельную власть.

Подобно своему предшественнику Григорию VII, Иннокентий III терпеливо добивался заветной цели. Новый папа умел вникать во все события политической жизни, из всего извлекать для себя пользу.

Обширная переписка связывала его со всеми государями Европы. Папа, неутомимый и вечно деятельный, поддерживал постоянные сношения с королями, феодалами, аббатами монастырей, рассылая свои послания, то гневные и обличающие, то наставительно-суровые, то, наконец, вкрадчиво-любезные. Изумительный мастер слова, тонкий политик и выдающийся оратор своего времени, Иннокентий стремился влиять на людей, подчинять их своей воле и постепенно превращать их в послушных исполнителей тех замыслов и планов, которые строились при папском дворе.

Иннокентий III поставил себе целью поднять упавшую энергию рыцарей, толкнуть их на новый крестовый поход, сплотить все силы западного мира для предстоящей борьбы, для победоносного овладения Востоком.

Успех этого крестового похода обещал необычайные выгоды прежде всего папству. Поэтому уже в первый год своего пребывания на папском престоле Иннокентий рассылает епископам Италии своё послание, содержащее призыв к походу: «Плачем плачет церковь, жалобный голос её разносится по всей земле до её пределов, ибо за грехи христианских народов язычники ворвались в вотчину Христа, затопили кровью нивы Иерусалима, и не осталось там никого, чтобы похоронить трупы убитых...»

Папа рисует в этом послании горестную, но не вполне правдивую картину.

Салах-Эддин, овладев Иерусалимом, даровал жизнь его христианскому населению, он ограничился выкупом и дал возможность тысячам крестоносцев невредимыми вернуться на родину.

Между тем, когда в своё время первые крестоносцы овладели Иерусалимом, они вырезали всё нехристианское население этого города и убивали даже младенцев, разбивая их головы о камни.

Иннокентий III всё это, конечно, знал, но, желая придать своему посланию особую убедительность и пафос отчаяния, пренебрёг истиной и сгустил краски.

Осуществлению крестового похода мешала всё та же вражда королей Франции и Англии, и папа гневно осуждает эту вражду, как помеху святому делу: «Пока наши государи взаимно преследуют друг друга с неугасимой ненавистью, пока один пытается отмстить другому за обиду, нет никого между нами, кто принял бы к сердцу обиду Христа». Но и эта укоризна не помешала давним соперникам попрежнему враждовать друг с другом. Тогда неутомимый папа пытается разжечь в умах и сердцах европейцев жгучее чувство обиды, мстительное чувство побеждённых по отношению к победителям-мусульманам. Он вкладывает в уста вымышленным ораторам-мусульманам оскорбительные речи,

полные самого обидного пренебрежения и высокомерного глумления над крестоносцами.

«Где же ваш господь, что он не в состоянии ни себя, ни вас избавить от наших рук? Мы осквернили вашу святыню. Мы протянули наши руки на заветные для вас места и против вашей воли удерживаем в нашей власти колыбель, где возникло, по вашему вымыслу, ваше суеверие (христианство).

Мы изломали копья французов, отвратили козни англичан, сокрушили силу немцев, победили высокомерных испанцев! Где же ваш господь? Пусть он воскреснет и поможет вам... Теперь нам остаётся, перебив мечом тех, кого вы оставили здесь, совершить натиск на ваши земли и истребить вас так, чтобы о вас впредь и помину не было...»

Эту презрительную и хвастливую речь, разумеется, никто из мусульман никогда не произносил. Её сочинил сам папа Иннокентий, чтобы таким путём воздействовать на рыцарей, подзадорить, разгневать и ожесточить их. Своё послание папа заканчивает призывом «ко всем и каждому» опоясаться мечом для защиты святой земли, с тем чтобы к началу марта следующего (1199) года графы и бароны выслали отряды воинов, снаряжённых всем необходимым для двухлетнего похода. Иннокентий облагает все церкви и монастыри особым сбором на проведение похода и посылает двух своих кардиналов для подготовки и руководства этим походом. Один из них едет во Францию, чтобы добиться мира между Францией и Англией, другой направляется в Венецию, где предстоит обеспечить всё необходимое для перевозки крестоносцев морем. Однако всё пошло совсем не так, как намечал папа. Установленный им срок — март 1199 г. — прошёл, миновали затем ещё два года, и лишь к весне 1202 г. стали собираться рыцарские силы.

На одном из блестящих турниров, происходивших во Франции, множество собравшихся там баронов и рыцарей, жаждавших воинских подвигов, добычи и славы, приняло под влиянием пылкого проповедника обет крестоносцев. Это было осенью 1199 г., т. е. позднее того срока, к которому папа намечал общее выступление крестоносцев.

Таким образом, зачинщики нового похода приняли самостоятельное решение, независимо от папской воли. Французские бароны избрали своим предводителем графа Тибо Шампанского и порешили отправить послов в Италию, чтобы договориться о перевозке весной 1202 г. крестоносного войска, состоявшего из 4000 рыцарей, 9000 оруженосцев и 20 000 воинов.

3. КРЕСТОНОСЦЫ И ВЕНЕЦИАНСКИЙ ДОЖ ДАНДОЛО.

На специально собранном съезде во французском городе Компьене было избрано шесть доверенных лиц, которые должны были отправиться в Италию и заключить с каким-либо из итальянских городов договор о перевозке крестоносного войска морем. Чтобы

послы внушили доверие к себе, им были вручены особые доверительные грамоты от крупнейших феодалов: графов Тибо Шампанского, Людовика Блуа и Балдуина Фландрского. В 1201 г. шестеро послов благополучно прибыли в богатейший город Италии — Венецию, слывшую в те времена могущественной морской державой.

Шесть французских послов по прибытии в Венецию тотчас же стали добиваться встречи с главою венецианского правительства, всемогущим дожем Энрико Дандоло. Прошло несколько дней, пока эта долгожданная встреча, наконец, состоялась.

С момента прибытия послы жили в непривычном напряжении. Новая обстановка, великолепное жилище, гостеприимно предоставленное им в Венеции, непривычная роскошь покоев, драгоценная утварь — наполняли их удивлением. Но всего более поражал сам город — необычайный в своём своеобразии и пленительный своей непривычной красотой.

Этот город, казалось, врос в море. Его дома и стены омывались солёной водой бесчисленных каналов; казалось, будто уступы стен, дома и башни поднялись из морской пучины, будто прихотливо очерченные кварталы города — островки, отвоёванные у моря. Вместо грязных мостовых — журчащая вода каналов; нигде не видно коней, не слышно скрипа телег.

Вдоль узких набережных бесшумно скользят остроносые ладьи — гондолы, и сквозь открытое окно вместе с приглушенным шумом города доносится далёкий рокот волн и свежее дыхание морского ветра.

Подолгу стояли французские послы у пристаней, с изумлением дивясь на невиданное зрелище. Здесь, у крайней черты города, обрывались улицы-каналы, и за набережной расстилалось необъятное море, вдалеке незаметно сливаясь с небом. В предзакатные часы множество венецианцев и венецианок толпилось у берега в ожидании минуты, когда солнце начнёт медленно погружаться в море, зажигая и море, и небо багрянцем и золотом заката. Впрочем, рыцари-послы были равнодушны к этой игре красок. Их взоры были неотступно прикованы к береговой линии.

У берега теснились корабли самой разнообразной формы, самых различных размеров и оснастки. Подальше от берега выделялись своим тёмным корпусом неуклюжие тяжеловесные галеры: три ряда отверстий и три ряда длинных вёсел вдоль каждого борта. У каждого весла работает раб-гребец, прикованный к своему месту железной цепью. С протяжным сигналом трубы десятки рабов налягут на вёсла, с лязгом поднимутся якорные цепи, и галера, дрогнув, двинется в открытое море, унося бережно сложенный в её трюме груз. А вокруг галер — стройные военные корабли с приподнятыми носами, украшенными затейливой резьбой, с боевыми башнями и высокими парусами. Там и здесь — лёгкие подвижные лодки, быстроходные и неустойчивые, фелюги и целый ряд других судов с непонятным для рыцарей устройством. У берега непрестанная суета: грузчики с засученными рукавами

вкатывают по мосткам на один из кораблей огромные, пахнущие смолой бочки, тут же идёт разгрузка судов, прибывших с Кипра; один за другим спускаются с кораблей матросы, сгибаясь под тяжестью громадных тюков хлопка. Отрывистые слова команды,— торг, перебранка матросов, чей-то пронзительный крик... В этом деловом будничном шуме слышится отзвук большой повседневной работы.

Рыцари подсчитывают число кораблей и покачивают головами. Не подлежит сомнению: если кто и возьмётся отвезти за море крестоносную рать, — это бесспорно Венеция... Именно ей эта задача по плечу!

Настал и день, когда шесть послов предстали перед всесильным дожем Венеции Энрико Дандоло. Молчаливый провожатый распахнул перед ними массивную дубовую дверь, ведущую в залу для приёмов, где ожидал послов венецианский дож. Провожатый склонился перед дожем в почтительном поклоне, дав рыцарям знак сделать то же самое.

Покой, в котором находились рыцари, представлял собой небольшую залу с тройным окном, разделённым узкими колоннами. Довольно низкие каменные своды, пол, составленный из одноцветных дубовых плит.

На небольшом возвышении — массивная мраморная скамья, над которой нависло вделанное в стену рельефное изображение огромного льва, опирающегося передней лапой на щит. Этот лев сразу бросился в глаза вошедшим в залу крестоносцам, и лишь вслед за этим привлекла их внимание неподвижная сутулая фигура сухощавого старика, слегка наклонившегося вперёд. Подо львом св. Марка, олицетворяющим могущество Венеции, сидел её глава — дож Дандоло.

Энрико Дандоло, правителю Венеции, минуло 80 лет; за плечами у него долгая жизнь, полная приключений, трудов, событий. Много, очень много мог бы о себе рассказать этот властный старик, помнивший себя купцом, мореплавателем, суровым воином и хитрым дипломатом. Он мог бы рассказать о смелых экспедициях к берегам Чёрного моря, о морских битвах с турками, генуэзцами и пизанцами, о сожжённых вражеских факториях и крепостях.

На памяти дожа — дерзновенно-смелые экспедиции к чужим неприветливым берегам, ловкие, сказочно-выгодные операции по сбыту индийских пряностей, славяне и горцы, проданные на невольничьих рынках Африки, потоки крови, пролитой в битвах, и та непрестанная извечная борьба, которую вела Венеция со своими врагами, борьба за торговое первенство, борьба за власть над морями, борьба с Византией и городами — соперниками Венеции. Этих врагов надо было во что бы то ни стало одолеть и подавить всеми средствами насилия и вероломства. И не только о битвах, но об интригах и убийствах, о лести и подкупе, об обмане и коварстве, о беспримерной жестокости к врагу мог бы рассказать этот высохший седой человек, глядевший на мир своими навсегда остановившимися незрячими глазами.

С недоумением смотрели рыцари-послы на дожа. В их взорах как бы застыл недоуменный вопрос: «Неужто этот хилый, слепой старик и есть тот самый дож Дандоло, который слывёт могущественным и дальновидным, хитрым политиком? Неужели он — тот самый Дандоло, который водил на приступ венецианские армии и выходил сухим из воды в самых рискованных морских предприятиях?»

Но раздумывать было некогда. Один из приближённых дожа, подойдя к рыцарям, попросил вручить ему их грамоты.

Дож наклонением головы ответил на приветствие послов и молчаливо выслушал содержание грамот. Графы, подписавшие грамоты послов, просили верить им и высказывали готовность исполнить всё то, что пообещают от их имени шестеро послов. Помолчав ещё немного, дож сказал:

— Господа, я прослушал ваши грамоты; мы видим, что ваши повелители принадлежат к числу могущественнейших людей из тех, которые не носят короны, и они просят нас верить вам во всём, что вы ни скажете, и считать твёрдым то, что вы сделаете. Скажите же, что вам угодно.

Послы отвечали: «Государь, мы желаем, чтобы вы собрали свой совет, и перед вашим советом мы вам скажем, о чём вас просят наши государи, если угодно, завтра». В ответ на это дож заявил, что просит послов отложить изложение их просьбы на четыре дня, и тогда они будут выслушаны Большим советом Венеции.

Послам оставалось лишь откланяться. Была причина, побуждавшая послов изложить своё дело не перед дожем, а перед Большим советом. Они наивно полагали, будто дож и не догадывается, зачем они прибыли в Венецию. Им казалось, что сухой и суровый старик не пожелает оказать никакой услуги крестоносцам, отвергнет их просьбы, тогда как в совете, вероятно, найдутся добрые христиане, готовые поддержать «святое дело» крестоносцев.

Между тем дож Дандоло был давно осведомлён о замыслах крестоносцев и прикидывал в уме, какие выгоды может дать Венеции новая затея крестоносцев. Старого Дандоло ни одна неожиданность не могла застать врасплох, и всякую неожиданность он стремился использовать на благо Венецианской державы.

Прошли установленные четыре дня. Снова послы-рыцари предстали перед дожем. На этот раз они были приняты в более обширном и великолепном покое, где послов ожидали вместе с дожем все члены совета.

Один из послов начал речь: «Государь, мы пришли к тебе от имени высоких баронов Франции, которые приняли знамение креста, чтобы отомстить за оскорбление, нанесённое Иисусу Христу, и завоевать Иерусалим, если бог это допустит. И так как государи наши знают, что никто не имеет столь великого могущества, как вы и ваш народ, то они и просят вас, бога ради, сжалиться над заморскою землёю и отомстить за оскорбление Иисуса Христа, дав нам корабли и всё необходимое».

Собор св. Марка в Венеции в его теперешнем виде.

Оратор ждал возгласов и знаков одобрения; он думал, что венецианцы тотчас вступятся за обиженного Христа. Но Дандоло деловито осведомился:

— А на каких условиях должны мы предоставить вам наш флот?

— На любом условии, какое вы предложите, лишь бы мы смогли его выполнить, — запальчиво ответил недальновидный посол.

Еле заметная улыбка скользнула по лицу слепого дожа. Поднявшись со своего места, он ответил крестоносцам, что через восемь дней они получат решительный ответ...

Ровно через восемь дней дож держал перед послами следующую речь:

— Господа, мы вам предоставим то, что мы определили в совете, в ожидании согласия нашего Большого совета и всей республики, а вы переговорите друг с другом о том, можете ли вы принять наши условия. Мы дадим вам перевозочные суда для доставки 4500 лошадей, 9000 оруженосцев, 4500 рыцарей и 20 000 пехотинцев; и люди, и лошади обеспечиваются съестными припасами на 9 месяцев. Всё это будет сделано на том условии, чтобы нам заплатили за каждую лошадь 4 марки и за каждого человека по 2 марки. Все эти условия мы исполним в течение

одного года, считая со дня отплытия из Венеции отправившихся на службу богу и христианству. Вышесказанное составляет сумму в 85 000 марок. И сверх того мы поставим от себя 50 галер из любви к богу, с тем условием, что в течение всего похода от всех завоеваний, которые мы все сообща сделаем на море и на суше, — половина нам, а половина вам. Теперь думайте, исполнимо ли это для вас и согласитесь ли вы.

Послы удалились на совещание. Просовещавшись целую ночь, они на утро дали своё согласие на хитрый план дожа.

Так, по выражению Маркса, «Энрико Дандоло сделал из крестоносной глупости торговую операцию». План дожа был до крайности прост и выгоден. Содрать с крестоносцев огромную сумму за перевоз, обеспечив при этом за Венецией половину всей добычи, завоёванной руками крестоносцев, — таков был план дожа. Но этого мало: хитрый дож не сомневался, что крестоносцы не сумеют расплатиться полностью, и тогда задолжавшим крестоносцам навяжет свою волю тот же дож, толкнёт их на завоевания, необходимые Венеции.

Но сознавая всю выгодность задуманного плана, предвидя, что незадачливые рыцари станут источником неслыханной наживы, — Энрико Дандоло не торопился.

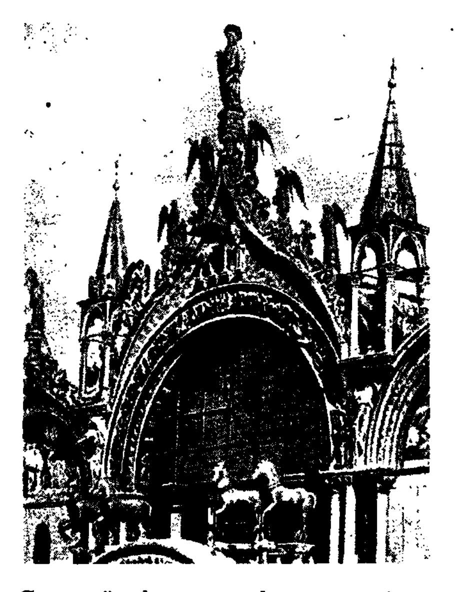
Чем заманчивей и соблазнительней казалось предприятие крестоносцев, тем больше проявлял старый дож свою осторожность, свою медлительную расчётливость. Десятками уловок обставлял он каждый решительный шаг.

Крестоносцы не должны заподозрить, что попались в силки старого Дандоло. Поэтому им не следует давать окончательного ответа. И Дандоло делает вид, что не от него зависит последнее решение, что для заключения желанного договора надо ещё действовать, просить, добиваться, вымолить благоприятное решение у всего венецианского народа. Пусть никто из этих тупоголовых рыцарей не догадывается, как выгодно для Венеции начатое дело! Так думает дож и, взвешивая все шансы успеха и с ними вместе возможности военных неудач, делает вид, будто всё зависит от республики, от венецианского народа. И если через год венецианские корабли вернутся с повисшими парусами и пробитыми бортами, если на дне моря останутся сотни матросов и воинов Венеции, тогда... тогда пусть никто не осмелится сказать, что поход решён был дожем.

Пусть рыцари обратятся к народу, а простодушные венецианцы, дав своё согласие, возьмут на себя и всю ответственность за возможные неудачи, за возможное поражение.

Настал торжественный день, когда огромная десятитысячная толпа венецианцев во главе с членами Большого совета и дожем собралась в огромном и величественном соборе св. Марка прослушать обедню и молить бога, чтобы он просветил народ и внушил, как следует ответить послам.

Когда закончилась обедня, ввели послов, и дож предложил им просить у собравшегося народа, чтобы он согласился

Средний фронтон фасада собора св. Марка в Венеции.

Кони с фасада собора св. Марка в Венеции.

на утверждение договора. От лица послов взял слово Жоффруа Вильгардуэн, маршал Шампани. Его голос, повелительный и громкий, привычный к словам команды, гулко прокатился под сводами собора: «Господа, самые высокие и самые могущественные бароны Франции прислали нас к вам с мольбою о том, чтобы вы сжалились над Иерусалимом, порабощённым турками, чтобы вы ради господа бога согласились сопутствовать им в походе, ради отомщения оскорблений, нанесённых Иисусу Христу. Обратились же они к вам, ибо знали, что ни один народ не имеет такого могущества на море, как вы и ваши люди; они повелели нам припасть к вашим ногам и не подниматься, пока вы не согласитесь на их просьбу и не сжалитесь над святою землёю, лежащею за морем...»

При последних словах своей краткой речи Жоффруа Вильгардуэн, маршал Шампани, пал на колени и следом за ним опустились на колени остальные пять послов.

И сразу же в разных углах собора раздались возгласы: «Мы согласны, мы согласны!» Эти возгласы всё нарастали, и вскоре наступил такой шум, что нельзя было расслышать ни одного слова. Живые, восприимчивые, быстро воспламеняющиеся венецианцы со всей пылкостью южан выражали своё сочувствие крестоносцам.

Когда немного стих шум, дож Дандоло твёрдой походкой поднялся на кафедру и, низко поклонившись народу, сказал:

— Господа, посмотрите на честь, которую оказал вам бог, когда лучшие люди в мире оставили без внимания все другие

народы и порешили искать вашей помощи, чтобы вместе с вами совершить столь важное дело, как избавление нашего господа от рук неверных.

С удивлением взирали послы на дожа. Куда девалась его обычная холодность? Голос его звучал необыкновенно тепло и проникновенно; казалось, дож всегда думал о спасении гроба господня и теперь благоговейно ликовал, сознавая себя участником святого дела. Перед собравшимися в храме выступал не купец и не политик, а благочестивый старец, далёкий от всяких мирских расчётов и погони за выгодой.

Так закончилось это знаменательное собрание в соборе св. Марка, где, по выражению Маркса, «дож заставил глупых французских князей разыгрывать комедию».

На следующий день были изготовлены договорные грамоты; вручая эти грамоты послам, дож клялся над изображением святых верно и нерушимо сохранять договор, начертанный в грамотах. Присягу соблюдать договор принесли в свою очередь и послы; в тот же день они, по настоянию дожа, заняли в городе 2000 марок серебра и внесли их дожу как задаток, с тем чтобы немедленно началось снаряжение кораблей.

Было решено, что через год, т. е. в 1202 г., в день св. Иоанна, бароны и рыцари прибудут в Венецию, и к этому времени их будут ждать корабли.

Договор, заключённый между крестоносцами и дожем, был послан на одобрение папы. Долго раздумывал Иннокентий III, склонясь над присланным ему пергаментом. Читая и перечитывая договор, он убеждался в том, что дож Дандоло задумал какую-то

Капитель над папертью собора св. Марка в Венеции.

дьявольскую затею. 85 000 марок! Подобной суммы дожу никогда не удастся получить от жадных крестоносцев!

Впрочем, сам дож это великолепно понимает и, если уж он заломил такую баснословную цену за услуги венецианцев, стало быть, он хочет поймать крестоносцев на удочку, превратить их в своих должников, а затем толкнуть их на какое-нибудь завоевание, выгодное для Венеции. Видимо, таков замысел дожа, так как в договоре даже не указано, куда именно венецианский флот должен доставить крестоносцев, сказано лишь, что их перевезут за море. Затея дожа несомненно помешает крестовому походу, собьёт с пути крестоносцев, отвлечёт их от прямой цели.

И дальновидный папа диктует свой отзыв. Он соглашается утвердить договор лишь в том случае, если крестоносцы и венецианцы дадут обет не поднимать оружия против христиан.

Дандоло выслушал папский ответ весьма хладнокровно и столь же хладнокровно сказал своему секретарю: «Обойдёмся и без папского одобрения».

4. НАЧАЛО ЧЕТВЁРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.

Весной 1202 г. стали понемногу прибывать в Венецию первые отряды крестоносцев, но сбор рыцарских сил, вследствие опоздания большинства отрядов, задерживался, и лишь в июле крестоносцы оказались готовыми к отплытию. Прибывший из Рима папский легат, Пётр Капуанский, нашёл много непорядков в лагере крестоносцев. Здесь было немало женщин, стариков, людей слабых, бедных и плохо вооружённых.

Папский легат проявил настойчивость и сумел добиться отправки всех этих людей обратно на родину. Дож Дандоло вызвал энергичного легата к себе для беседы, похвалил его решительность, а затем, немного помедлив, заявил, что легат может отправиться в поход, но не на правах представителя святейшего престола, а в качестве обыкновенного священника.

Возмущённый легат отвечал, что на подобных условиях он, посланец папы, не намерен сопровождать крестоносцев. Дож Дандоло учтиво поклонился легату и попросил передать папе изъявления своего самого смиренного почтения.

Теперь для дожа настало время показать крестоносцам свою силу. Для этого всё было заранее подготовлено.

Рыцарей, прибывавших отдельными группами, венецианцы, по приказу дожа, отвозили на пустынный остров Лидо, где крестоносцы страдали от невыносимой жары, недостатка припасов и в особенности из-за отсутствия пресной воды. Окружённые морем, рыцари оказались в прямой зависимости от своих хозяев-венецианцев.

Однажды к острову Лидо пристала раззолоченная гондола дожа. Сам Дандоло сошёл на берег и, приказав созвать рыцарей, обратился к ним с гневной речью. Он обвинял их в опоздании, в

вынужденной проволочке, в том, что по их вине венецианский флот простоял без всякого дела целое лето на рейде, и, наконец, окончательно выйдя из себя, дож прокричал, что крестоносцы немедленно должны внести обещанные 85 000 марок, иначе они будут оставлены на острове без пищи и воды.

С этими словами слепой дож повернулся спиной к рыцарям и, раньше чем те успели опомниться и что-либо ответить, дож очутился в своей гондоле, бесшумно отчалившей от берега.

После горячих толков и споров рыцари порешили собрать требуемую сумму. Рыцари жертвовали свои кольца, драгоценности, деньги. Казначей дожа, внимательно просмотрев и взвесив собранные рыцарями сокровища, оценил их в 50 000 марок.

Недоставало 35 000 марок. Дож продолжал стоять на своём, требуя всю сумму сполна.

Наконец, сам дож предложил выход из положения. Недостающую сумму рыцари могут восполнить своей службой, своими ратными трудами на пользу Венеции. На противоположном берегу Адриатического моря, на далматском побережье Балканского полуострова лежит город Зара. Этот город уже в пятый раз выходит из подчинения Венеции. Непокорные жители Зары отдались теперь под покровительство венгерского короля.

Если западные рыцари на пути в «Святую землю» штурмом возьмут Зару и возвратят этот город Венеции, то благодарные венецианцы, не требуя взноса недостающей суммы, возьмутся везти крестоносцев дальше.

Некоторым крестоносцам это неожиданное предложение пришлось не по душе. Их смущала необходимость воевать с населением христианского города. Но большинству рыцарей так опостылело вынужденное пребывание на острове Лидо, ставшем для них западнёй, что они без особых размышлений готовы были принять новый план, лишь бы поскорее вырваться из тягостного плена, начать войну, а с нею и погоню за добычей.

Гневу и раздражению папы Иннокентия III не было пределов. Возмущённый кознями Дандоло и постыдным возвращением из Венеции папского легата Петра Капуанского, Иннокентий резко восстал против нового плана. Нападение крестоносцев на Зару казалось ему тем более недопустимым, что повелитель Зары, венгерский король, давно объявил себя крестоносцем, и таким образом, благодаря интригам дожа, крестоносцы будут воевать против крестоносцев же.

Один из четырёх аббатов, которым, ввиду отъезда легата, Иннокентий поручил сопровождать крестоносцев, — Гюи-де-Во-де-Серне — предъявил рыцарям папское запрещение, грозившее им отлучением от церкви, если они возьмут Зару, так как это христианский город, а они — крестоносцы.

Но ни прямое запрещение папы, ни угроза отлучения от церкви не поколебали решение дожа. Он невозмутимо ответил аббату: «Я не откажусь из-за папы от намерения отмстить жителям Зары».

Штурм средневековой крепости.

В воскресный день, при огромном стечении народа, старый дож снова держал речь к жителям Венеции.

— Господа, вы вступили в союз с лучшими людьми во вселенной и стали за самое великое дело, какое когда-нибудь предпринималось. Я уже стар и слаб, нуждаюсь в покое и страдаю телесными недугами, но тем не менее я вижу, что между вами нет никого, кто мог бы распоряжаться, как я. Если вы дадите своё согласие, чтобы я взял крест для управления вами и руководства, то я оставлю на своём месте сына, и он будет править Венецией, а я пойду жить, умирать вместе с вами и пилигримами.

Крестоносцы, которых недавно тот же дож грозил заморить голодом и жаждой среди солёных лагун, были необычайно польщены, услышав, что они «лучшие люди вселенной». И крестоносцы, и растроганный народ просили дожа участвовать в руководстве походом.

Вопреки папе, не взирая на сомнения наиболее благочестивых крестоносцев, воля дожа восторжествовала. В октябре 1202 г. из венецианской гавани вышел флот из 72 галер и 140 транспортных кораблей. Этот флот держал путь к Заре.

Город Зара был взят приступом. Тщетно взывали жители осаждённого города к христианскому милосердию крестоносцев. Когда торжествующие рыцари ворвались в стены Зары, начался разгром города. Произошло побоище между самими победителями, кровавые стычки из-за добычи, которую рыцари вырывали друг у друга из рук.

«Почти не было улицы, где бы не происходило большой сечи мечами, луками, копьями, — рассказывает летописец похода Вильгардуэн. — И было много людей ранено и убито. Благоразумные люди явились также с оружием и стали разнимать сражающихся, и когда им удавалось разнять их в одном месте, сеча начиналась в другом. Это было самое великое бедствие, когда-либо постигавшее войско, и здесь чуть не произошла гибель всей армии».

Весть об ослушании крестоносцев и взятии Зары вызвала новое послание папы, полное гневной укоризны:

«Вместо того, — пишет папа, — чтобы достичь обетованной земли, вы жаждали крови ваших братьев. Сатана, всемирный соблазнитель, вас обманул... Жители Зары повесили на стенах распятия. Не взирая на распятого Христа, вы произвели штурм и принудили город сдаться. Под страхом анафемы, остановитесь, прекратите дело разрушения и возвратите послам венгерского короля всё то, что у них было отнято. В противном случае знайте, что вы подпадёте отлучению и лишитесь преимуществ, обещанных всем крестоносцам...»

Это папское послание имело не больше успеха, чем прежние его попытки вмешательства.

Крестоносцы, застигнутые осенью под Зарой, были вынуждены остаться здесь на зимовку. Лишь весной можно было возобновить дальний поход. Так решил новый предводитель

крестоносцев — маркиз Бонифаций Монферратский, избранный военным вождём вместо внезапно умершего Тибо Шампанского.

Потянулись томительно-унылые дни ожидания. Бесцельно слонялись по лагерю французские и немецкие рыцари (значительный отряд последних присоединился к крестоносной армии ещё в Венеции), кляня судьбу, отсутствие денег и вынужденное ожидание.

Сюда-то, в зимний лагерь крестоносцев, неожиданно прибыли люди, которые разом всколыхнули спокойствие лагеря, взволновали одних, возбудили других. Этими людьми были послы византийского царевича Алексея, искавшего поддержки крестоносцев.

В 1195 г. в византийской столице — Константинополе — произошёл один из тех дворцовых переворотов, которые там бывали нередко.

Император Исаак Ангел был свергнут с престола, насильственно ослеплён и вместе со своим молодым сыном, царевичем Алексеем, брошен в темницу. Переворот произвёл родной брат императора, Алексей, которого император Исаак незадолго перед тем выкупил из турецкого плена. Этот человек, убрав со своего пути брата и племянника, занял престол под именем Алексея III.

Царевичу Алексею удалось бежать из темницы. Спрятанный в бочку, он был доставлен на пизанский корабль и на этом корабле привезён в Италию. Царевич Алексей безуспешно добивался поддержки папы и нашёл помощь лишь у тогдашнего германского императора, Филиппа Швабского, женатого на сестре царевича. С письмом от этого покровителя и от самого царевича прибыли теперь послы в лагерь крестоносцев, чтобы искать у них поддержки. Для того чтобы расшевелить и привлечь на свою сторону рыцарей, нужны были деньги. У царевича их не было.

Но тут положение облегчил дож. Просьба молодого Алексея облегчала старому Дандоло выполнение его скрытых, давно лелеемых планов.

Внимательно, очень спокойно, ничем не выдавая своего волнения, слушал старый дож сбивчивый рассказ посла, присланного царевичем. В ответ на горячие просьбы он обещал подумать.

И когда гость оставил своего собеседника одного, старый Дандоло преобразился. Мигом исчезло внешнее спокойствие. Быстрыми шагами, почти с юношеской лёгкостью ходил по своей комнате слепой дож, иногда наталкиваясь на стены и предметы обстановки. Улыбка не сходила с его лица, нервно сжимались кулаки, с тонких старческих губ по временам слетали чудовищные проклятия, привычные лишь людям гаваней и портовых трущоб. Дож вспоминал, думал, рассчитывал и вспоминал снова...

Когда-то, более ста лет назад, Венеция своим флотом оказала могучую поддержку Византии в борьбе против норманнов. За это венецианцы получили исключительные привилегии в Византии. Венецианские купцы получили возможность торговать без всяких пошлин и сборов на всём протяжении Византийской империи. В самом Константинополе появился богатейший квартал, где жили венецианские купцы, независимые от местных властей, окружённые почётом и привилегиями.

Венецианцам принадлежал не только отдельный квартал, но и три специальные пристани, так называемые «Скалы», где только венецианские суда могли свободно грузиться и разгружаться.

Так продолжалось долго, и всё это время торговые привилегии венецианцев пробуждали злобу и ожесточение среди константинопольского торгового люда... И вот настал страшный для венецианцев 1182 г. — год «Константинопольской бани».

В тот год престол Византии захватил смелый авантюрист Андроник Комнин. Чтобы привлечь к себе симпатии народа, этот государь не только отменил все привилегии иноземцев, но и толкнул константинопольских горожан на кровавый погром. В пламени и дыму рушились дома венецианцев и других итальянских купцов. Избивали всех — и мужчин, и женщин. С горящими факелами разыскивали во мраке ночи укрывшихся.

Помнит, никогда не забудет «Константинопольскую баню» старый Дандоло. Да, он был там, в объятом дымом, залитом кровью итальянском квартале. С тех пор его покинуло зрение. Никто не дерзает спросить у дожа, как именно это произошло. Об этом ходят смутные толки. Говорят, что 60-летний посол Венеции получил тогда тяжкое ранение в голову и ослеп. Говорят также, будто ещё до погрома старого посла вероломно ослепили.

С тех пор более 20 лет не расстаётся Дандоло с мыслью о мщении. Это мщение должно стать развязкой векового соперничества, бесповоротно разрешить вопрос о том, кому будет принадлежать господство над морями Востока.

И наконец — царевич Алексей, малодушный болтун... Разве эта жалкая фигура не поможет одурачить крестоносцев? Разве при помощи этой живой приманки не удастся увлечь их к стенам Константинополя? Дерзкий план, давно намеченный, теперь окончательно слагается, принимает законченную форму.

При помощи денег, одолженных дожем, от имени царевича Алексея действуют на крестоносцев. Им обещают всё, что угодно за военную помощь, за возврат престола, отнятого Алексеем III.

Рыцарей, ощущавших постоянный недостаток в деньгах и томимых вынужденным бездельем, было не трудно соблазнить. Вскоре почти вся рыцарская масса склоняется к плану, намеченному дожем. Этот план прост: идти на Константинополь, свергнуть захватчика престола, Алексея III, вернуть престол

престарелому императору Исааку и получить от него и сына его, царевича Алексея, обещанную щедрую награду, в счёт которой от имени царевича уже начали выдавать кой-какие суммы.

В гавани Зары закипает работа. Спешно приводятся в порядок корабли, и к пасхе вся флотилия готова к отплытию. Незадолго до намеченного отплытия появляется в Заре и царевич Алексей, заставший приготовления к походу в самом разгаре.

5. ПОХОД В ВИЗАНТИЮ.

Когда ветер, вздув паруса кораблей, понёс их к греческим берегам, в Византии господствовало полное спокойствие.

Позорную картину представляли в то время нравы византийского двора и византийского правительства. Страной правила порочная клика распущенной аристократии, продажная знать, окружавшая Алексея III, беспечного негодяя и легкомысленного государя. Императорский дворец тонул в роскоши и славился своей расточительной, пышной и пьяной жизнью.

«Какую бы бумагу ни поднёс кто царю, — рассказывает византийский историк Никита Хониат, — он тотчас подписывал, будь то даже бессмысленный набор слов. Он ставил свою подпись, хотя бы проситель требовал, чтобы по суше плавали на кораблях, а море пахали, или чтобы переставили горы на середину морей...»

Погружённый в разгульную жизнь и развлечения двора, император не замечал никаких признаков надвигавшейся грозы. Он не обращал внимания на то, что в самой столице происходили кровавые побоища между пизанцами и венецианцами, так как последние стремились вернуть себе былое значение и уничтожить соперников.

Когда стало известно о движении рыцарей, император Алексей не предпринял никаких мероприятий и, восседая за столом в кругу раболепных сотрапезников, высмеивал затею крестоносцев.

Между тем византийский флот находился в самом жалком состоянии. Флотом ведал некий Михаил Стрифн, женатый на сестре императрицы. Этот начальник морских сил, по выражению того же Никиты Хониата, «имел обыкновение превращать в золото не только рули и якоря, но даже паруса и вёсла». По милости этого сановного вора было распродано всё снаряжение военных кораблей. Несколько десятков прогнивших и пришедших в явную негодность судов продолжали стоять на константинопольском рейде в виде печального памятника былой морской славы. И когда некоторые патриоты пожелали раздобыть лес для постройки новых кораблей, они натолкнулись на сопротивление чиновников, оберегавших леса для императорской охоты и не разрешивших произвести порубку.

6. КРЕСТОНОСЦЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ.

Наконец, достоверные сведения о приближении вражеского флота побудили императора сделать запоздалые распоряжения. «И у него, — по ехидному замечанию историка, — палка родила ум». Император приказал спешно починить 20 полусгнивших судов и срыть здания, лежавшие с внешней стороны у самых городских стен.

Между тем флот крестоносцев приближался. «Западные люди, — говорит Никита Хониат, — знали, что греческая империя есть не что иное, как опьянелая и больная с перепоя голова».

24 июня 1203 г. корабли крестоносцев при попутном ветре достигли константинопольской гавани. Корабли, по совету дожа, бросили якорь у Перы, отделённой от Константинополя заливом Золотого Рога.

Тщетно пытался император Алексей III поладить с крестоносцами. Он через послов убеждал их отправиться дальше, в Палестину, обещая щедрые подарки. Но крестоносцы отвергли все предложения.

На другой день, после окончания бесплодных переговоров, крестоносцы, отслужив обедню, собрались на совещание. Рыцари совещались, сидя на конях. Решено было разбить всю армию на шесть отрядов. Передовым был назначен отряд Балдуина Фландрского. Во главе последнего отряда стал предводитель похода, Бонифаций Монферратский.

Несмотря на всю решимость крестоносцев, город с его величественными зданиями и стенами казался хорошо защищённым. По предложению епископов, рыцари исповедались и составили завещания, приготовясь к возможной смерти.

С конями и оруженосцами вступили рыцари на корабли. На противоположном берегу пролива стояли наготове войска Алексея III. Невдалеке от берега рыцари бросались в море и по пояс в воде спешили поскорее добраться до берега. Греки казались готовыми к бою, но как только выбравшиеся на берег лучники и арбалетчики стали приводить в порядок свои ряды, греки дрогнули и поспешно скрылись, предоставив весь берег рыцарям. С кораблей были спущены мостки. Началась высадка кавалерии.

«И знайте, что никогда, — восклицает Жоффруа Вильгардуэн, маршал Шампани, — никакая гавань не была взята с такою славою».

На следующий день бой возобновился у стен огромной башни — крепости Галаты, которая преграждала доступ во внутреннюю гавань Константинополя. Осаждённые предприняли вылазку, но были сбиты натиском рыцарей. Многие греки бросились в море, большинство искало спасения в башне, однако они не успели закрыть за собою её ворот. У этих ворот произошла схватка. Крестоносцы, овладев воротами и перебив многих защитников башни, завладели и самой башней.

К башне была прикреплена цепь, препятствовавшая кораблям проникнуть во внутреннюю гавань. Венецианские корабли прорвали эту цепь и вошли в гавань. Предстояло овладеть самим городом. Французские рыцари взяли на себя нападение на город с суши, тогда как венецианцы решили соорудить лестницы и, подведя корабли непосредственно к стенам города, начать штурм с моря. Общий натиск был отложен на четыре дня.

Навстречу атакующей рыцарской армии выступил, наконец, император Алексей, который вывел за стены города до 10 000 воинов. Некоторое время обе армии стояли друг против друга, и ни одна сторона не решалась начать битву. Внезапно византийский император повернул назад, и его войско, не вступив в бой, скрылось за городскими стенами.

День и ночь прошли в ожидании и неизвестности. На утро разнёсся неожиданный слух. Император Алексей III бежал из города. Второпях он оставил свою семью, но не забыл захватить с собой наиболее ценные сокровища императорской казны. Жители столицы, оправившись от неожиданности, поспешили к темнице, где томился в заключении ослеплённый братом император Исаак. Этого слепого узника облачили в императорские одежды и с почётом отвели во Влахернский дворец, где одетый в пурпур Исаак воссел на высоком императорском троне. Крестоносцы не спешили ускорить свидание нового императора с его сыном, царевичем Алексеем. Напротив, царевич остался в лагере крестоносцев в качестве заложника, а рыцари направили нескольких своих представителей к Исааку, чтобы принудить его дать согласие на все обещания, полученные от его сына перед выступлением в поход.

Рыцари-послы вошли в открытые ворота города и направились пешком к Влахернскому дворцу. На всём протяжении их пути стояли ряды наёмных воинов — датчан и англичан, вооружённых секирами.

Императора рыцари застали в великолепном одеянии, окружённого царедворцами и знатными дамами, празднично разодетыми. Вся эта шумная толпа наперебой прославляла императора, который для них всех ещё вчера был забытым узником.

И сказал маршал Шампани Вильгардуэн:

— Государь, вы видите, какую услугу мы оказали вашему сыну и как мы выполнили заключённое с ним условие. Но он не может вступить в город, пока сам не выполнит условий со своей стороны. Он просит теперь, как ваш сын, чтобы вы утвердили его договор с нами.

На вопрос императора об условиях договора посол отвечал: «Во-первых, поставить всю империю в зависимость от Рима, затем дать войску 200 тысяч марок серебра и съестных припасов на год, всем от мала до велика; отправить в крестовый поход 10 000 человек на своих кораблях и содержать их на свой счёт в течение года».

Император нашёл условия договора очень трудными, но при этом заявил, что крестоносцы оказали ему столь неоценимую услугу, что если бы им за это отдать всю империю, то и такое вознаграждение было бы вполне сообразно.

Несколько недель прошло мирно. Крестоносцы присутствовали на торжественной коронации обоих императоров, отца и сына, Исаака и Алексея, которые совместно были провозглашены носителями императорского титула. Пребывая под стенами города в своём лагере, крестоносцы жили ожиданием обещанной награды.

Прошло ещё некоторое время, и крестоносцы стали в резко враждебные отношения к грекам. Город одновременно и восхищал рыцарей, и вселял им непреодолимое желание разграбить все собранные в нём богатства.

«Представьте себе, — рассказывает Вильгардуэн, — как всматривались мы в этот город, ибо мы никогда не воображали, что мог быть на свете такой роскошный город. Вы легко себе представите, что многие из армии захотели видеть Константинополь и богатые дворцы, и высокие церкви, которых там так много, и сокровища, которых не найдёшь ни в одном городе в таком огромном количестве».

Случаи грабежей и насилий со стороны рыцарей учащались. Однажды по вине разгульной группы рыцарей вспыхнул пожар, уничтоживший несколько кварталов города. Всё суровей смотрели вслед рыцарям жители столицы, и в их ненавидящих взорах можно было ясно прочесть их отношение к непрошенным гостям.

На молодого императора Алексея IV пали тяжкие обвинения. Ему не могли простить того, что он, пригласив крестоносцев, навлёк на Византию эту беду.

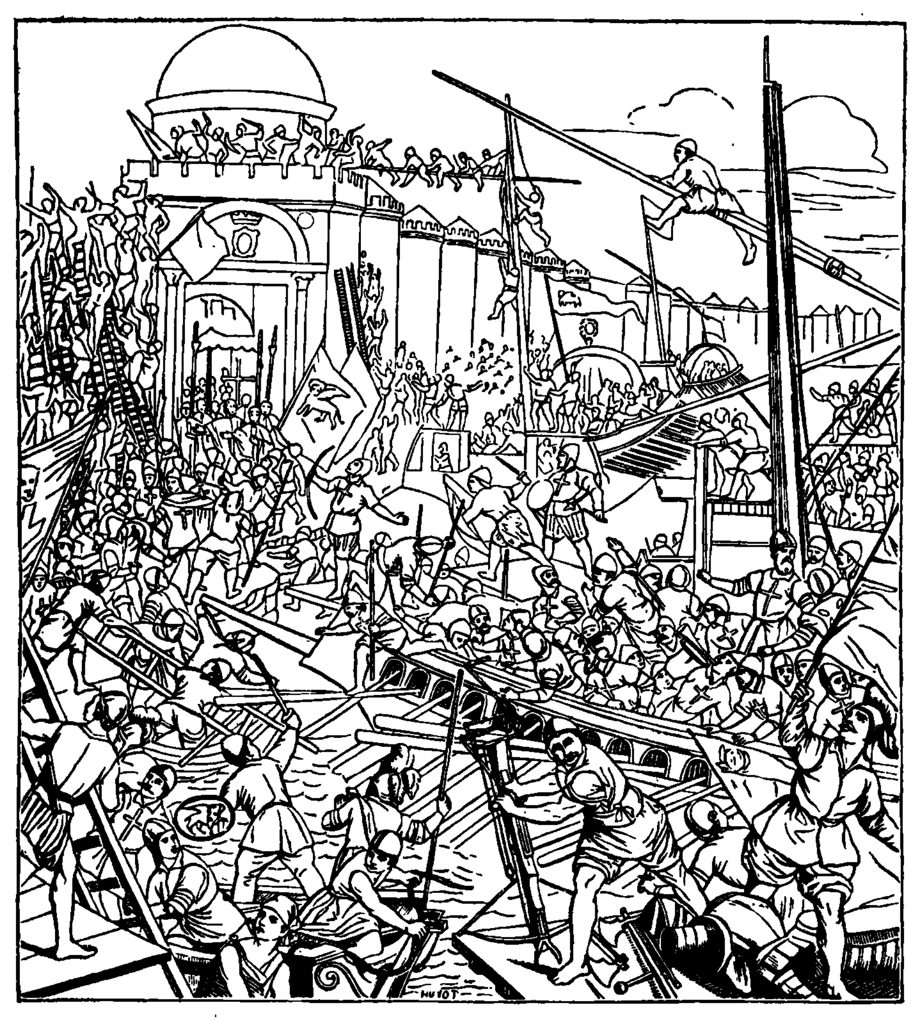
Уплата обещанной суммы затягивалась. Крестоносцы получили лишь половину её — 100 тысяч марок. Укрепившись в пригороде столицы (Пера), рыцари стали угрозой городу. Они требовали денег и ругали Алексея скрягой и обманщиком. Когда при свидании император стал божиться в невозможности уплатить требуемую сумму, горячий Дандоло вскипел: «Подлый, мы вытащили тебя из грязи и туда же опять столкнём тебя!»

С этого момента между Константинополем и Перой началась открытая война.

В одну тёмную ночь гавань Золотого Рога озарилась ярким огненным заревом. Это греки, пользуясь попутным ветром, погнали прямо на крестоносный флот свои «брандеры» — зажжённые корабли, связанные между собой цепями и могущие в несколько минут воспламенить весь вражеский флот.

Завязалась упорная борьба. Наконец, венецианским морякам удалось забить железные костыли в носы брандеров и с помощью галер вытащить их в открытое море и там пустить эти пловучие факелы по воле ветра.

Через несколько дней в Константинополе совершился переворот. Престолом овладел приближённый императора — Мурзуфл,

Взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. *(По фреске XVI в. во дворце дожей в Венеции.)*

который слыл сторонником решительных действий и яростным врагом крестоносцев. Мурзуфл, злоупотребив доверием Алексея, арестовал его и собственноручно задушил. На утро, чтобы скрыть следы преступления, он устроил пышные похороны Алексея.

Однако крестоносцы узнали правду, и так как со смертью Алексея окончательно исчезала надежда дополучить 100 тысяч марок, они деятельно стали готовиться к взятию Константинополя приступом.

Настал день штурма. Каждый корабль устремился к назначенному ему месту. По словам летописца, воинственные крики были так громки, что, казалось, земля распадается. Порывом

ветра корабли крестоносцев были вплотную прибиты к стенам. При этом корабли епископов Труа и Суассона — «Пилигрим» и «Парадиз», связанные между собою, подошли к одной из городских башен так близко, что лестница «Пилигрима» достигла башни.

Венецианцы и французы мигом оказались на вершине башни. Вслед за этим другие рыцари, приставив лестницы, овладели ещё четырьмя башнями.

Ещё немного, и крестоносцы заполнили улицы города, с гиком преследуя гонимых страхом, поспешно бегущих греческих воинов. Сгустившаяся тьма прекратила и беспорядочное бегство, и погоню. Рыцари расположились вблизи только что захваченных стен, опасаясь проникать в глубь города, который своими башнями, церквами и высокими дворцами всё ещё производил впечатление неприступного. Кто-то из боязни, чтобы греки не напали, поджёг квартал, отделявший крестоносцев от греков. И город, объятый огнём, запылал. Опустошительный пожар свирепствовал всю ночь и весь следующий день. Не без торжества заявляет по этому поводу французский летописец: «При этом сгорело домов больше, чем находится в трёх самых больших городах Франции».

Когда исчезло зловещее зарево над городом и понемногу стал рассеиваться густой, чадный дым, крестоносцы увидели опустевшие улицы, город, словно вымерший, обезлюдевший в жутком предчувствии расправы.

Без сопротивления достались крестоносцам дворцы Влахернский и Буколеон, в которых, по словам летописца, «сокровищ было столько, что не было им конца».

Группами разбежались по городу торжествующие рыцари, упоённые победой и добычей.

И вне себя от ликования и восторга, французский летописец восклицает: «Добыча была так велика, что никто не в состоянии был определить количество найденного золота, серебра, сосудов, драгоценных камней, бархата, шёлковых материй, меховых одежд. Но я, Жоффруа Вильгардуэн, маршал Шампани, свидетельствую вам по совести и истине, что в течение многих веков никогда не находили столько добычи в одном городе! Всякий брал себе дом, какой ему было угодно, и таких домов было достаточно для всех. Таким образом, армия пилигримов и венецианцев разместилась по квартирам, и все радовались чести и победе, которую даровал им бог и вследствие которой они перешли разом от бедности к богатству и наслаждениям...»

Стоило ли церемониться с несчастным населением? Жителей выгоняли из домов пинками и ударами, а сопротивлявшихся поражали мечом.

Дом, мгновенно очищенный от прежних хозяев, становился достоянием рыцаря. Надо было торопиться, и ликующий крестоносец наспех прибивал над дверью дома свой щит в знак того, что дом принадлежит ему. Это служило знаком для других ры-

царей, которые, пробегая дальше, искали себе дома, ещё не занятые.

Пока всё это творилось во имя христианского бога, обезумевшие от горя горожане, содрогаясь, вопрошали себя, как могло случиться, что христиане губят христиан, а бог терпит все злодеяния и весь позор православной столицы. Горький рассказ потерпевшего ведёт византийский историк Никита Хониат. Он рассказывает, что церкви не могли быть убежищем для страдальцев, которых вытаскивали оттуда, раздевали донага, чтобы найти спрятанное золото, и затем куда-то уводили. Сам Никита Хониат уцелел случайно. Среди его старых друзей был один венецианец. Этот находчивый человек оделся в платье наёмника и, став на пороге дома Никиты Хониата, не впускал туда грабителей, крича, что этот дом уже захвачен им для себя.

Но когда по улицам стали толпами идти французские и немецкие рыцари, плохо понимавшие итальянскую речь, друг Никиты Хониата стал советовать ему удалиться как можно скорее, пока мужчин и женщин не заковали в цепи. Желая увести семью Хониата подальше от столицы в безопасное место, венецианец потащил своих друзей на верёвке за собой, делая вид, что тянет только что захваченных пленников. Чтобы эта печальная группа не привлекла внимания крестоносцев, все одели самые худшие, бедные одежды и измазали лица грязью.

Сцены дикого разгрома и варварства происходили повсюду. Не был пощажён и храм св. Софии, главная святыня православной церкви. С шумом и стуком оружия ворвались рыцари в огромный храм, залитый потоками света, струившегося сквозь верхние окна из-под высокого купола. Сотни икон в золотых окладах, усеянных жемчугом, налои, покрытые парчой, затканной драгоценностями; сосуды, мерцавшие в уголках храма, золотые лампады, серебряные кропильницы, раки[1] с мощами — такова была обстановка этого храма. С криками неистовой радости и исступления бросились рыцари на добычу. Грубым рывком сорваны парчевые покровы с налоев. С помощью меча делят два рыцаря между собой икону в богатом золотом окладе. Молодой оруженосец с ловкостью обезьяны взбирается вверх по высокой колонне и пытается сорвать серебряную лампаду, повисшую на большой высоте. Очередь доходит до священных сосудов, во множестве стоящих вблизи алтаря. Пинком ноги вываливает краснорожий немецкий рыцарь содержимое большой серебряной раки. Мощи святого с сухим стуком падают на изразцовый пол храма. Каждому хочется поскорей забрать добычу. Этой добычи много. Уже вводят в притвор храма и в самый храм лошадей и мулов, тянут их к самому алтарю, чтобы поскорей навьючить добычу.

Опьяневший рыцарь развалился на патриаршем троне, глядя, как его товарищи силятся сорвать огромную затканную золотом

[1] Рака — церковная утварь, в которой хранились мощи.

священную завесу, отделявшую алтарь от остальной части храма. Сорвана и эта завеса, могущая покрыть целый дом. Её вспарывают лезвиями мечей, скатывают отрезанные полосы ткани, поспешно привьючивают их к сёдлам здесь же стоящих коней.

Увидел крестоносцев в своих стенах и древний храм героев, превращённый в усыпальницу византийских императоров. С треском сорваны крышки гробов, жадные руки крестоносцев обшаривают истлевшие трупы императоров. Золотые украшения и кольца прячутся за пазуху. Изумление вызывает труп Юстиниана. Более шестисот лет его прах оставался неприкосновенным. Однако изумление длится недолго, и спустя минуту гробницу обшаривают торопливые воровские руки.

Жадности нет предела. Сосуды и статуи изумительной работы ценятся на вес. Их ломают и делят, пренебрегая работой художника, тонким искусством резца, красотой отделки. Большая статуя Юноны украшала площадь. Юнона разделила участь многих женщин столицы, погибших от рук крестоносцев. Медная богиня была разбита на куски и перелита. Статуя была столь велика, что 4 быка с трудом смогли перевезти её голову в главный дворец, куда свозилось в те дни много добра. Погибли прекрасные статуи, украшавшие древний ипподром. В немом ужасе следил за крестоносцами стоявший поодаль византийский летописец.

Огромный Геркулес отдыхал в позе печали и утомления. По замыслу художника, герой оплакивал свою судьбу и сетовал на труды, которыми его хотел обременить завистливый Эвристей. Безучастно глядел герой в последний раз на своих палачей. Голова льва, свесившаяся с плеча Геркулеса, взирала на варваров своими застывшими медными глазами. Один из рыцарей снял свой пояс. Этот пояс с трудом сошёлся вокруг мизинца исполина. Ещё минута — и варвары начали сокрушать Геркулеса ударами ломов.

Не оглядываясь, торопливой походкой, всё ускоряя шаг, удалялся византийский историк. Он заткнул пальцами уши, чтобы не слышать невыносимых звуков разрушения. Перед его взором, наполненным слезами, стоял обречённый Геркулес. Казалось, будто вместе с ним умирает старая культура Греции, созданная поколениями зодчих, ваятелей и поэтов...

* * *

Несколько раз менял папа Иннокентий гнев на милость. Сурово осудил он непослушных крестоносцев, дерзнувших отклониться от своего пути в святую землю. Но когда до него дошла весть о покорении греческой империи, когда растерявшийся Алексей IV, ставленник крестоносцев, раболепно изъявил свою готовность подчинить Византию папскому престолу, Иннокентий смягчился.

Но вот докатились до Рима слухи о беззастенчивом разграблении храмов и церквей, о дележе добычи между рыцарями,

и тогда разгневанный папа снова посылает своё укоризненное послание: «Вы, не имея никакого права, ни власти над Грецией, безрассудно уклонились от вашего чистого намерения, устремившись не на завоевание Иерусалима, а на завоевание Константинополя, предпочтя земные блага небесным. И недостаточно вам было исчерпать до дна богатства императора и обирать малых и великих, вы протянули руки к имуществу церкви, и, что ещё хуже, снося с алтарей серебряные доски, разбивая ризницы, присваивали себе иконы, кресты и реликвии, для того чтобы греческая церковь, видя со стороны латинян лишь изуверства и дела дьявольские, была вправе относиться ко всем латинянам с отвращением, как к собакам, для того чтобы она, в силу этого, отказалась возвратиться к повиновению апостольскому (папскому) престолу».

Автор этой беспощадной оценки, проницательный Иннокентий, ошибался лишь в одном. Он думал, что случайные обстоятельства отвлекли рыцарей от выполнения намеченной «святой цели крестового похода». Он не догадывался, что подлинной причиной, побуждавшей и расчётливого дожа, и меднолобых рыцарей, была та настойчивая, неутолимая жажда добычи, сокровищ, трофеев, которая скрывалась под покровом «святых» целей, оправдывавших завоевательный порыв. В бесславной повести Четвёртого крестового похода, в повести кровавых дел и насилий над мирным населением христианской страны, с непреложной ясностью обнажается подлинная, настоящая цель крестоносного движения, его грабительская сущность.

Созданное чужеземными захватчиками на развалинах Византии государство («Латинская империя») оказалось недолговечным. Оно пало в результате народных восстаний, положивших конец временному господству чужеземцев над греческой землёй.

ФЛОРЕНЦИЯ В XI·XII ВЕКАХ

В цветущей долине реки Арно, самой большой реки Тосканы, как раз в том месте, где Арно, выйдя из Апеннинских гор, поворачивает к западу, расположена Флоренция. По-итальянски «Флоренция» означает «цветущая». Это название было дано ещё старому римскому городу, известному своей быстро расцветшей торговлей. В средние века он стал быстро развиваться.

В XI—XII вв. Флоренция была совсем небольшим городом. В начале XII в. в ней было всего 6 тысяч жителей. Но город быстро рос, и уже в начале XIII в. в нём насчитывалось 30—40 тысяч населения.

Флорентинцы много занимались ремёслами и торговлей. Часто из Флоренции выезжали купцы, направляясь в Рим или вниз по реке Арно, в город Пизу; бывали они и на Востоке, и за Альпами.

Вот перед нами группа купцов. В один из летних дней она возвращается во Флоренцию из торгового путешествия. Дорога поднимается на холмы, спускается в долины, идёт через густые леса, покрывавшие в те времена всю местность вокруг Флоренции. Впереди едет коренастый смуглый купец. Он хорошо вооружён, рука лежит на рукоятке меча, глаза зорко смотрят вдаль. Изредка он оглядывается назад, посматривая хозяйским оком на повозки и мулов. Одет он в кожаный кафтан, из-под капюшона выглядывает красный суконный берет, на ногах кожаные сапоги. С правой стороны дороги в такой же одежде едет ещё совсем молодой купец. Весь его вид выражает беспокойство: то и дело хватаясь за рукоять меча, он пробует, свободно ли ходит меч в ножнах, с тревогой озирается по сторонам. Слева и справа двигаются безмолвно и насторожённо ещё несколько человек. Если бы здесь не было навьюченных ослов, мулов, повозок с тюками, всю группу можно было бы принять за отряд воинов. Проезжают мимо замка. Сквозь листву деревьев он виден на высокой неприступной скале. Это и заставило всех насторожиться. Ведь нападать на горожан, брать с них поборы, грабить проезжающих купцов — обычное занятие сеньоров!

Погонщики сильнее погоняют мулов, пешие невольно ускоряют шаг. Скорее бы проехать незамеченными! Но за этим замком

уже виднеется другой, а за ним — третий. Все холмы вокруг Флоренции усеяны замками феодалов, врагов города; они точно кольцом окружили его. На этот раз купцы благополучно миновали твердыни феодалов. Теперь купцы едут повеселевшие и более спокойные. И только вожак попрежнему серьёзен. Нельзя успокаиваться, пока не прибыли в город. Не раз феодалы отнимали у купцов товары у самых городских стен.

Купцы в последний раз поднимаются на высокий холм. Впереди уже видна Флоренция. Голубая лента Арно разделяет город на две части. Виднеются ров, опоясывающий город, стена, серые плосковерхие сторожевые башни, кровли высоких узких домов. А перед стенами Флоренции, среди лесов, — поля и виноградники. На них работают крестьяне, крепостные гóрода, а также некоторые из граждан. В то время далеко не все горожане бросили сельское хозяйство.

Вдруг из-за поворота дороги выскакивают несколько всадников и с криком бросаются на проезжающих. Звенят мечи, летят стрелы. Один купец ранен, другой сбит с лошади. Однако купцов значительно больше, и нападение отбито. Недаром купцы основательно вооружены, недаром собрались в небольшой отряд и долго поджидали друг друга.

Вот и Флоренция. Отирая с лица дорожную пыль, купцы подъезжают к глубокому рву. Через ров перекинут подъёмный мост, который в случае приближения врага будет немедленно поднят на массивных железных цепях, а крепкие дубовые ворота закроются.

С вершины башен, сквозь узкие бойницы бдительная стража наблюдает за дорогой. Привратник давно заметил приближающихся. Теперь он убедился, что это мирные люди и даже узнал некоторых из купцов. Ехавшего впереди знают все в городе. Его суконная лавка и мастерская находятся в самом центре, на Старом рынке.

Купцы въезжают в родной город, благополучно окончив путешествие. Их сразу охватывает городская жизнь. Тесные, кривые улочки наполнены снующей толпой. Здесь торговцы, ремесленники, крестьяне из окрестных деревень, монахи, приезжие купцы. Вот с корзинкой на плече бежит подросток; в простом длинном платье спешит на рынок флорентинка. Крестьянин везёт воз сена и загородил им почти всю узкую улочку. У домов под деревянными навесами сидят торговцы. Один живописно раскладывает на прилавке фрукты, овощи, другой выставляет напоказ самые лучшие ткани, чтобы привлечь покупателя. Здесь же на улицах, у открытых дверей, флорентинки прядут, ткут, шьют, разговаривая друг с другом через улицу, смеются, а часто и бранятся. Напротив, у своей мастерской, сидит сапожник и работает у всех на виду. К нему подходит молодая флорентинка и выбирает себе башмаки. Одета она просто. Юбка из козьей шерсти, шерстяная кофта, простые башмаки составляют её одеяние. Она подпоясана кожаным поясом с костяной пряжкой.

В XII в. так одевались все женщины, даже знатные; в непогоду одевали тяжёлый плащ на овчине; нижнего белья не носили совсем.

Приехавшие приветствуют знакомых. Вдруг сверху, из узкого оконца второго этажа, раздаётся крик: «Берегись!» — и на улицу льётся грязная вода, чуть не обрызгав новый шерстяной плащ проходившего мимо торговца. Рабочие суконной мастерской выливают на улицу грязную воду, в которой они только что мыли шерсть. Это в обычаях средневекового города. Все нечистоты выбрасывались на улицы, на которых постоянно стояли непросыхающие лужи, отравляя воздух. Высокие дома, лепящиеся друг к другу, с нависающими верхними этажами, пропускают в нижние этажи недостаточно света.

Большая свинья, купавшаяся в грязи у мастерской шляпника, начинает рыться в выброшенных помоях.

Вот ссорятся два соседа: яблоня одного склонила свои ветви над огородом другого, а дети последнего оборвали все яблоки. Из-за этого спора может разгореться фамильная вражда, которая будет тянуться столетия.

Купцы, распрощавшись, разъезжаются в разные стороны. Один живёт на Старом мосту, соединяющем основную часть Флоренции с заречной, за рекой Арно. Купец проезжает мимо лавок, мастерских. Ими застроен весь мост. Здесь даже поместились одна церковь и два небольших монастыря. А вдоль берега реки Арно видны многочисленные мельницы. Купец замечает вновь выстроенную в его отсутствие мельницу: город растёт, нуждается в бо́льшем количестве муки.

Молодой купец направляется в центр города. Путь его лежит мимо жилища епископа. Это большое каменное здание. Во Флоренции того времени каменные здания являлись редкостью. Большинство домов были деревянные и только дома самых знатных граждан, резиденции графов, которым принадлежал город, да многочисленные (до 80) церкви были выстроены из камня.

В центре города помещается и зверинец. Здесь живут львы. Из дверей выходит хранитель зверинца. Это осанистый человек, с длинной бородой и усами, которые сразу отличают его от остальных флорентинцев, всегда брившихся. Проезжий почтительно приветствует его: хранитель зверей — одно из знатнейших лиц города. Наблюдение за зверинцем поручалось только знатным. Львы во Флоренции считались символом силы, могущества, и если умирал лев, это расценивалось как дурное предзнаменование. В таких случаях за какую угодно цену спешили приобрести другого льва. Рождение львёнка встречалось с большой радостью. Тогда ждали удачи и благополучия.

Вдруг нашего купца привлекают звуки музыки, доносящиеся из узкого переулка. Здесь, прямо на улице, происходит свадьба. Стены украшены коврами и цветами. Посреди улочки стоит стол, накрытый скатертью, с различными яствами. Больше всего здесь мяса — баранина, дичь. Пирующие — в праздничных суконных одеяниях (преобладает яркокрасный цвет); они сидят

за столом, поют, смеются, еду берут прямо руками (вилок тогда не знали). Еду запивают вином. Чтобы им не мешали прохожие, пирующие загородили улицу и никого не пропускают. Купец знает этот обычай и сворачивает в другой переулок.

Часть купцов въезжает на Старый рынок. Здесь жизнь кипит ключом. Небольшая четырёхугольная площадь вся заполнена лотками, повозками, мулами, лошадьми, ослами. На каждом углу рынка — церковь, а по сторонам расположились дома самых знатных граждан. Здесь же стоит открытая часовня с иконой богоматери и Петра мученика. В этой часовне цех аптекарей служил ежедневно обедню. Приговорённые к смерти читали в ней свою последнюю молитву. Ехавший впереди купец направляется на Новый рынок, находящийся невдалеке от Арно. Здесь совершаются крупные сделки. Площадь Нового рынка окружена зданиями цехов. Цехи — это организации ремесленников, в которые они объединялись, чтобы легче было защищать совместно свои интересы, приобретать сырьё, продавать готовый товар, ограждать себя от конкуренции.

Наш купец проезжает мимо лавок аптекарей, оружейников, меховщиков. Вот резиденция цеха «Лана» — цеха суконщиков. Этот цех — один из значительных и богатых. В его мастерских изготовляются тонкие дорогие шерстяные ткани, чаще всего из привозной шерсти. Невдалеке от него — резиденция цеха «Калимала», самого старинного цеха во Флоренции. Мастерские этого цеха обрабатывают грубые французские и германские сукна и превращают их в первосортные, которыми славилась Флоренция во всём мире.

Такими тонкими сукнами торговал и наш купец. На вырученные деньги он вновь купил толстого сукна. Тюки с привезёнными товарами вносятся в лавку. Лавка — большая комната, занимающая весь первый этаж. Мастерские и лавки всегда устраивались в первом этаже. Жилых комнат здесь не было. В полутёмной комнате (окон в первом этаже не устраивали) покупатели рассматривают материи, торгуются с хозяином — братом нашего купца. После радостных приветствий и поздравлений братья рассматривают привезённое, считают барыши. Часть товара оставляется в лавке для продажи, часть грубого сукна отправляют сразу в мастерскую, а запас относится в кладовую. Кладовая — на третьем этаже. Туда проникнуть можно лишь через грязный и тесный двор. На третий этаж ведёт узкая деревянная наружная лестница. Внутри дома тогда лестниц не делали. В кладовую забираются хозяева, работники вносят тюки. В кладовой, как и в лавке, царит полутьма. Правда, окна здесь есть, но они узкие и длинные, похожи на башенные бойницы и закрыты деревянными ставнями, так как рам со стёклами в то время ещё не было.

Разместив привезённые товары, осмотрев старый запас, запирают крепкую дверь кладовой и направляются в жилое помещение. Хозяева живут во втором этаже. Сюда входят по такой же шаткой, приставленной со двора лестнице. Из двери выходит

густой дым, доносится запах жареного мяса. Хозяйка готовит пищу. Она хлопочет у очага посреди комнаты. Печей тогда делать не умели, печную трубу придумали только в конце XIII века. Некоторое время глаза после яркого солнца привыкают к полутьме. Всё-таки в этом этаже значительно светлей, чем в других. Окна такие же узкие, но они закрыты не деревянными ставнями, а затянуты светлым полотном. Такие полотняные окна существуют не у всех. Они считаются роскошью; по таким окнам всегда можно узнать богатые дома.

Внутри дома, как и на улицах, грязновато, в особенности в комнате, где помещается очаг. Убранство комнаты, даже в этом богатом доме, очень просто. Неприхотливая мебель, столы, лавки. Резные потолки и стены являются единственным украшением флорентинских жилищ.

Во втором этаже не одна комната, как в первом и третьем, а целых три. В двух комнатах нет очага, и здесь поэтому чище, нет дыма и чада. Из главной комнаты сюда проходят по деревянным, приделанным снаружи галереям, так как дверей из одной комнаты в другую не делали.

Солнце село. Рынок пустеет. Торговцы и ремесленники закрывают свои лавки и мастерские, запирают массивные, обитые железом двери. Трудовой день кончился. Вечером жители Флоренции выходят на улицу отдохнуть, выносят сиденья и, сидя у своих домов, разговаривают о событиях дня. Но долго задерживаться не разрешается. Наступает ночь.

Поднимается мост через ров, закрываются городские ворота. На улицах темно: только тусклый свет сквозь деревянные ставни просачивается на улицу. Но скоро погаснет и он. Город засыпает, прохожих нет: ночью запрещено ходить по городу, бодрствует только городская стража.

Так протекает повседневная жизнь горожан.

Но внутри города не всегда спокойно и ночью. Не раз среди ночи с какой-либо колокольни раздаются звуки набата, затем поднимают тревогу колокола других церквей: пожар! Деревянные, тесно расположенные дома вспыхивают, как костёр. Все просыпаются. Город оглашается криками, плачем. Всеми силами стараются погасить пожар. Даже дети носят воду из Арно. Огонь утихает лишь на следующий день. Часто выгорает чуть ли не половина города. Старинный историк, Джиованни Виллани, живший в XIV в., часто упоминает о пожарах. Он пишет: «5 августа 1177 года во Флоренции вспыхнул пожар и сжёг всё до основания — от Старого моста до Нового. В том же самом году загорелось епископство св. Мартина и выгорело всё — до церквей св. Марии и св. Джиованни». В другой год под масленицу загорелись дома и дворцы у дверей св. Петра и быстро сгорели. А это были очень красивые и богатые дворцы и дома. От этого пожара погибло очень много вещей и богатых украшений.

Много несчастий приносили Флоренции и наводнения. Джиованни Виллани пишет, что в 1177 г. от наводнения обрушился

Старый мост. В другой год пошёл сильный дождь, вода в Арно чрезвычайно поднялась, снесла более 50 домов; при этом погибло очень много людей.

Но самыми большими несчастиями являлись эпидемические болезни. В грязном, скученном средневековом городе они уносили массу народа. В особенности страшна была чума. Возникнув в каком-либо месте, часто на Востоке, она расползалась по всем странам и городам, неся с собой смерть, отчаяние и разрушение. Известный итальянский новеллист Джиованни Боккаччо, бывший свидетелем разразившейся во Флоренции чумы, писал: «Не помогали против неё ни мудрость, ни предусмотрительность человека, в силу которых город был очищен от нечистот людьми, нарочно для этого назначенными. Запрещено было ввозить больных, издано много наставлений о сохранении здоровья. Не помогали ни усиленные моления, устраиваемые и не однажды повторяемые благочестивыми людьми, ни процессии». Люди заболевали; внезапно появлялись опухоли — «чумные бубоны», выступали багровые и чёрные пятна, и через три дня в большинстве случаев наступала смерть. Зараза передавалась моментально. Достаточно было побыть с больным, дотронуться до его вещей, чтобы заболеть чумой. Боккаччо рассказывает, что́ он сам наблюдал: «Лохмотья бедняка, умершего от такой болезни, были выброшены на улицу. Две свиньи, набредя на них, по своему обычаю, долго трепали их рылом, потом зубами, мотая их из стороны в сторону, и по прошествии короткого времени, закружившись немного, точно поев отравы, упали мёртвыми на злополучные тряпки».

Пробовали лечить чуму, появлялись самозванные доктора, не имевшие никакого понятия о медицине. Они только разносили заразу.

Тогда больных стали избегать. Боккаччо говорит, что, быть может, многие выздоровели бы, если бы им была оказана помощь. Но «один горожанин избегал другого, сосед не заботился о соседе, родственники посещали друг друга мало, предпочитая видеться изредка. Брат покидал брата, дядя — племянника, сестра — брата, жена — мужа, часто даже родители — детей».

Одни запирались в домах и выходили на улицу изредка, не иначе как нюхая цветок, чтобы отогнать от себя трупный запах. Другие пировали, веселились, не заботясь о больных. А богатые граждане предпочитали бежать из Флоренции в уединённые виллы и поместья.

«Мелкий люд, а может быть, и бо́льшая часть среднего сословия представляли гораздо более плачевное зрелище: надежда либо нищета чаще всего побуждали их не покидать своих домов и соседства. Заболевая ежедневно тысячами, не получая ни ухода, ни помощи, они умирали почти все без исключения. Многие кончались днём или ночью на улице; иные, хотя и умирали в домах, давали о том знать соседям не иначе, как запахом своих разложившихся тел. Соседи, движимые столько же боязнью заражения от трупов, сколько состраданием, поступали большей

частью на один лад: сами либо с помощью носильщиков (когда их можно было достать) вытаскивали из домов тела умерших и клали у дверей, где всякий, кто прошёл бы, особливо утром, увидел бы их без числа, затем распоряжались доставлением носилок, но были и такие, которые, за недостатком носилок, клали трупы на доски. Часто на одних и тех же носилках их было по два, по три, и случалось не однажды, а таких случаев было много, что на одних носилках лежали жена и муж, два или три брата, либо отец и сын».

Хоронили сразу по нескольку человек. Для большого количества тел, которые свозились каждый час к церквам, на кладбищах вырывали огромные ямы. В них сотнями клали трупы, наполняя яму до краёв, и слегка засыпали землёй. Такие похороны нисколько не способствовали прекращению заразы. Боккаччо восклицает: «Сколько именитых родов, богатых наследий и славных состояний осталось без законного наследника! Сколько крепких мужчин, красивых женщин, прекрасных юношей, которых даже сами Гален, Гиппократ и Эскулап признали бы вполне здоровыми, утром обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете».

От чумы умер и историк Джиованни Виллани.

До XII в. Флоренция принадлежала маркизам тосканским. Хотя она и тяготилась их господством, так как маркизы взимали поборы и вмешивались во внутреннюю жизнь города, но флорентинцы не восставали против них. Маркизы как-никак защищали их от соперничавших с Флоренцией городов; Флоренция и маркизы выступали союзниками в борьбе с мелкими феодалами. Но вот в 1115 г. умирает умная и энергичная графиня Матильда Тосканская. Флорентинцы, почувствовав себя окрепшими, не пожелали больше подчиняться сеньорам и объявили свой город-государство самостоятельным.

Отныне Флоренцией стала управлять коллегия консулов, которую избирали богатые граждане: купцы, менялы, цеховые мастера. Большое влияние на управление оказывал епископ. В особо важных случаях на рыночной площади собиралось народное собрание, которое называлось «парламент». Оно разбирало самые важные вопросы, главным образом о войне и мире. А тогда этот вопрос возникал чрезвычайно часто. Свою свободу и могущество Флоренция завоевала в бесчисленных войнах.

Ещё при тосканских маркизах Флоренция начала войну с городом Фьезоле. Джиованни Виллани сообщает, что Флоренция всё росла и укреплялась, а значение Фьезоле всё падало. Флорентинцы напрасно старались завоевать Фьезоле, который занимал укреплённое место, обладал крепостью, стенами и башнями. Тогда они заключили с фьезоланцами мир, перестали воевать, стали ездить друг к другу торговать, многие даже породнились.

Но вот однажды (это было в 1010 г.) под праздник св. Ромула во Флоренции ночью, против обыкновения, царило оживление.

Тишина звёздной ночи нарушалась сдержанным говором, скрипом дверей, бряцанием оружия. Затем среди ночи открылись городские ворота, был опущен мост и при лунном свете можно было видеть, как флорентинцы выходили из города и направлялись к высокому холму, на котором мирно спал Фьезоле. Окружив со всех сторон холм, флорентинские воины спрятались в лесу и оставались там до утра. На следующий день приходился праздник св. Ромула — главный праздник города Фьезоле. Фьезоланцы долго готовились к нему. Они намеревались устроить многочисленные процессии в нарядных одеждах, пиры на улицах города, иллюминацию. Они пригласили к себе на праздник и жителей Флоренции. Этим и воспользовались флорентинцы.

Одев праздничные одежды и спрятав оружие, флорентинцы прибыли в Фьезоле. Небольшая городская стража приветливо встречает гостей. Но не успели фьезоланские стражники опомниться, как были перебиты, и флорентинцы, овладев воротами, дали знать во Флоренцию. Оттуда прискакали всадники, выбежали окружавшие холм воины. Фьезоле — в руках флорентинцев! Не ожидавшие нападения фьезоланцы бежали на вершину скалы, где стояла их крепость. Крепость Фьезоле флорентинцам взять не удалось, но город Фьезоле был разрушен.

Побеждённые сдались коварному победителю. Им было предложено переселиться, куда пожелают. Большинство фьезоланцев переселилось во Флоренцию. Знамя флорентинцев и фьезоланцев объединили. Раньше Флоренция имела красный флаг с белой лилией, а Фьезоле — белый с голубой луной. Теперь флорентинцы включили в своё знамя голубую фьезоланскую луну.

Победители охотно принимали всех желавших поселиться во Флоренции: от этого город рос, прибавлялись богатые купцы, искусные ремесленники, опытные воины, не говоря уже о том, что прежние враги превращались в союзников.

Флоренция вела упорную, многолетнюю борьбу с соседними баронами-феодалами, засевшими в своих разбойничьих замках.

Спустя десять лет после смерти графини Матильды Тосканской флорентинцы решили разрушить крепость Фьезоле. Виллани рассказывает, что в крепости Фьезоле засели знатные люди Катани. Они взяли в крепость разбойников, бандитов, дурных людей, которые приносили всяческие убытки флорентинцам, вторгались в городские дома, грабили купцов, убивали крестьян, уничтожали посевы. Наконец, в 1125 г. флорентинцы осадили крепость Фьезоле. Долго она держалась, но флорентинцы отрезали все подходы к крепости, и скоро в ней стало нехватать съестных припасов. Голод принудил фьезоланцев сдаться. Крепость была разрушена до основания; был издан декрет, чтобы никто не осмеливался восстанавливать крепость на фьезоланском холме.

Вслед за Фьезоле были побеждены города — соперники Флоренции — Понья и Прато.

В начале XII в. пал первый баронский замок Гангаланди, трижды разрушалась крепость Монте Кашоле, но всякий раз

её вновь восстанавливали, и только на третий раз Монте Кашоле была окончательно разрушена.

После этого пал замок Кастельбуоно, а его обитателей, сильных графов Буондельмонте заставили переселиться во Флоренцию, чтобы они не могли вновь отстроить свой замок.

Скоро во Флоренцию переехало большинство баронов — Кадолинги, Альберти, Адмари и т. д. Теперь у Флоренции остался один опасный враг—граф Гвидо Гверра. Его сильный замок Монте Кроче был расположен на высокой обрывистой скале. Проезжать мимо Монте Кроче было весьма опасно; без большой и хорошо вооружённой стражи никто не осмеливался пускаться в путешествие. Самое имя графа говорит о его воинственности: «Guerra» по-итальянски значит «война». Все трепетали перед графом. Его именем флорентинцы пугали своих детей. Не раз флорентинцы ходили штурмом на Монте Кроче, но всё было напрасно. Они не могли даже пробраться к стенам. Сильный гарнизон сбрасывал со стен камни, лил кипяток, расплавленный свинец, смолу, устраивал вылазки. Если же силы гарнизона истощались, то по тайным горным тропинкам приходила помощь из враждебного Флоренции города Сиены, союзника Гвидо Гверра.

Летом 1147 г. у флорентинцев произошла битва с Гвидо Гверра. Под звуки труб из Флоренции выступило войско. Впереди по обычаю двигается колесница с колоколом — «мартинеллой». В мирное время мартинелла висит у входа в церковь св. Марии, а в военное время сопровождает войско, звонит во время битвы. За ней идёт почётная стража. Вслед за мартинеллой пара белых быков, специально выращенных, считающихся священными животными, везёт вторую колесницу — «карроччо». На карроччо возвышаются две высокие мачты с развевающимся флорентинским флагом. Впереди прикреплена «священная дароносица». Карроччо сопровождают священники, благословляя воинов на битву.

Карроччо — неотъемлемая часть итальянских армий. Где остановится карроччо, там центр лагеря; вблизи размещается командование, сюда приносят раненых. Вид развевающегося флорентинского знамени, звон мартинеллы должны возбуждать мужество во флорентинских воинах, воодушевлять их на бой. Если же каким-либо образом врагу удастся захватить карроччо, то битва считается проигранной, даже если до этого флорентинцы и одержали верх. Тогда победитель опрокидывает карроччо и волочит знамя побеждённых по грязи. Поэтому флорентинцы больше всего охраняют карроччо. Битва с Гвидо Гверрой оказалась неудачной, и флорентинцы возвратились назад ни с чем.

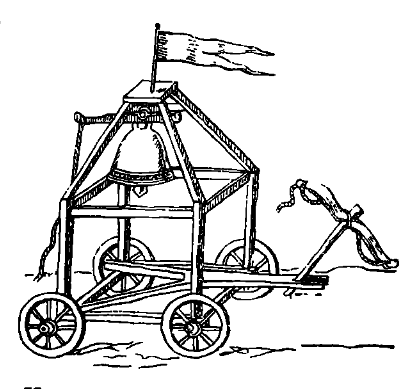
В этом же 1147 г. шла подготовка ко Второму крестовому походу. В церкви на Старом рынке шла торжественная служба. Говорили речи, флорентинцы вспоминали Падо деи Паци, который в Первом крестовом походе первый взобрался на стену Иерусалима и водрузил там знамя. На площади толпился народ. Гвидо Гверра тоже решил отправиться в «Святую землю». В белом плаще с крестом посредине, в сопровождении свиты Гвидо Гверра

прибыл во Флоренцию и предложил заключить перемирие на то время, пока все будут в походе. Флорентинцы дали своё согласие, перемирие было подписано, и граф спокойно уехал на Восток, оставив в замке небольшой гарнизон.

Но флорентинцы и не думали сдержать своё слово. В то же лето они двинулись на Монте Кроче. Началась осада крепости. Со всех сторон окружили скалу, отрезав пути к Сиене и Лукке. Напротив замка расположились лагерем флорентинцы, укрепив свои позиции, чтобы осаждённые, пользуясь темнотой ночи, не прорвались к ним. Подъехав ко рву, осаждающие потребовали сдачи Монте Кроче. Маленький, но отважный гарнизон выставил на стене щит, давая этим знать, что будет защищаться до последних сил. Тогда флорентинцы начали враждебные действия.

Чтобы взять такой сильный замок, как Монте Кроче, понадобилось много сил, храбрости и настойчивости. Под градом стрел осаждающие начали засыпать глубокий ров землёй, камнями, деревьями. Когда эти материалы иссякли, в ров стали бросать трупы лошадей и даже трупы людей. Работали под деревянными навесами, чтобы защититься от стрел и камней, низвергавшихся сверху. А чтобы осаждённые не могли зажечь осадные машины, их покрывали сырыми кожами. Вот уже в некоторых местах ров засыпан. К стене подвигают таран — большое дубовое бревно, окованное на конце железом и подвешенное на цепях. Его раскачивают несколько человек и железным концом тарана бьют стену. Таран тоже прикрыт деревянным навесом с мокрыми кожами. Другая группа пробирается к воротам, чтобы обрубить цепи, держащие мост, и опустить его. Осаждённые засыпают осаждающих камнями, льют расплавленный свинец. Вот летит открытая бочка с известью, ослепляя наступающих. Флорентинские воины срываются в ров, но место погибших заступают их товарищи. Вот флорентинцы пускают в ход метательные машины — манганы. За стену летят и горящие головни, чтобы вызвать пожар.

Флорентинцы пытались устроить подкоп, но каменная почва не поддавалась. Тогда пустили в ход «мышонка» — трёхэтажную башню. На верхнем этаже её стояли манганы, которые разрушали зубцы, проламывали крыши, прогоняли защитников замка со стен. Во втором этаже люди приставляли к стенам лестницы и готовились лезть наверх. В нижнем этаже таранят стену. Осаждённые пытаются зажечь машины, канатом с железными крюками поймать таран. Вот вместо тарана

Колесница с колоколом — «мартинеллой».

на крюке повис флорентинский пехотинец и висит между небом и землей, забрасываемый камнями и стрелами и своих, и врагов.

Наконец, к стенам подкатывается самое страшное тогда орудие — гуляй-башня. Она вмещает больше 300 солдат. Верхний её этаж приходится как раз на уровне зубцов стен. С него на стену перекидывают мост, и масса флорентинцев с криком «на приступ!» готова ворваться в Монте Кроче.

Однако осаждённые уже вывешивают белый флаг; они сдаются, вынужденные согласиться на то, чтобы самые мощные укрепления замка были срыты и никогда не восстанавливались. Но через некоторое время гарнизон вновь начал отстраивать стену в другом месте. После этого флорентинцы штурмовали Монте Кроче и разрушили его до основания.

В 1149 г. из крестового похода вернулся Гвидо Гверра. Разгневанный, он быстро восстановил крепость Монте Кроче и вновь угрожал Флоренции. Через два года флорентинцы снова штурмовали Монте Кроче. Однако Гвидо Гверра и после этого штурма вновь отстроил крепость.

Только в 1208 г. прекратилась война с Монте Кроче. С сыном Гвидо Гверра, которого тоже звали Гвидо Гверра, флорентинцы заключили мир, подкрепив его браком Гвидо Гверра с одной из знатных флорентинок.

Графы Гвидо Гверра были последними крупными врагами Флоренции. В 1209 г. последние бароны переселились в город. Так Флоренция достигла самостоятельности и стала в ряд самых могущественных городов-государств Италии.

Победа Флоренции над баронами была одной из первых побед нового, идущего к власти класса — буржуазии — над уже загнивающим феодализмом.

К концу XII в. Флоренция так выросла, что потребовалось окружить её ещё одним рвом и ещё одной стеной. Много труда и времени ушло, прежде чем город был обнесён вторым кругом стен. На постройку стен иногда тратили больше полувека (например в средневековом Нюрнберге городскую стену строили 80 лет), но зато они возводились высокими и крепкими.

Старинный историк Дино Компаньи, живший на рубеже XIII—XIV вв., так писал о Флоренции:

«Флоренция богата и обильна пресной водой от царственной реки Арно, которая делит её почти пополам. Воздух в ней тёплый, и она защищена от вредных ветров. Мало у неё земли, но она изобилует разнообразными плодами. Граждане её смелы в сражениях, горды и склонны к раздорам; они любят запретные выгоды. За великую силу соседи больше сторонятся её и страшатся, чем любят».

АК ОБУЧАЛИСЬ В СРЕДНЕВЕКОВОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

По плохим, опасным из-за разбоев, осенью и весной почти непроезжим дорогам можно было видеть, наряду с монахами, торговцами и нищими, ещё один разряд путников: людей, ищущих знания. Среди них были и мальчики 15—16 лет и люди, которым уже шёл четвёртый десяток; были бедные, милостыней собирающие себе средства на дорогу, идущие пешком во всякую непогоду; были и люди состоятельные, путешествующие в карете или верхом, со слугами. Почти все они ехали и шли издалека, делая иногда большие поездки, чтобы достигнуть желанной цели.

Куда же стремились эти люди, пускаясь в такие далёкие и опасные в те времена путешествия? Они ехали учиться в университеты того времени — прадеды наших высших учебных заведений.

С крестовыми походами в Западной Европе оживилась торговля, стали теснее связи между отдельными областями, появилась нужда в большом количестве грамотных и образованных людей. И вот в XII—XIII вв. стали возникать университеты. Университет (universitas) — латинское слово, означающее союз, или объединение, а почему эти высшие учебные заведения назвали союзом, станет понятным, когда мы познакомимся с историей возникновения университетов.

Средневековые университеты возникли в тех городах и местечках, где были школы, учителя которых прославились своей учёностью по всей Западной Европе. Вот как возник, например, один из самых старинных и знаменитых университетов — Парижский.

В XII в. в парижской школе учил Гильом Шампо, которого прозвали «столпом учёности». У него было много учеников. Гильома Шампо затмил своей учёностью и заставил уйти из Парижа его ученик, ещё более знаменитый учёный Абеляр.

Абеляр (родился в 1079 г.) происходил из рыцарского рода. С детских лет он много учился и в поисках знания обошёл несколько школ. Когда ему было 20 лет, он прибыл в Париж, чтобы учиться у Шампо.

Однажды Абеляр вызвал своего учителя на диспут и в присутствии всех его учеников одержал над ним блестящую победу. Вскоре Абеляр уехал из Парижа и основал свою собственную школу.

Через некоторое время Абеляр, став ещё более знаменитым, снова победил Шампо на диспуте; после этого Шампо оставил Париж, а его блестящий соперник Абеляр занял его место. Он затмил всех своей учёностью; стали считать что Абеляр — самый большой учёный своего времени. Абеляр был очень красноречив, говорил ясно и живо, его оригинальные мысли привлекали множество слушателей. Чтобы иметь счастье слушать Абеляра, люди приезжали на кораблях из Англии, шли пешком из Бретани, Нормандии, Фландрии, а испанцы переходили Пиренеи. Среди слушателей Абеляра было много людей из Германии. Абеляр прославил парижскую школу, и с его именем связано начало существования Парижского университета.

Школу в Болонье прославил Ирнерий. Он, как и Абеляр, жил в конце XI и в начале XII в. Ему приписывают заслугу собрания воедино полного текста Юстиниановых законов. Знаменитый византийский император Юстиниан, живший в VI в. и своими завоеваниями сделавший Византию очень могущественной, известен ещё и тем, что собрал и издал римские законы, которые получили название Юстинианова кодекса, т. е. сборника законов (см. выше очерк «Юстиниан»). Ирнерий и прославился тем, что искусно толковал эти законы и обучал своих слушателей римскому праву.

Поэтому всякий, кто хотел изучить римское право, должен был отправиться в Болонью, в маленький, до тех пор мало известный, итальянский городок. Сюда стали стекаться отовсюду многочисленные слушатели; среди них было особенно много уроженцев Германии.

Люди, приезжавшие учиться на чужбину, были там совершенно беззащитны. Они не были гражданами этих городов, не состояли членами городских цехов, и в случае столкновения с местными жителями городской суд всегда держал сторону горожан.

Столкновений же и поводов к ним было очень много. Такому большому количеству студентов нужны были жилища, и граждане сильно повысили цены на квартиры. За плохие, сырые и маленькие комнаты они брали такие большие цены, которые трудно было оплачивать даже состоятельным людям.

Очень дорого стоили и продукты. Пекари, булочники и другие ремесленники, объединённые в цехи, безжалостно обманывали иностранцев. Что оставалось делать приезжему человеку, который зачастую был бедняком? Каждый из них в отдельности был беззащитным перед гражданами, организованными в цехи, имеющими за собой городской совет. А между тем объединённые, организованные иностранцы представляли бы силу. Так и было сделано: чужестранцы объединились в союз, или как он назывался по-латыни, — университет. В него вошли и учителя, и учащиеся.

Стали происходить столкновения между университетами и городами. Университеты стали добиваться самостоятельности. Это была тяжёлая, иногда кровопролитная борьба, но обычно университеты добивались своего.

Большая печать богословского факультета Парижского университета (XIV в.).

Вот как завоевал Парижский университет свою независимость от города. В 1200 г. произошло крупное столкновение Парижского университета с городской властью. Дело началось совсем из-за пустяков. Один студент-немец послал своего слугу в погребок за вином, а слугу поколотили пировавшие там горожане. Студенты в свою очередь направились в погребок и избили горожан. Последние послали за городским «прево», который немедленно явился арестовать студентов. Студенты защищались как могли, так как считали своё дело правым, и в кровавом столкновении пять студентов были убиты. Университет жаловался королю на действия «прево», и король встал на сторону университета. Он дал университету привилегию, освобождавшую его от подчинения городскому суду. Теперь университет судился церковным судом. Позднее, после многих жалоб, университет сумел освободиться и от власти собора Парижской богоматери, которому он был временно подчинён.

Малая печать Парижского университета (XIV в.).

В 1229 г. произошло другое кровопролитное столкновение. На масленице студенты поссорились с хозяином одного погребка, разгромили погребок и избили жителей. Королева распорядилась арестовать студентов и послала отряд полиции. Студенты сопротивлялись как могли, но видя, что сила не на их стороне, искали спасения в огородах и каменоломнях, которых было много близ Парижа. В результате этих «боевых действий» оказалось много раненых и изувеченных студентов. Университет потребовал в месячный срок удовлетворения за нарушение своих привилегий (ведь университет был уже неподсуден городу), а в противном случае грозил прекратить занятия на 6 месяцев. Королева не соглашалась удовлетворить требования университета, и университет закрылся, «забастовал». Все винили королеву в том, что,

закрыв университет, она нанесла «ущерб церкви и государству и позор французской короне». В дело вмешался сам папа Григорий IX. Он уговорил королеву дать удовлетворение университету и сам утвердил и расширил льготы университета в знаменитой хартии 1231 г., которую назвал «великой хартией». В хартии, между прочим, было сказано: «А если случится кому-нибудь из вас быть незаслуженно арестованным, позволяется вам приостановить чтение лекций...» «Возбраняем, кроме того, арестовывать школяров за долги, так как это запрещено канонами и постановлениями закона...»

Болонский университет тоже неоднократно спорил с болонцами, даже покинул город и был вне его в течение 10 лет. А когда произошло примирение, то болонцы были так рады, что в честь этого события воздвигли совместно со студентами церковь Марии Мироносицы.

Как мы видим, университеты обращались за помощью и к императору, и к папе. Папа и император давали университетам грамоты, хартии. Болонскому университету дал хартию император Фридрих Барбаросса.

Папы и императоры, давая грамоты, не только помогали университетам, но и преследовали при этом свою выгоду. Римские папы очень покровительствовали Парижскому университету, так как он славился своим богословским факультетом и готовил верных служителей церкви. Дело доходило до того, что папа запрещал в других местах открывать богословские факультеты, чтобы его любимец, Парижский университет, не потерял слушателей. Недаром один современник назвал университет опорой церкви, а в заботах папы о Парижском университете можно убедиться хотя бы по тому, что до 1260 г. было издано 240 булл (папских указов), касавшихся Парижского университета.

Фридрих Барбаросса дал хартию Болонскому университету тоже не случайно. Барбаросса был императором-завоевателем; он стремился покорить и завоевать чужие земли, много лет воевал со свободными итальянскими городами, стремясь подчинить их своей власти. Он считал, что власть императора должна быть полной, без всяких ограничений, что его подданные должны быть его верными слугами и не иметь никаких вольностей. А в кодексе Юстиниана как раз говорилось, что воля императора — закон. Поэтому Барбаросса был самым горячим заступником Болонского университета, где так тщательно изучался кодекс Юстиниана, посылал учиться в этот университет своих подданных и взял под своё покровительство всех, кто ехал в университет или возвращался оттуда, а также тех, кто в нём учился. Его покровительство, сказано было в грамоте, обеспечено тем, кто «предпринимает путешествия ради научных занятий».

Города неохотно уступали свои права университетам, но когда университет покидал город, последний от этого много терял. Пустели дома, тихо становилось на улицах, не звенела на улицах

чужеземная речь, пекари пекли меньше хлеба, в погребках пили меньше пива и вина, пустовали комнаты. И в карманах бюргеров становилось более просторно. Город нёс не только материальный ущерб, но и терял свою славу. Ведь Болонья была сначала незаметным маленьким городком, и только университет прославил её во всей Европе. Парижский университет прославил всю Францию; была даже распространена поговорка: «В Италии — папство, в Германии — империя, во Франции — университет». Городам было невыгодно терять университеты. Они шли на уступки, и университеты становились всё более и более независимыми от городских властей и в конце концов образовали в черте городских стен как бы маленькое независимое государство. В этой независимой организации и заключалось отличие средневекового университета от обычной средневековой школы.

Ректор и доктор Парижского университета. *(По миниатюре в «Граде божием» (XV в.). Музей Парижской национальной библиотеки.)*

В наше время школа от университета отличается тем, что в школе учат основам наук, и только кончив школу, можно поступить в университет, в котором более глубоко изучают одну какую-либо науку или группу наук. В средние века разница между университетом и школою заключалась совсем в другом. Школа была подчинена местной власти, монастырю, городу, светскому князю, а университет был независим от местной власти, являлся самостоятельным объединением, имевшим хартию или от императора (короля), или от папы, или от того и другого вместе. Чтобы поступить в университет, не обязательно было кончить школу.

Как же были организованы эти независимые союзы — университеты? В качестве типичного примера можно взять Парижский университет. Университет объединял и тех, кто учился, и тех, кто учил. Членами университета считались и все те, кто обслуживал его нужды: наставники в коллегиях — педели, прислуга магистров и студентов, книгопродавцы, торгующие книгами (рукописями) или дающие их на время, продавцы перга-

мента, на котором тогда писали, переписчики книг, аптекари, содержатели бань, ростовщики, ссужающие деньгами школяров и магистров, даже посыльные и трактирщики.

У университета было много привилегий: свой суд, льготы при найме помещений, освобождение от несения воинской повинности, освобождение от обязанности нести по ночам сторожевую службу в городе, освобождение от дорожных пошлин, очень многочисленных в то время, право охоты и т. д. Таким образом, быть членом университета было выгодно.

В самом университете преподаватели и ученики имели отдельные организации. Все преподаватели были объединены в факультеты. «Факультет» (facultas) — латинское слово, означающее «способность», в данном случае способность преподавать науку. Потом это слово стало обозначать отдельные отрасли знания. Парижский университет, или, как говорилось в одном официальном документе, источник мудрости, делился на 4 факультета: богословский, юридический, медицинский и философский (артистический), которые «были подобны четырём рекам рая». Философский факультет назывался артистическим потому, что там проходили семь так называемых свободных *искусств*[1] (Septem artes liberales).

Членами факультетов считались только преподаватели, которые имели учёные степени и назывались докторами, или магистрами. Магистры выбирали себе главу — «декана» (декан — десятник, название, заимствованное из церковной организации). Как сообщает один современник, магистры жили недружно, ненавидели друг друга, переманивали друг у друга учеников.

Учащиеся, которые назывались студентами (от латинского слова studens — занимающийся), имели свои организации. Когда студент приезжал в незнакомый город, он прежде всего искал земляков, которые помогали ему устроиться. Землячества объединялись в «провинции», а провинции в свою очередь объединялись в «нации», ещё более широкие группы студентов. Таких «наций» в Парижском университете было четыре: галльская, пикардийская, нормандская, английская. К «галльской» нации, кроме французов, принадлежали испанцы, итальянцы и жители Востока. В «английскую» нацию входили, кроме англичан, жители Германии и провинций, занятых англичанами во Франции, а также шотландцы. Как видим, каждая «нация» включала в себя много разных народов.

Каждая «нация» выбирала себе главу — прокуратора, а все четыре нации вместе избирали ректора, который был главой университета. Ректор был чаще всего лицом духовным, во вся-

---

[1] «Семью свободными искусствами» в средние века назывались: грамматика, риторика (искусство красноречия), диалектика (так называли в средние века логику), арифметика, геометрия, астрономия и музыка. При этом три первые науки составляли так называемый «тривиум» («трёхпутие»), а четыре последующие носили название «квадривиум» («четырёхпутие»).

Присуждение степени доктора наук. *(Снимок с гравюры на дереве из немецкого издания сочинения Цицерона «О должностях» (XVI в.). Парижская национальная библиотека, собрание гравюр.)*

ком случае неженатым, так как в средние века брак считался несовместимым с занятиями наукой. Это требование предъявлялось и к профессорам, и к студентам.

Ректор смотрел за тем, чтобы прокураторы (от латинского слова curo — забочусь) следили за порядком: все студенты должны быть внесены в списки (матрикулы), посещать занятия, платить за обучение лекторам (гонорар) и вести себя хорошо. Кстати, гонорар студенты платили очень неаккуратно. Один лектор так закончил свой курс лекций: «В будущем году я буду читать только ординарные (обязательные) лекции, а экстраординарных (необязательных) читать не буду, ибо школяры — неисправные плательщики; знать хотят всё, а платить никто не хочет». Гонорар не давал, конечно, средств университетам. Средства университету обеспечивали доходы с церковных приходов, которые были к нему приписаны. Кроме выбранных самими студентами прокураторов, для наблюдения за студентами ректор назначал особых наставников — педелей. Должность педеля считалась очень почётной.

Студенты, действительно, нуждались в присмотре. Они часто допоздна шатались по улицам, пили много вина, ссорились с гражданами, да и между собой жили не всегда дружно, так как «нации» иногда враждовали между собой. Они давали друг другу обидные прозвища. Англичан называли пьяницами и шутами, французов — неженками, похожими на женщин, нормандцев

называли тщеславными самохвалами, жителей Пуату — вероломными льстецами и т. д. Часто из-за оскорблений происходили бурные ссоры.

Чтобы жизнь студентов была более организована, а также для помощи бедным студентам были созданы при университетах «коллегии». Коллегиями назывались общежития, где студенты получали постель и питание. Коллегиям жертвовали деньги папы, короли, духовные лица и знатные вельможи.

В Париже приобрела большую известность коллегия, учреждённая в XIII в. Робертом Сорбонном, духовником короля Людовика IX, для 16 бедных студентов богословского факультета. Эта коллегия была вскоре расширена и приобрела такое значение в жизни всего богословского факультета, что весь он в целом стал называться Сорбонной и под этим именем прославился по всей Западной Европе. В Сорбонне была большая, тщательно подобранная библиотека. Число коллегий стало быстро расти, и они получали всё большее значение в жизни университета. В коллегии стали приглашать магистров для ведения занятий, там следили за успеваемостью студентов и их хорошим поведением.

Факультеты не были равны между собой. Артистический факультет, где изучали «семь свободных искусств» и заканчивали философией, считался подготовительным, он учил основам наук. Постановление докторов Парижского богословского факультета прямо говорит, что тривиум и квадривиум — фундамент науки, и никто не может совершенствоваться дальше, не зная этих основ. Артистический факультет был самый многочисленный. При окончании этого факультета на выпускном экзамене предъявлялись небольшие требования. Соответственно требованиям, учёная степень, получаемая по окончании артистического факультета, была самая низкая. Кто успешно сдавал эти экзамены, тот получал звание баккалавра, которое считали преддверием для достижения прочих степеней. Кроме экзамена, баккалавр должен был выступить на диспуте и дать клятву университету в верности. После этого баккалавры становились преподавателями университета. Иногда они поступали учиться на высшие факультеты и были одновременно и студентами, и учителями. «Артисты» были самыми необеспеченными студентами; про них говорили: «Гален (медицина) даёт богатство, Юстиниан (право) даёт почести или должности, а артисты ходят пешком», «Кто занимается логикой, тот в поте лица добывает хлеб свой», «Перед юристами растворяются двери дворцов, а если бы сам Гомер пришёл в сопровождении муз, ему пришлось бы постоять у дверей».

На факультетах (особенно на артистическом) в качестве дисциплинарной меры применялись телесные наказания. Секли не только студентов, но и баккалавров.

Медицинский, юридический и богословский факультеты были «высшими факультетами». Богословский факультет считался гордостью Парижского университета. На нём могли учиться только

Лекция в университетской аудитории. *(Цветная фреска.)*

духовные лица, тогда как на другие факультеты принимались и светские люди: и крестьяне, и горожане, и рыцари, и знатные феодалы. По окончании высших факультетов давалась более почётная учёная степень — доктора или магистра. Получить это звание было трудно, так как для этого требовались не только большие знания, но и порядочные средства. Если из 100 начинающих студентов звание баккалавра получали впоследствии 30—35, то к магистерскому экзамену являлись из них только 5—6. После экзамена давали разрешение преподавать: получившие это разрешение назывались лиценциатами.

Если лиценциат хотел стать магистром, ему предстоял очень торжественный обряд, сопряжённый с большими затратами. Вступление в магистры было торжественным актом. Он заключался в том, что на лиценциата возлагали ректорскую шляпу (берет) как знак свободы и достоинства, надевали ему перстень на руку как знак обручения с наукой (кроме духовных лиц, которым перстня не давали), на плечи одевали особую мантию. Этому торжеству предшествовали излюбленные в средние века диспуты, которые продолжались в течение трёх дней при огромном стечении студентов и в присутствии всех магистров и баккалавров. Желающий стать магистром ставил четырёхфунтовую свечу, угощал вином

и конфетами своих будущих коллег, учёных. Но не в этом состоял главный расход. По обычаю требовалось, чтобы за две недели до диспута будущий магистр обошёл всех магистров, баккалавров, педелей, друзей и каждому лично вручил какой-либо подарок (отрез сукна на платье, мех, шляпу и т. п.). Подарки были ценные и требовали больших издержек. Диспут был не испытанием, а торжеством, которое заканчивалось пирушкой всех магистров, также проводимою на средства новоиспеченного учёного.

Такие расходы были не каждому доступны, и в университете были лиценциаты, сдавшие экзамены, получившие разрешение преподавать, но из-за недостатка средств не получившие звания магистра.

Как были организованы занятия в университете?

Учение происходило почти круглый год: с 19—20 октября до 7 сентября. В сентябре — октябре были «большие вакации». Кроме того, не занимались на пасхе две недели и летом, в самое жаркое время. Оно совпадало с появлением на небе созвездия «Малого Пса», отчего эти вакации и получили название «каникул» (от латинского *canicula* — собачка, щенок). Папа Григорий IX своей великой хартией (в 1231 г.) установил продолжительность каникул не больше месяца.

Все занятия велись по-латыни: по-латыни учили преподаватели, по-латыни были написаны книги, только по-латыни разрешалось говорить между собой в университете и в коллегиях, под страхом тяжёлого наказания.

Самым главным видом занятий были лекции, т. е. чтение книг и объяснение непонятных мест в них. Лекции были ординарные и экстраординарные. На ординарных лекциях читались книги самые важные, и поэтому эти лекции были обязательными, они читались в учебные дни, утром, как говорят, «со свежими силами». На экстраординарных лекциях объяснялись книги, не обязательные для экзамена, поэтому эти лекции происходили во внеучебные часы, после обеда. Обычно экстраординарные лекции поручались баккалаврам, а ординарные — магистрам.

За пропуск лекции или опоздание брался штраф как со студентов, так и с преподавателей.

Как же происходила лекция? Преподаватель читал книгу и объяснял непонятные места в ней по два раза, а студенты следили за его объяснениями по книгам, которые лежали перед ними. Книг тогда ещё не печатали, а переписывали на пергаменте, поэтому их было очень мало, и они стоили очень дорого. Часто одна книга приходилась на 3—5 человек. Нередко студенты сами переписывали для себя книги. В переписанных книгах было много ошибок. Некоторые книги достать было очень трудно. Пришлось искать выход из такого затруднительного положения. Иногда лектор диктовал студентам лекции, но записи получались такими безграмотными, что эту затею пришлось отвергнуть. Чтоб помочь беде, магистры стали составлять сборники-конспекты, в которых помещались самые нужные выдержки из книг

Бытовая сценка из жизни студентов: распутного, задолжавшего студента, раненного на дуэли, вызывают к ректору. *(По гравюре страсбургского гравёра Якова фон-дер-Хейден, 1618.)*

с толкованиями. Эти сборники назывались «Суммы» и облегчали студентам усвоение наук. Важный недостаток «Сумм» заключался в том, что они заслоняли непосредственные источники, творения самих авторов.

Таким образом, изучение науки означало в то время изучение определённых книг. Так, «артисты» читали Аристотеля, медики — Гиппократа, Галена, произведения других греческих врачей и Авиценну (арабского учёного); юристы — канонические сборники права, сборники декретов Грациана (отчего студентов-юристов называли иногда декреталистами или канонистами). Такая наука получила название схоластической (от латинского слова schola — школа), т. е. школьной науки. В ней очень малую роль играл опыт и очень большую — авторитет. Главной целью являлись не поиски истины, которая служила бы на пользу людям в их повседневной жизни, а отыскание наиболее искусных доказательств известного, заранее намеченного, чаще всего религиозного положения (тезиса), взятого из «священных» книг.

Необходимой частью обучения, дополняющей лекции, были диспуты, т. е. споры на определённую тему. Эти диспуты имели большое значение; посредством диспутов становились известными новые доказательства, новые мысли. Диспуты совершенствовали

логику, т. е. способ мышления, но главным образом с формальной стороны. Самым большим достоинством одного средневекового учёного считалось, что он «содержание слов считал совсем неважным, формы же слов и оборотов — за самое главное».

Как происходили диспуты? Какой-либо магистр брался защищать то или иное положение (тезис), например создан ли был человек в раю. Все тогда верили, что человек был создан в раю, вся задача заключалась в том, чтобы искусно это доказать. Вот собираются на диспут в большое помещение, устланное соломой; здесь много студентов, магистров и баккалавров. На кафедре диспутант. Он высказывает свой тезис и начинает его доказывать. Считается, что человек сотворён в раю. Рай был до грехопадения местом, предназначенным для человека. Значит, надо думать, что человек сотворён в раю. «Далее, — продолжает он, — животные сохранились в месте своего происхождения, как, например, рыбы в воде, земные животные на земле, из которой они созданы. Человек же жил в раю, следовательно, он был создан в раю». У диспутанта в запасе ещё более сильное доказательство: «Далее, — продолжает диспутант, — женщина была создана в раю, но мужчина много достойнее женщины, следовательно, мужчина тем более должен быть создан в раю».

Все свои доказательства диспутант сопровождает множеством цитат. Его противники тоже возражают цитатами и, например, приводят из библии такую: «и взял бог человека и поселил его в раю». Значит, говорят они, человек не был создан в раю, а в другом месте, и лишь затем поселён в раю. Но диспутант в доказательство своей правоты приберёг не один десяток возражений, которыми он ловко разбивает своих противников.

Диспуты, подобные этому, происходили часто. Они привлекали сотни слушателей, которые, затаив дыхание, внимали сложному словесному поединку. Темы диспутов были далеки от жизни. Шли долгие словопрения, посвящённые какому-нибудь запутанному месту священных текстов. И всё же эти диспуты, как и вся схоластическая наука, не прошли бесследно для дальнейшего развития человеческой мысли. Этим путём развивалось искусство спора, и спорящий учился практически использовать свои знания, развивал в себе способность строить доказательства. Диспуты часто были такими бурными и страстными, что дело доходило до рукопашных схваток и кровопролития. Поэтому между противниками стали ставить барьеры. Недаром противников называли «боевыми петухами». Повидимому, в связи с этими боями было издано постановление, которое запрещало на диспутах называть противников оскорбительными именами, вроде «еретик», «осёл» и др.

Большим искусством считалось разбить все самые хитрые доводы противников и доказать требуемое положение. С восхищением рассказывали современники об английском схоласте Дунсе Скотте, который в XIV в. приезжал в Париж. Дунс Скотт был выдающимся учёным, и все парижские магистры тщательно го-

товились к диспуту с ним. В ответ на его тезис было выдвинуто 200 возражений, среди которых были очень веские. Каково было удивление всех, когда Дунс Скотт, внимательно и спокойно выслушав все возражения, без запинки повторил их все на память по порядку, разрешая при этом самые трудные вопросы, распутывая самые сложные положения. Восхищённый университет дал ему почётное звание «тончайшего доктора».

Иногда, как особое торжество, университет устраивал диспуты «о чём угодно». Это был словесный турнир, в котором диспутант брался опровергнуть любой тезис. Такой диспут устраивался редко — раз в 4 года — и продолжался до двух недель. В эти дни занятий не происходило. Все студенты, магистры, педеля, ректор, деканы — все были на диспуте. Вопросы, вокруг которых шёл спор, были самые неожиданные. То диспутант доказывал, что люди суть животные, то он же выступал с обратным тезисом, находя цитаты и за, и против своего первоначального положения. То он доказывал, что у человека есть душа, то — что её нет. За вопросами серьёзными следовали вопросы шуточные, нескромные.

Состав слушателей в университетах был непостоянен; были студенты, которые слушали лекции и диспутировали во многих университетах. Со временем сложился даже особый тип странствующего студента, который не столько стремится к науке, сколько любит вольную бродячую жизнь и путешествия, пирушки и вино. В одной песне бродячие студенты так выражали свою радость по поводу окончания занятий:

Радость, радость велия —
День настал веселия!
Песнями и пляскою
Встретим залихватскою
День освобождения
От цепей учения.

Парижский и Болонский университеты были первыми в Европе по времени основания. По их образцу стало создаваться и много других. В Германии университеты возникли позднее, в XIV—XV вв.

К концу XV в. в Европе насчитывалось 65 университетов, из них 20— в Германии, 16— во Франции, 15— в Италии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *С. М. Розеноер*. Художественный редактор *М. Л. Фрам*.
Технические редакторы *П. Ф. Монжеран, М. И. Натапов*. Корректор *Е. А. Дорошевская*.

А-09349. Подписано к печати 17/XI 1948 г. Учётно-издательских листов 12,45. Печатных листов 13.

Отпечатано в типографии Т-3.

Цена 6 р. 5